

ВВЕРХ... НА ВОЗДУХЕ

(Читайте стр. 12—13)

Фото Евгения СТЕЦКО

Этот «крамольный» Щетинин. Фотоочерк
Из неопубликованных рассказов Владимира Набокова
Озоновый дефицит. Что делать?
Улица: с нами или против нас?
Повесть Джона Уиндема «Избери путь ее...»

Фото Евгения КАРМАЕВА

**Леонид
БЕРЖЕМИНСКИЙ,**
мастер омского СПТУ-52

«ОТДАЙ СВОИ ОРДЕНА...»

**ИЛИ ПОЧЕМУ «ИСЧЕЗ»
ГЕРОЙ ПРОШЛЫХ ПЯТИЛЕТОК**

Лет десять назад имя Леонида Бержеминского гремело. Лучший сборщик автопокрышек в стране. Человек, который организовал первую в шинной отрасли бригаду сборщиков, кавалер орденов Ленина и «Знак почета». Лауреат премии Ленинского комсомола. Делегат XVIII съезда комсомола. Член бюро обкома ВЛКСМ...

В 1980 году Бержеминский на страницах нашего журнала рассказывал о своей бригаде и о том, каких трудов стоило ее создать. Как сложилась судьба молодого рабочего в дальнейшем? Почему не слышно имени этого талантливого человека в годы перестройки?

Сейчас Леонид — скромный мастер в одном из скромных СПТУ... Может, все регалии и почести, которые воздавались ему, — не что иное, как порождение эпохи застоя, когда из средней массы рабочих выхватывался один, чуть более умелый, чуть более стоворчивый, чем прочие, и на него по милости власть предрежущих ниспадал золотой дождь?

Не так все просто... Впрочем, послушаем самого Бержеминского.

— После того как мы организовали на сборке бригаду, наша выработка стала расти и вскоре достигла 140 процентов. А потом мне пришлось из цеха первой сборки уйти. Из-за его начальника Геннадия Дмитриевича Аксентьева. Вообще говоря, наша производственная система была, да и сейчас построена так, что всякий, кто работает лучше

среднего уровня, не скрывает резервы, неминуемо попадает под огонь и сверху, и снизу. Основная масса рабочих боится, что им прибавят нормы и срежут расценки; руководители цеха опасаются, что по «вине» передовиков всему коллективу увеличат план... Так что не Аксентьев тут виноват, а система, просто наш начальник оказался ревностным исполнителем повелений этой системы. Уж очень прямолинейно действовал. Однажды взял и остановил пять наших станков. У нас каждая минута на счету, а он: «Тихо, мужики, станки красить будем». Я говорю: «Давай мы их сами после работы покрасим». В ответ: «Ты не лезь не в свое дело. Я начальник цеха».

После этого я и решил — уйду. И перешел в цех третьей сборки.

Первые три месяца работал один. Вообще-то работать за станком одному вроде удобней и проще — ни до кого другого дела нет. Но... чувствовал я себя не в своей тарелке. Все удаётся, а... поделиться, порадоваться не с кем. Тоскливо.

И я снова стал «пробивать» бригаду. Уже через четыре месяца мы работали вдесятером. А еще через каких-нибудь два месяца обогнали мой бывший комсомольско-молодежный коллектив, который возглавлял тогда Виктор Московец, и стали лидерами нашего производственного объединения «Омскшина».

Выходит, тех парней, которые в бригаду пришли, я выучил работать? Да никого я не учил! Нам помогло соревнование. Соревнование без всякой официальщины. Без горы бумаг. Без инже-

нера по соцсоревнованию... Оно подстегивало здорово.

Когда я работал один, с кем соревновался? С часами. Крал их на станок и давал себе задание сделать тринадцать-четырнадцать покрышек за час. И наглядно, и подгоняет хорошо. А во всех моих комсомольско-молодежных коллективах соревнование возникало стихийно, по парам: сильный — с сильным, средний — с средним. В 1983 году, например, за меня «взялся» Александр Паламарчук. Увидит, что я очередную покрышку собрал быстрее, начинает изо всех сил рваться. Я станок регулирую — он пододвигает, посмотрит и на своем так же сделает. Петр Зайцев тянул, Виктор Сустанов, да все ребята... Только так, без всяких там договоров может жить настоящее соревнование.

...Вы спросите меня, зачем мне все это нужно было? Чтобы заработать побольше? Конечно, лишний рубль не помешает. Но нет, не из-за денег я старался. И не из-за славы. Хотя получать ордена было приятно, не скрою. Но лезть из кожи вон ради них глупо и пошло. Так в чем же дело? Сейчас понимаю: работал я на всю катушку для того, чтобы чувствовать себя человеком. Профессионалом в своем деле. Имеющим право уважать себя.

И еще: лучший имел право быть услышанным. Я мог ходить выбивать квартиры для своих парней, требовать нормального снабжения. Кто бы меня в те годы послушал, не будь я орденоносцем и лауреатом?

Обидно только было, что система убивала на корню многие отличные наши идеи. Меня это страшно угнетало. Вяжущие руки инициативе. Приказывают молчать... Я гордился тем, что работал без брака. Это даже золотую медаль ВДНХ за это вручили. Но таких было не много. Сделает сборщик бракованную покрышку — спишут. Еще сделает — еще спишут. Собрать одну покрышку стоит пятнадцать копеек. Я много раз говорил генеральному директору объединения Петру Васильевичу Бударкину: давайте вместо пятнадцати будем платить рабочему, скажем, двадцать пять копеек, но за каждую бракованную покрышку вычитать из зарплаты. Директор всегда отвечал: «Нельзя. У нас не капстрана». Ну и что ж? Сейчас так, как я предлагал — по газетам суджу, — начинают работать некоторые предприятия. Но почему не мы? Не «Омкшина»?

Отходов горы. Мы же сотни тонн корда сжигаем. Разве настоящий хозяин так делает? Корд — ценнейшее сырье. Есть брак — добавляйте его в асфальт хотя бы. И качество асфальта будет лучше, и корд в дело пойдет.

Не думайте, что я один такой умный, и только я об этом говорил. Все рабочие это видели. И большинство говорили. Правда, в основном в курилках. Но и на собраниях некоторые лезли, куда их не звали. Говорили о том, что инженеры у нас в новинках не заинтересованы. На третьей сборке не так давно внедрили новую конструкцию покрышек — шесть слоев корда вместо восьми, изменили конструкцию покрышек и на первой сборке... Но темпы! Если бы инженер-конструктор горел на работе и получал за свои идеи неплохие деньги, мы уже через год шестислойную шину еще на какую-нибудь поменяли. А мы одну конструкцию придумали, экономии корда получили и радуемся — какие мы молодцы!

А информированность рабочих? Да мы о том, что в каком-нибудь Гондурасе творится, знаем лучше, чем о делах в соседнем цехе или на аналогичном предприятии! Спросите у рабочих: о каких новинках в шинной промышленности они слышали? Мало что ответит. Сейчас рабочий знает одно: сколько он сделал и получил. А надо, чтобы он знал, и сколько сырья, электроэнергии

израсходовано, сколько брака сделано... Чтобы каждый все считал.

Предлагал я создать на сборке сквозные бригады. Объединить с нами экономически все службы — заготовщиков, транспортников и других. Чтобы у бригады были свои станки, свой денежный фонд, чтобы стала она самостоятельной единицей. Сейчас это называется хозрасчетный коллектив, и на «Омкшине» подобные бригады есть. А пятнадцать лет назад мое предложение никто не поддержал. Правда, у себя в бригаде мы экспериментировали. В 1983 году первыми в объединении стали работать с КТУ. Заработок сразу подскочил рублей на сорок — за счет коллективного фонда. Если кто-то был в отпуске или на больничном, мы делали его норму, а деньги распределяли между членами КМК по коэффициенту трудового участия.

Я и сейчас болею всем, что делается на заводе. Иногда сам себя спрашиваю: почему рано ушел? Перестройка развязала рабочему руки. Сейчас ни один управленец, ни один начальник цеха не пойдет против тебя, если ты прав. Не так давно на партийном собрании рабочие так критиковали Аксентьева, только успевая отбиваться. И он отвечал им. Как нынче положено. А попробуй такое сотвори в годы застоя? Да начальник цеха всех сгноил бы... Наш комсомольско-молодежный коллектив в 1973 году выбрал меня бригадиром. Тогда мы были первыми и последними в этом деле. Теперь, вы знаете, выборы — вещь обычная.

...Был я не просто рабочим, но еще, так сказать, политическим лидером: делегат съезда ВЛКСМ, член бюро обкома комсомола... Но сейчас вижу: был я простой марионеткой. Меня это дико угнетало. Знаете, как я выступал на XVIII съезде комсомола? Это же смех. Во-первых, текст написали обкомовские работники, я им только цифры дал. Вместе со мной в Москву на всякий случай поехали секретарь обкома ВЛКСМ, корреспондент областной газеты — если понадобится составить новый текст, и представитель телерадиокомитета — дикцию мне ставить. В Москве мы сначала дикцией занялись, потом я читал текст на магнитофон, а меня поправляли — где нужно сделать эмоциональный подъем, а где нет. После всех этих процедур слушал меня еще заведующий отделом рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ. Слава богу, что хоть говорил я не под фонограмму.

Как член бюро обкома комсомола я тоже, по сути, ничего не делал. Нас там несколько человек с производства было, и всех держали в качестве статистов — бумажки подписывать, руки на голосовании поднимать. А все основные проекты решений готовились либо секретарями, либо заведующими отделами.

Поздравлял меня телеграммой Л. И. Брежнев — с выполнением пятилетки за два с половиной года. По-человечески, мне, конечно, было приятно. Все-таки на таком уровне заметили работу бригады. Но, с другой стороны, я оценивал поздравление трезво. Ведь сколько их уже было разослано по стране, этих брежневских телеграмм! Не было бы Брежневского, нашелся бы кто-то другой. Мне и тогда казалось и сейчас кажется, что телеграммы, подписанные генсеком, он вообще не читал.

Мы ответили Генеральному секретарю, но кто писал ответ, я до сих пор не знаю. Единственное, что сделали мы сами, бригадой, — сходили в техотдел и выписали наши показатели. Отдали цифры в обком комсомола, и через день нам принесли готовый текст. В двадцати строках трижды повторялось: «дорогой Леонид Ильич». Я удивился: «К чему такие реверансы? Достаточно одного «дорогого». Обкомов-

цы поворачали, но вычеркнули «лишнее».

И это было, пожалуй, единственной моей робкой попыткой протестовать против аппаратной системы. Почему я не послал все эти показушные игры куда подальше? А почему этого не сделали тысячи других передовиков, покорно сидевших в президиуме и принимающих ордена? Не знаю, как остальные — я, если честно, считал происшедшее единственно возможным ходом вещей. Я при другом времени не жил.

А кроме того, когда я воевал, например, с Аксентьевым, он не раз мне говорил: «Тебя можно уволить по статье, как политически неблагонадежного». И хотя я знал, что нет в КЗоТе такой статьи, а было страшновато. Представьте, если б я на высоком форуме что-нибудь не в унисон сказал?.. Нет, не материальные блага я потерять страшился. Мой станок у меня не отберут. Уволят с завода — уйду на другой. А вот моральное равновесие... Знаете, я никогда не ездил на работу на автобусе. Специально ходил пешком, чтобы не портить себе настроение автобусными дразгами. Я шел и напевал, настраивая себя на хорошую работу. И в бригаде я старался не портить никому нервы. Потому что все это мешает творческому труду. Когда у человека душа поет, он горы может свернуть. А у меня душа всегда пела. И я не мог вынести, когда после наших конфликтов она начинала петь... вполголоса, что ли. Либо петь и работать, либо конфликтовать и не работать. Я выбрал первое и не считаю, что тем самым портит застой. Ну, взбунтуйся я — и что бы переменялось? А вот если бы у всех людей во время работы душа пела, то мы не пришли бы к тому, к чему пришли.

Недавно сказал мне один товарищ: «Ты получил свои ордена во время застоя — сдай их назад!» Почему? Я их горбим своим заработком! Не лизаньем ботинок, а трудом. И боюсь показаться нескромным, но все-таки скажу еще раз: если бы все работали так, как я, перестраивать сегодня нам пришлось бы меньше.

Но почему я все-таки ушел из объединения? Нет, физически я не устал. Был в прекрасной форме, и мой рекорд — 120 покрышек в смену вместо 26 — никто не побил до сих пор. Мне просто захотелось отдохнуть душевно. Даже те микроскопические (по сегодняшним меркам) конфликты, которые у меня были: за квартиры, за сырье — повлияли на отношение ко мне со стороны руководства. К тому же начальником в наш цех пришел все тот же Аксентьев...

И в это время меня потихоньку стали выживать со «сцены». Перестали приглашать на заседания парткома, на конференции и т. д. А я по-прежнему был лучшим рабочим «Омкшины». Но для начальства становился все неудобнее и неудобнее, и оказался... в вакууме. Руководству объединения и обкому комсомола нужен был тихий Бержеминский, которого можно показывать делегациям как экспонат. А Бержеминский — человек со своим мнением — был им ни к чему. На меня стали коситься, поговаривать, что нет уже прежнего Леонида. Но я доказал, что есть, — выполнил план десятой пятилетки за два с половиной года. И ушел. Победенным себя не считаю.

Вообще-то я мечтал, когда уйду со сборки, работать инструктором-наставником. Такой должности нигде нет. Но я бы ввел ее на всех предприятиях страны. Я стал бы всех людей всему, что знаю и умею. Можно же по-разному покрышку собирать. Можно всю смену надрываться и ничего не успеть, а можно легко, играючи, норму перевыполнять. Эту легкость я бы и передавал рабочим. Нужна, нужна такая должность для роста мастерства, для разви-

тия соревнования! Пусть бы мне сделали зарплату 300—350 рублей, и я бы с радостью учил... Слишком большая ставка? Но когда я вел школу передового опыта, экономический эффект от моей работы за три месяца составил четыре тысячи рублей. Разве невыгодно отдать тысячу, а получить четыре?

И вот я решил: уйду. Отработал смену, а мне навстречу генеральный директор Бударкин. Я ему все и выложил. Он мне говорит: «Ты не торопись, давай подумаем. Может, пойдешь начальником смены?»

Я отказался. Через два дня мы снова столкнулись на проходной, и директор предложил мне место мастера в СПТУ. Я согласился.

Да, когда-то я был в шинной промышленности рабочим номер один. Сейчас просто мастер СПТУ. Считаю ли себя потерянным человеком?.. Долго думал над этим. И отвечаю так: нет, не считаю. Человек теряет себя только тогда, когда теряет свою опору в жизни. Я ее не потерял. Во-первых, остались мои ребята в бригадах. Я рад, что они стали хорошими специалистами, что многие из них — например, Паламарчук, Романенко, Сапунов — выходили в лидеры соревнования на «Омкшине». Это, конечно, греет. Во-вторых — и это самое главное, — в училище я нашел второго себя. Я вдруг открыл, что люблю детей, что жить без них не могу. Скажу больше: это дело так меня захватило, что я готов все сделать для моих воспитанников. У меня в группе их двадцать девять. Треть не имеет матери или отца. Городских всего трое. И у всех этих мальчишек и девочек свои, нам не очень понятные, представления о жизни.

Ученики называют меня «папой» или «батей». Понимаете, придя в СПТУ я попробовал было работать прежними методами. И... споткнулся. Человек не покрышка, его на операции не разложишь — вот в чем дело. Если на сборке можно выдавать по пять норм, то тут... Каждый подросток требует индивидуального подхода. Где приласкаешь, а где и ругнешь. Первые два года оказались для меня архисложными, даже уходить собирался. Потом задумался: нет, шалишь, Леня, хватит кочевать. Никто за тебя твою работу делать не будет. Остался. Знакомые мне говорили: «Молодец, устроился, нашел себе работенку». Адская работенка! Пособий нет. Учусь на ошибках. Публикации о работе таких людей: как Шаталов, Волков, — редкость. Остается журнал «Профтехобразование». Словом, информации минимум. В результате убогое преподавательских приемов, плохое воспитание детей и «веселый» образ «пэтушкина»-дурака.

Не дураки наши ребята, поймите, наконец!.. К нам приходят подростки с огромными возможностями. Из них можно сделать таких профессионалов, что все ахнут. В молодости учиться легко — тут-то и нужно давать молодым твердые жизненные установки и профессиональные навыки. Они впитывают все мгновенно. Тем летом мои ребята даже во вторую смену оставались до того им нравилось. И я их оставлял, хотя по закону не положено. А в душе радовался: ведь интерес к делу — это самое главное.

...Оглядываясь назад, «итога то, что прожил», признаю себе, что не хотел бы иной судьбы. Начав все сначала, я прожил бы так, как жил. Прошли эти годы в застойное время — что ж, не повезло. Сейчас мне, верно, было б легче. Но ни от одного дня своего я не отрекнусь.

Я доволен, что не был «серым» человеком.

Алла БОССАРТ
 Фото Евгения СТЕЦКО

Пленка: «...Я учу проигрывать честно, до последнего стремясь победить. И кто преодолел себя — тот уже победил, даже если не все решил. Выиграть обманом нельзя. Поэтому и не нужны отметки.

...Мы взаимно заряжаемся. Учитель должен включать ребят в свою «розетку». Главное — зажигать сердца, а не только рассказывать о том, что знаешь. Нести им себя, а не свои знания. И тогда родится эта светлая волна, несущаяся к доске, этот прекрасный световой поток».

«Вздорный, профессионально неграмотный авантюрист, игрок, ставящий на карту души и судьбы детей, используя их для удовлетворения своего болезненного тщеславия, гордыни и фанаберии» — так или примерно так отзываются о Михаиле Петровиче Щетинине, старшем научном сотруднике АПН СССР, руководителе эксперимента в средней школе станции Азовская Краснодарского края, его коллеги.

«Мы возмущены, что подобное оскорбление наносится человеку, пользующемуся огромным авторитетом в школе, человеку, который всего себя отдает работе с детьми, безвозмездно проводит уроки, являющиеся показательными, личным примером вдохновляет и учителей, и ребят на колхозном поле, ферме и, кстати сказать, зарплата которого меньше среднего заработка школьного учителя».

Это — другие коллеги, о нем же. Есть ли сейчас в стране педагогическая фигура более знаменитая и одиозная? Слава Щетинина как ток в цепи возникла от противоположно заряженных полюсов. На одном — взрослый и очень авторитетный фронт: официальная педагогика, защитники традиционной школы, школьные ведомства. На другом — педагогическая наука, неофициальная педагогика, родители и... дети.

ла — это государство в том смысле, что готовит новое поколение общества. Поколение, которое начнет по-своему влиять на жизненные процессы. Вопрос — как именно «по-своему»? — имеет глобальное, историческое значение. Потому и совершенно естественно стремление системы подавить новаторов, ибо ни одна старая система не хочет сдавать позиций. Охота современной кабалы за еретиками — отнюдь не спор идей, так как спор предусматривает наличие идей с обеих сторон. В общественном, условно говоря, «синдроме Щетинина» (его можно назвать «синдромом Сахарова», «синдромом Пастернака», «синдромом прямых выборов»...) я вижу наличие идей только с одной стороны. С другой — есть озабоченность власти властью.

ционная система вся построена на подавлении личности. Здесь уже не обойтись просто добрыми, ласковыми беседами с ребятами. Нужно изменение жизнедеятельности учителя и ученика. И Азовская школа оказалась к этому готова. Мы как бы нашли друг друга. Я ведь два года ездил по Союзу в поисках тех, кто сам бы меня выбрал...

— А что, собственно, он преподает? — Этот вопрос задают все без исключения, с кем приходится говорить о Щетинине. Ответить затруднительно. Потому что у Михаила Петровича нет предметного образования.

А преподает он при этом все, что хочет: физику, математику, литературу, историю. Музыку, конечно, — по диплому-то он именно только учитель музыки.

Михаил Щетинин покусился на святая святых нынешней школы: на ее планово-валовую и административно-приказную систему. Многие элементы его демократической методики не явились открытием. И разновозрастные отряды, и самоуправление школьников, и безоценочное обучение, и трудовое воспитание были известны советскому нарпросу от Макаренко и Сухомлинского до Амонашвили. Но Щетинин возвел равноправие и свободу личности ребенка в принцип и выдвинул тезис о приоритете воспитания гармонической личности перед обучением. Тут и сверкнула его ахиллесова пята. С этого фланга и начали Михаила Петровича бить, не стесняясь в средствах. Главным аргументом противников Щетинина была его «некомпетентность».

...Наше знакомство началось почти что ссорой. Я спросила: «Ну, литературу, историю — понятно. Гуманитарные знания — аспект общей культуры. Но как вы преподаете математику? Физику? Вы не испытываете недостатка в специальной подготовке?» В ярко-голубых глазах моментально погас всякий интерес и симпатия к моей персоне. Щетинин слегка нахмурился и сказал скучным голосом:

тель. Две же оставшиеся причины достаточны, чтобы говорить о его педагогической состоятельности.

Казалось бы, нет ничего легче, чем доказать эффективность работы учителя. У него есть беспроегрывный аргумент: ученики. Их знания. Но как раз основное обвинение, предъявленное Щетинину народным образованием, — это развал собственно учебы. Освобожденные от обязанности учиться, неконтролируемые ученики деградируют на глазах братающихся с ними учителей, вследствие чего школа приобретает пугающий вид анархической вольницы под изодраным флагом дешевого авторитета батьки Щетинина. Примерно такой увидела школу в Зыбком отличник просвещения Н. Целищева, автор статьи в «Народном образовании».

Вот здесь кроется основная трудность объяснения со Щетининым всех, кто не участвует в его эксперименте. Ибо эксперимент предполагает не отдельные новации в рамках традиционной программы, а совершенно новую философию ЗНАНИЯ как процесса, как результата и как смысла жизни. Поэтому совершенно не случайно, а закономерно: хуже всех понимают Щетинина именно школьные работники.

Когда тридцать лет подряд бредешь с десятками своих классов, с сотнями детей по страницам одного и того же учебника, от параграфа к параграфу, от теоремы к теореме, от правила буравчика к закону Ньютона, — требуется серьезная перестройка сознания, чтобы воспринять процесс учебы не как усвоение параграфов, а как усвоение идей. И не просто механическое усвоение, и даже не просто понимание, а постижение, погружение в идею, самостоятельное создание ее модели.

В Азовской школе не употребляются слова «проходим». Говорят «погружаемся». Как дитя не проходит, а погружается в мир, постигает его не участками, не по клеточкам, а залпом, целиком, останавливаясь там, где ему интересно, так и ученик Щетинина ныряет в науку, двигаясь от общего к частному, а не наоборот.

ДАР НЕ НА ПРАСНЫЙ...

Фронт, надо сказать, чрезвычайно многочисленный, хотя и лишенный всякого авторитета.

Спротивление в цепи возросло, напряжение, как водится, возрастало тоже. Щетинин путешествовал от школы к школе, и тяжелее домашнего скарба, который приходилось тащить за собой по стране, оттягивали ему плечи две славы: величайшего шарлатана и великого Учителя.

Пожалуй, ни один из новаторов не подвергался таким преследованиям, таким нападкам, как Михаил Петрович Щетинин. Я вот думаю — почему? За инакомыслие — понятно. Но ведь в авторитарном государстве быют не за частные вывихи во взглядах. В авторитарном государстве быют диссидентов (от искусства, политики, философии, педагогики) за стремление «под знамя». Инакомыслие всегда чревато единомыслием. Инакомыслящий трудится, борется и рискует ради того, чтобы свою программу сделать программой большинства.

4 Педагогика — это политика. Шко-

Пленка: — Педагоги из ваших учеников используют ваши принципы?

— Использовать элементы нельзя. Когда детали новой системы пришиваются к старой, то и старая становится хуже, и новая проигрывает.

— Значит, отдельные открытия в педагогике пропадают нереализованными, если не изменена система в целом?

— Вот потому я и занимаюсь сейчас организацией Центра, где будут охвачены все сферы жизни детей. В миниатюре все это уже есть в нашей школе... Азовская школа отличается от Зыбковской, Яснозоренской. Совсем другое время. И потом, здесь уже работала Виолетта Сергеевна Лукьянова, директор и отличный математик. Она приехала за два года до меня, словно по чьему-то замыслу. Виолетта Сергеевна тоже шла к демократизации школьной жизни, но пыталась перестроить ее в рамках старой системы. Была эта работа почти бесплодна, потому что нельзя призывать человека к свободе, не сняв с него наручники: тради-

— А я думал, вы все понимаете. А вы как все. Вряд ли вы что-то увидите при такой позиции. А объяснять — не хочу и не могу... Вы же не понимаете главного. Если человек хорошо знает предмет, это еще не значит, что он учитель!

— А если талантливый воспитатель не знает предмет, он — учитель? Вывести разговор из тупика стоило немалого труда. Но я действительно хотела понять, чтобы — согласиться. Каждый из нас, как бы ни старался избежать предубежденности «за» или «против» своего героя, все равно исходит из презумпции его правоты или неправоты. Я из тех, кто за Щетинина, потому что я твердо за ребенка. И думаю, что педагог Щетинин любит детей, защищает их интересы, печется об их нравственном и физическом здоровье. Думаю так, потому что вижу словно примагниченных к нему ребят. А они любят взрослых только в трех случаях: когда им со взрослым интересно и еще — в ответ. Щетинин не роди-

Вся физика, общий план: история, представления, борьба идей. Категории: время, скорость, масса, движение. Относительность. Эйнштейн. Космос. Космогония древних. Мифология, мифотворчество. Небесные тела и религия. Инквизиция. Галилей, Джордано Бруно. Категории нравственности и целесообразности в науке. Вращение Земли, тяготение, Ньютон. Свет, оптика. Корпускулярная и волновая теории. Квантовая механика, атом, ядро, энергия, материя. Законы диалектики. А следом идет погружение, например, в историю, когда законы диалектики уже известны и разговор о развитии жизни на Земле можно начинать не с классической обезьяны, взявшей палку, а на уровне космической идеи.

Взаимосвязь наук, ассоциативность и отсюда — творческая активность, самостоятельность мышления и неразрывно с этим — самостоятельность личности, то есть самоуправление, ответственность. Наряду с быстротой и напряженно-

Возьмемся за руки, друзья!

стью процесса познания — быстрое и напряженное становление личности.

Пленка: «Я никогда не выступал с программой «авторской школы». Если бы я выступал с такой идеей, я бы поставил себя в ложное положение. Потому что мы делаем ее сообща. Концепцию и образ нашей школы мы придумывали вместе — это совершенно честно. Иначе она не была бы принята как своя. В позапрошлом году взяли всех ребят, кто хотел принимать участие в структурировании, систематизации учебного материала. Чтобы вместо суммы параграфов была бы сущность, семя, из которого вырастает древо науки. Взять семена этого древа, которые разбросаны по всем учебникам, и свести воедино. Мы собрали все классы вместе и стали планировать. И вдруг обнаружилось, что прекрасно срабатывает разновозрастный отряд...»

Погружение в предмет занимает семь — девять дней. Затем следует другой предмет. Цикл, или период, — шесть недель. Следующий период — погружение на новом витке, возвращение к уже знакомому на более детальном уровне. Рабочая неделя — пять дней. После каждого периода — недельный перерыв. Оценок не выставляют. Уроков не задают. Учебников нет. Вместо классов — разновозрастные отряды. В школе две параллели: «два — пять» и «шесть — десять», что означает совместное обучение в одном отряде ребят в возрасте со второго по пятый класс и соответственно с шестого по десятый. Отряд (около двадцати человек) состоит из «экипажей», в каждом из которых — свой командир. Им может быть и самый младший. После каждого погружения — зачет, который наиболее

сильные (а необязательно старшие) члены экипажей принимают вместе с учителями или сами. Если третьеклассник, скажем, «перерастает» свою параллель по знаниям, сообразительности, по своему, так сказать, «коэффициенту интеллекта», его переводят в «шесть — десять».

Стоит ли говорить, какой восторг вызывает такая система у ребят и какое, мягко говоря, недоумение у взрослых! Писклявые шестиклассники вместе с дядями призывного возраста на одной парте? Да как это? Те уже Достоевского проходят, а эти только-только дробы осилили! И как это — неделю топтаться на одном предмете, а потом месяц к нему не возвращаться? Они же все перезабудут! И как это — свой своего экзаменует?

Пленка: «Говорят, что возведение в степеня и извлечение корней невозможно для ученика до восьмого класса. А мне кажется, что ученику невозможно не дышать перспективой. Человек при ходьбе не смотрит под ноги, он смотрит вперед и корректирует свои движения. А в школе — только под ноги. Нужно постоянно перебрасывать взгляд в перспективу... Вы спрашивали, как я преподаю? Я не преподаю. Вот трое старшеклассников заходят в класс и говорят: крутили приемник и услышали «SOS». На корабле вышел из строя компьютер, на борту нет математика. Всем, кто нас слышит! Просим записать наши координаты. Необходимо систематизировать цифровые данные. Если систематизировано будет правильно, получится единица. Сообщите в порт Новороссийск по такому-то телефону. Мы с Виолеттой Сергеевной как бы в недоумении: вы что, ребята, у нас тут — вторые — пятые классы, а как надо считать! Но тут наши закричали: «Давайте, давайте попробу-

ем!» И решили! Но тут я вижу сомнение. А может, с нами играют? Понарошку? А я сам уже начинаю верить. И тогда мы заказываем разговор с Новороссийском...

Как же они были счастливы! А потом спрашивают: а правда, это был начальник порта? Я говорю, ребята, а что лучше — чтоб чудо было или чтоб чуда не было? Ну так чего ж вы копаетесь?

...Все это время в классе присутствовал Дух Земли, который обращался к людям с просьбой о помощи: восстановить гармонию на Земле. Но для этого надо знать корень жизни. А корень жизни — это законы отрицания отрицания, единства и борьбы противоположностей и перехода количества в качество. «И любая наука — если это наука о жизни, а не схоластика — должна строиться на этих трех законах», — говорит Дух. То есть я.

— Сидели в шкафу?

— Нет, за шкафом. Музыка такая фантастическая... В классе — одна Виолетта Сергеевна. И тут ворвались Баба Яга и Леший, схватили ее и унесли. Я завываю: учительницу еще можно спасти, если пройти пять испытаний! Задание — у пятого светильника. Сообразили, что это плафон. Нашли пакет заданий. Раздали. «Но помните, — вещает Дух, — все это — тайники злых сил. Если вы за девять минут не успеете решить (у нас девятыминутки, три минуты перерыв), то будете обнаружены злыми силами и похищены». Как решали! Четыре минуты — решено. А перед самым окончанием заскакивает Леший. Потом они за этим Лешим летели по всей станице, а он лохматый, собаки азовские с ума поскодили...

Но злые силы так просто нас не оставили, заколдовали всех командиров. Те окаменели и, пятясь, вышли из класса. А Баба Яга оставила

записку: «Если за три дня не решите все задачи, командиров потеряете». А нам важно было найти новых лидеров. Экстремальная ситуация. И появились новые командиры. Все было без меня и без учителей... Урок — неинтересен. Нужна жизнь. Проблема. За три дня надо было выполнить задание — пришли в субботу и в воскресенье. Девочка из четвертого класса справлялась с заданием седьмого. Потому что оказалось — это жизненно важно...»

В Азовской школе очень красиво. Стены коридоров и классов — как детская книжка с картинками. Буйная фантазия в десятки рук расписала всю коробку здания. Ребята ходят по этажам, руки по локоть в краске, творческие и озабоченные.

Я думаю, что если бы в этой школе, кроме такого «погружения», ничего бы не было, — уже стоило порадоваться за ее учеников, за огромную радость, выпавшую на их долю.

Но свежо в памяти, как растрепанная от слез мама в сползшем платке кричала в кабинете директора: «Не нужно нам ваше погружение! Светлана собирается в педагогический институт, ей русский сдавать, а она вместо сочинений и диктантов уже неделю как стенки мажет! У вас погружение в изо, а экзамены кто сдавать будет?»

Родители любят своих детей. И, намыкавшись, так не хочется, чтобы дочка повторяла твою тусклую, незаметную жизнь. Но так страшно, если пойдет своей дорогой! Мы за надежность, а надежность видим в привычном.

Подозрительно, что не готовят дома уроков. Подозрительно, что до вечера пропадают в школе. Подозрительно, что рисуют столько же, сколько решают задачи, а то и больше. Подозрительны песни-танцы. Все

в этой школе подозрительно...
Первые шаги ребенка — это шаги гения. Куда же девается этот гений в школе?

«Реабилитация гения» не так уж сложна. Требуется всего лишь равномерное включение в работу правого и левого полушарий мозга. До сих пор школа оперировала практически одним полушарием — левым, так как основными предметами считались такие, которые опираются на вербально-знаковую информацию (физика, математика, язык, литература, география и т. д.). Нейроны левого полушария перенасыщались информацией. Как и любое переутомление, это приводит к истощению. В то время как правое полушарие — нервные центры образного, творческого мышления — почти не заняты и неизбежно деградируют. Крамола Щетинина — уравнивать информацию и творчество в правах.

Демократическая система Щетинина многим взрослым кажется абсурдной и анархичной потому, что норму и порядок мы привыкли видеть в абсолютной искусственности школы, в ее оторванности от психологических и социальных законов. Эксперимент в Азовской заключается, попросту говоря, в распространении на школу тех правил, по которым «играет» жизнь.

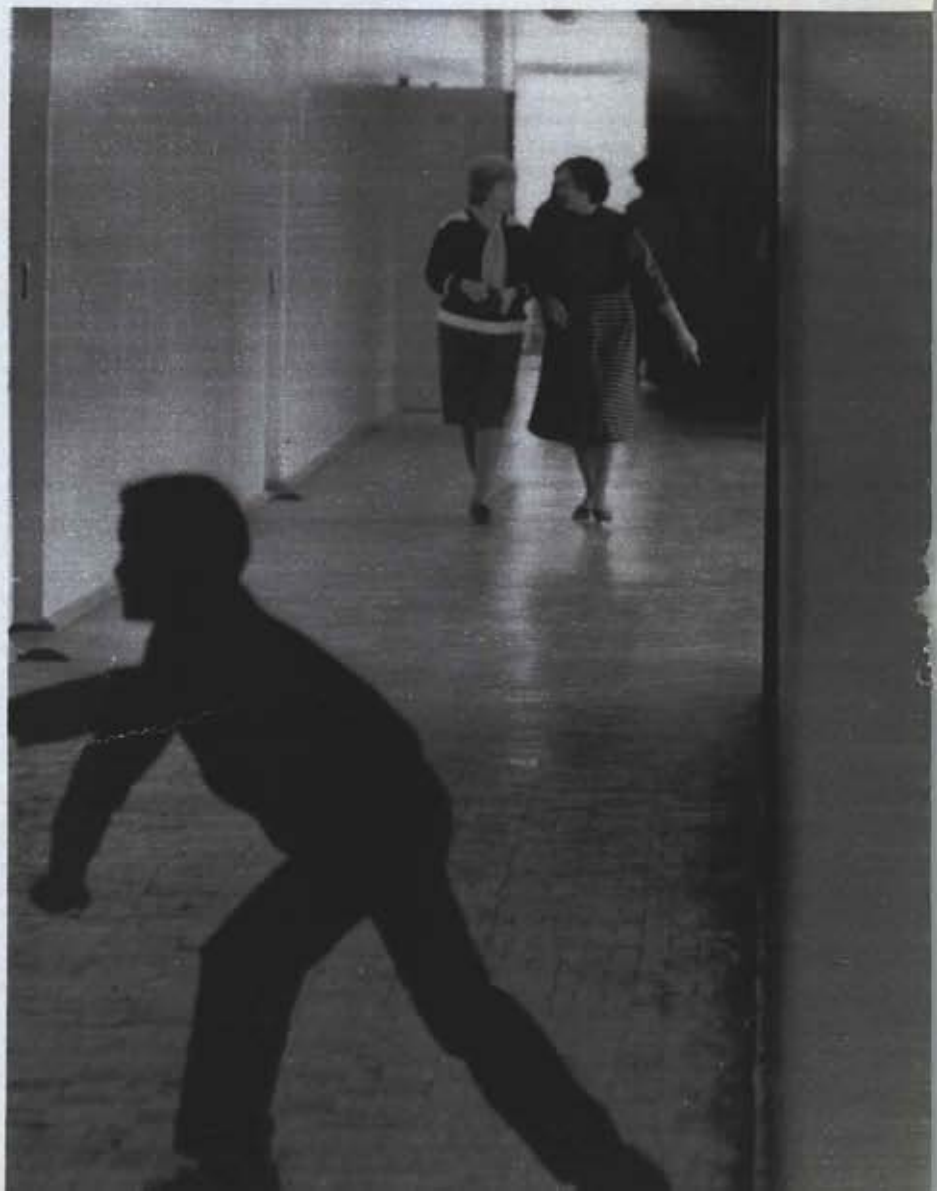
Главный авторитет для подростка и ребенка — товарищ, подруга. В этих отношениях не может быть ни лжи, ни скидок. Поэтому самоуправление, особенно в учебе, не терпит обмана, халтуры, безответственности. Ничто так не развращает, как насилие и недоверие. Лев Разгон вспоминает о детском бараке в лагере как о самом страшном месте в зоне: не было такой мерзости, гнусности и жестокости, какой бы не могли совершить «малолетки». Поэтому равноправие и доверие уже сами по себе — нравственный контроль, не

требующий никакой специальной узды.

Пленка: — Вам не кажется, что, когда они сами все решают и обсуждают, в них как бы нарождаются маленькие бюрократы. Они увлеченно говорят о бумагах, о бортижурнале, о форме дежурств, об организации совета командиров... С одной стороны, это все очень увлекательно. Но, с другой стороны, это похоже на административный восторг, на энтузиазм функционеров.

— Опасность уклониться в бюрократизм преследует нас всех, это правда. И попытка ребят стать с нами рядом — это попытка принять нашу роль полностью, чтобы все, как у нас. Да еще при их максимализме. Они хотят противостоять разнузданности, расхлябанности — и вот перегиб в другую сторону. Форма, галстуки, пиджаки... Перегиб в предполагаемый порядок. Поиск своих ценностей. Везде — в том числе и в области формализма. И я не пресекаю этот путь, пусть ко всему придут сами. Во мне самом вагон и маленькая тележка всего, что мое время мне «подарило». К счастью, у нас очень много работы, которая уже не игра... Со временем они откажутся от несущественного, потому что это просто несовместимо с жизнью. Как неудобна, например, форма, когда все время приходится возиться с краской, или копать в саду, или танцевать, или заниматься гимнастикой. А существенное останется: просто потому, что оно интересней.

На уроке географии один мальчик из Новосибирска, Саша Черноскутский, сказал: что мы все рассуждаем об экологии? Надо действовать! Давайте спасать нашу речку, наш лес. Я говорю: Саша, вы верите, что мы сможем? Тогда если братья, то серьезно. Если лес, то весь лес, 14 тысяч гектаров. Пусть у нас будет

свое лесное хозяйство. И поехал к генеральному директору производственного объединения лесного хозяйства края, Юрию Яковлевичу Лекаркину. Мы заключили договор: получаем вольер с пятнистыми оленями, будем поставлять рога для пантокрина; обязуемся сеять, а не только собирать лекарственные травы; разворачиваем свое пчелиное хозяйство; на кордоне лесника строим свою биостанцию. И вот мы получили первые ульи, высадили сосновый молодняк, строим конюшню: лесничество подарило нам лошадей — вести дозор в лесу. Теперь хотим создать туристскую тропу и поставить ее на хозрасчет...

Возможна ли в принципе гуманизация души и личности без глубокого, осмысленного и постоянного контакта с природой? Стараясь разме-

Считаем все...
а поет — директор.

щать свои школы, свои коммуны поближе к речке, к лесу, к небу, к земле, великие педагоги призывали в союзники этого «духа живаго»... Как стыдно читать у отличника просвещения Н. Целищевой саркастические намеки о «близости рыбалки» как решающего фактора в выборе Щетининым места для школы.

У въезда в станицу — гора. На этой горе хочет Михаил Петрович построить свой Центр — лицей, чтобы стоял в изюмке, как храм. И будет вести к нему улица. Ее уже асфальтируют.

...А сам Михаил Щетинин живет неудобно. У него нет кабинета, и мы до утра разговариваем на кухне, куда вышли и его старики, мать с отцом, которых он, как и всех без исключения учеников, зовет на «вы». И молоденькая жена с малышкой. И дрожащая тонконогая собачонка. Жена вскоре ушла, а родители строго слу-

Руководитель Центра Михаил Щетинин: перед уроком...

шали нас, роняя, между прочим, очень дельные замечания. Но потом они сломались. А мы так и сидели на кухне, за остывшим чаем. Я — по московской привычке, а Михаил Петрович — за компанию. У нас оставалось мало времени, с утра он уезжал в Болгарию, а разговор, как все кухонные разговоры, выходил занятный.

Пленка: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана? И зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена?..» Если сейчас человека изъять из биосферы, погибнет земля? Или будет продолжать жить, восстановив все, что человек разрушил? Ответьте на вопрос, говорю я им. Что бы вы ответили?

— Но ведь природа существовала до нас.

— Никогда. Сначала человек был просто растворен в ней, был ею самой. Это не поэзия... Сколько ни существовала материя, существовал и дух. Об эмбрионе мы вправе сказать, что это не человек. Но мы и не вправе так сказать.

— Но это же не дух. Это материя, клетка.

— А что, клетка недуховна?

— Тогда что такое дух?

— Это то, что организует движение и материю. Сегодняшний человек — часть целостного организма, одна из ведущих сил, разум. Отсечь от организма его мощнейший элемент все равно что голову отсечь от тела. Получится труп.

— Почему же человек, высшее выражение духовности природы, делает все, направленное против природы?

— Он забыл о своей роли. Ему надо напомнить.

— Скажите откровенно, вы видите себя в роли мессии?

— Я думаю, что каждый из нас ощущает мессианство. Но перестает это чувствовать, как только отходит

«Правильно?!»

от своих истоков. Мы время от времени все возвращаемся к истокам и тогда начинаем ощущать поддержку. Каждый из нас выполняет как бы чей-то замысел, на самом деле — замысел миллиардов лет эволюции. Я нередко обращаюсь к звездам. И чувствую отклик. У каждого человека есть экстрасенсорные способности, я отношусь к этому серьезно. В каждом человеке — Бог. В нас есть все силы, что есть во Вселенной. Только концентрация разная. По Сеченову известно, что мысль вызывает ту же реакцию организма, что и движение, например, ожог. Если очень четко работает воображение, при высокой концентрации мысли, — можно перевоплотиться. На этом строится йога. Можно стать собакой, деревом, духом. Ступком энергии. Но человек блокирован: неверием, отсутствием воображения, страхом...

Вы тоже в себе несете эту долю. Иначе вы бы не приехали сюда. То, что мы тут делаем, ведет к прямой реабилитации нашей природы.

— Ваша школа рассчитана на сельскую жизнь? Или в городе такое тоже можно?

— Цели не было разрабатывать сельский вариант... В городе общение с природой ребенку особенно необходимо. Но я вырос в селе и города не понимаю. Люблю землю, люблю ходить босиком. Города недалекого будущего, я думаю, не будут так удалены от природы. А может, и вовсе покинем мы города — ведь ненормальные же условия для психики: эти линии, этот антигуманный бетон... Но если бы выпало работать в городе, делал бы то же самое. Не представляю себе школу другой, где бы она ни была.

— Но именно другой она повсюду и является...

— Это — недоразумение.

АДМИРАЛТЕЙСКИЙ

Наш читатель постепенно знакомится с творчеством выдающегося русско-американского писателя Владимира Владимировича Набокова (1899—1977). В прошлом году в издательстве «Художественная литература» под одной обложкой вышли три романа Набокова — «Машенька», «Защита Лукина», «Приглашение на казнь» и автобиографическая книга «Другие берега»; в нынешнем — в библиотеке журнала «Иностранная литература» появился роман «Лолита»; в периодике широко публикуются его проза и стихи. На подмостках театров идут набоковские пьесы и инсценировки по его произведениям. Набоков — писатель-интеллектуал, превыше всего ставящий игру ума, воображения, фантазии. Вопросы, которые волнуют сегодня человечество — судьба интеллекта, одиночество и свобода, личность и тоталитарный строй, любовь и безнадежность, — он преломляет в своем особенном, метафорическом слове. Стилистическая изощренность и виртуозность Набокова резко выделяют его в нашей традиционной литературе, где форма была, как правило, подчинена нравственной задаче. Лучшие свойства набоковского таланта проявляются в его рассказах. На небольшом пространстве писатель строит целый мир, где реальное и воображаемое двойится, и чаще всего духовным центром становится память о покинутой героине (и автором) России. Таков и предлагаемый рассказ «Адмиралтейская Игла» из сборника «Весна в Фиальте» (1956).

ы меня извините, милостивая государыня, я человек грубый и прямой, а потому сразу выпалю: не обольщайтесь — сие письмо исходит вовсе не от поклонника Вашего таланта, — оно, как Вы сейчас удостоверитесь сами, довольно странное и, может статься, послужит не только Вам, но и прочим стремительным романистам, некоторым уроком. Спешу прежде всего представить Вам, дабы зримый облик мой просвечивал, вроде как водяной знак, — что гораздо честнее, чем молчанием потакать тем неправильным заключениям, которые глаз невольно выводит из начертания строк. Нет, — несмотря на мой поджарый почерк и молодую прыть запятых, я жирный, я пожилой; правда, полнота моя — не вялая, в ней есть изюминка, игра, злость. Это Вам, сударыня, не отложные воротнички поэта Апухтина. Впрочем — будет: Вы, как писательница, уже доделали меня всего по этим намекам. Здравствуйте. А теперь перейдем к сути.

На днях, в русской библиотеке, загнанной безграмотным роком в темный берлинский проулок, мне выдали три-четыре новинки, — между прочим, Ваш роман «Адмиралтейская Игла». Заглавие ладное, — хотя бы потому, что это четырехстопный ямб, не правда ли, — и притом знаменитый. Но вот это-то ладное заглавие и не предвещало ничего доброго. Кроме того, я вообще побаиваюсь книг, изданных в лимитрофах. Все же, говорю я, Ваш роман я взял.

О милостивая государыня, о госпожа Сергей Солнцев, как легко угадать, что имя автора — псевдоним, что автор — не мужчина! Все Ваши фразы запахи влево. Пристрастие к таким выражениям, как «время шло» или «звяко куталась в мамин платок», неизбежное появление эпизодического корнета, пронзосающего «р» как «г», и, наконец, сноски с переводом всем известных французских словечек, достаточно определяют степень Вашей литературной опытности. Но все это еще полбеды.

Представьте себе такую вещь: я, скажем, однажды гулял по чудным местам, где бегут бурные воды, и повилака душит столпы одичалых развалин, — и вот, спустя много лет, нахожу в чужом доме снимок: стою голым возле явно бутафорской колонны, на заднем плане — белесый мазок намалеванного каскада, и кто-то чернилами подрисовал мне усы. Откуда это? Уберите эту мерзость! Там воды гремели настоящие, а главное, я там не снимался никогда.

Пояснить ли Вам притчу? Сказать ли Вам, что такое же чувство, только еще глупее и гаже, я испытал при чтении Вашей страшной, Вашей проворной «Иглы»? Указательным пальцем взрывая страницы, глазами мчась по строкам, я читал и только отмигивался, — так был изумлен!

Вы хотите знать, что случилось? Извольте. Грузно лежа в гамаке и беззаботно водя вечным пером (что почти каламбур), Вы, сударыня, написали историю моей первой любви. Изумлен, изумлен, и так как я тоже грузный, изумление сопряжено с одышкой. Вот мы с Вами пыхтим, ибо несомненно и Вы ошарашены тем, что обьявляете герой, Вами выдуманной. Нет, я обмолвился... Гарнир — Ваш, положим фарш и соус тоже Ваши, но дичь (опять почти каламбур), дичь, сударыня, не Ваша, а моя, с моей дробинкой в крылышке. Диву даюсь, — где и как неведомой даме удалось похитить мое прошлое? Неужели приходится допустить, что Вы знакомы с Катей, — более того, хороши с ней, — и что она все Вам и выболтала, сумерничая под балтийскими соснами вместе с Вами, прожорливой романисткой? Но как Вы смели, как хватило у Вас бесстыдства не только использовать катин рассказ, но еще исказить его так непоправимо?

Со дня последнего свидания прошло шестнадцать с лишком лет, — возраст невесты, старого пса или советской республики. Кстати, отметим первую, но отнюдь не худшую, из Ваших несметных и смутных ошибок: мы не ровесники с Катей, — мне шел восемнадцатый год, ей — двадцатый. Доверяя испытанному методу, Вы заставляете свою героиню обнажаться перед трюмо и затем описываете ее распущенные, пепельные (конечно) волосы и юные формы. По-вашему ее васильковые глаза становились в минуты задумчивости фиалковыми: ботаническое чудо! Вы их оттенили черной бахромой ресниц, которая, добавлю от себя, как бы удлинялась к внешним углам, придавая глазам разрез особенный, но немимый. Катя была стройна, но слегка горбилась, — приподнимала плечи, входя в комнату. Она у Вас — статная девушка с грудными нотками.

Это мучительно, — я думал было выписать Ваши образы, которые все фальшивы, и язвительно сопоставить с ними мои непогрешимые наблюдения, — но получается «кошмарная чепуха», как сказала бы настоящая Катя, — а именно, логос, отпущенный мне, не обладает достаточной точностью и мощностью, чтобы распутаться с Вами; напротив, сам застреваю в липких тенетах Вашей условной изобразительности, и вот уже нет у меня сил спасти Катю от Вашего пера. И все-таки я буду, как Гамлет, спорить, — и переспорю Вас.

Тема Вашего произведения — любовь, слегка декантская, на фоне начавшейся революции. Катю Вы назвали Ольгой, а меня — Леонидом. Допустим. Наше первое знакомство — на елке у общих друзей, — встречи на Юсуповском катке, ее комната с темно-синими обоями, мебелью из красного дерева и одним един-

ственным украшением: фарфоровой балериной, поднявшей ножку, — все это так, все это правда, — однако Вы умудрились подернуть все это налетом какой-то фасонистой лжи. Занимая свое место в кинематографе «Паризиана», Леонид кладет перчатки в треуголку, но через две-три страницы он уже оказывается в партикулярном платье, — снимает котелок, и перед читателем — эlegantный юноша с пробором по самой середке маленькой, словно налакированной головы и фиолетовым платочком, свесившимся из карманчика. Помню, действительно, что я одевался под Макса Линдера, и помню, как щедро прыщущий вежель холодил череп, и как мсье Пьер, прицелившись гребешком, перекидывал мне волосы жестом линотипа, а затем, сорвав с меня завесу, кричал пожилому усачу: «Мальшик, пашись!» К тогдашнему платочку и белым гетрам моя память относится ныне с иронией, — но вот уж никак не может примирить воспоминание о муках слишком раннего бритья с матовой, ровной бледностью, о которой Вы пишете. И я оставляю на Вашей совести мои лермонтовские глаза и породистый профиль, благо теперь ничего не разобрать, ввиду неожиданного ожирения.

Боже, не дай мне погрязнуть в прозе этой пишущей дамы, которой я не знаю и не хочу знать, но которая с поразительной наглостью посягнула на чужое прошлое! Как Вы смеете писать, что «красивая елка, переливаясь огнями, казалась, сулила им радость ликующую»? Вы все потушили своим дыханием, — ибо достаточно одного прилагательного, поставленного, ради красоты, позади существительного, чтобы извести лучшее воспоминание. До несчастья, т. е. до Вашей книги, таким воспоминанием был для меня зыбкий, мелкий свет в катиных глазах и малиновый отблеск на щеке от глянцевого домика, висевшего с ветки, когда, отстраняя хвою, она тянулась вверх, чтобы щипком прикончить обезумевшую свечку. Что же теперь мне осталось от этого? Ничего, — только тошный душок литературной гари.

По-вашему выходит так, что мы с Катей вращались в каком-то изысканно культурном бо-монде. Ошибка на параллак, сударыня. В среде — пускай светской, — к которой Катя принадлежала, вкусы были по меньшей мере отсталые. Чехов считался декадентом, К. Р. — крупным поэтом, Блок — вредным евреем, пишущим футуристические сонеты об умирающих лебедях и лиловых ликерах. Какие-то французские и английские стихи ходили в списках по рукам и списывались снова, но без искажений, причем имя автора незаметно выпадало, так что они совершенно случайно приобретали соблазнительную анонимность, да и вообще, их странствования забавно сопоставить с подпольным списыванием крамольных стихшков, практиковавшимся в других кругах. О том, сколь незаслуженно эти женские и мужские монологи о любви считались образцами новейшей иностранной лирики, можно судить по тому, что баловнем среди них было стихотворение бедного Луи Буйе, писавшего в середине прошлого века. Катя, упиваясь рокотом, декламировала его и злилась, когда я придирался к звучнейшей строфе, где, назвав свою страсть смычком, автор сравнивает свою подругу с гитарой. Кстати, о гитаре. Вы пишете, мадам, что «по вечерам собиралась молодежь, и Ольга, облокотясь, пела роскошные контральто». Что ж — еще одна смерть, еще одна жертва

Вашей роскошной прозы. А как я лелеял отзвук той цыганщины, которая склоняла Катю к пенюю, меня к сочинению стихов... Я знаю, что это была цыганщина уже не настоящая, не та, что пленяла Пушкина, даже не григорьевская муза, а полудышащая, затасканная, обреченная, — причем все содействовало ее гибели, и граммофон, и война, и всякие «песенки». Недаром, в очередном припадке провидения, Блок записал, какие помнил, слова романсов, точно торопясь спасти хоть это, пока не поздно.

Сказать ли Вам, что бормотание и жалобы эти значили для нас? Открыть ли Вам образ далекого, странного мира, где, низко склоняясь над прудом, дремлют ивы, и страстно рыдает соловушка в сирени, и встает луна, и всеми чувствами правит память — этот злой властелин ложно-цыганской романтики? Нам с Катей тоже хотелось вспоминать, но так как вспоминать было нечего, мы подделывали даль и свое счастливое настоящее отодвигали туда. Мы превращали все видимое в памятники, посвященные нашему — еще бывшему — былому, глядя на тропинку, на луну, на ивы теми глазами, которыми теперь мы бы взглянули, — с полным сознанием невозместимости утрат, — на тот старый, толкий плот на пруду, на ту луну над крышей коровника. Я полагаю даже, что по смутному наитию мы заранее кое к чему готовились, — учась вспоминать и упражняясь в тоске по прошлому, дабы впоследствии, когда это прошлое действительно у нас будет, знать, как обращаться с ним и не погибнуть под его бременем.

Но какое Вам дело до всего этого! Описывая, как я летом гостил в Глинском, Вы загоняете меня в лес и там меня принуждаете писать стихи, дышащие молодостью и верой в жизнь. Все это происходило не совсем так. Пока остальные играли в теннис — одним красным мячом и какими-то пудовыми расхлябанными ракетками, найденными на чердаке, — или в крокет, на круглой площадке, до смешного плевелистой, с одуванчиком перед каждой дужкой, — мы с Катей иной раз удирали на огород и, присев на корточки, наедались до отвала: была яркая виктория, была ананасовая — зеленоватая-белая, чудесно-сладкая, была клубника, обмусоленная лягушкой; не выпрямляя спин, мы передвигались по бороздам и кряхтели, и поджилки ныли, и темной, алой тяжестью наполнялось нутро. Жарко наваливалось солнце, — и это солнце, и земляника, и катино чесучовое платье, потемневшее под мышками, и поволока загара сзади на шее, — в какое тяжелое наслаждение сливалось все это, какое блаженство было, — не поднимаясь, продолжая рвать ягоды, — обнять Катю за теплое плечо и слушать, как она, шаря под листьями, охает, посмеивается, потрескивает суставами. Извините меня, если от этого огорода, плывущего мимо в ослепительном блеске парников и колыхании мохнатых маков, я прямо перейду к тому закуту, где, сидя в позе роденовского мыслителя, с еще горячей от солнца головой, сочиняю стихи. Они были во всех смыслах ужасно печальны, эти стихи, — в них звучали и соловьи романсов, и кое-что из наших символистов, и беспомощные отголоски недавно прочитанного: Souvenir, Souvenir, que me veux-tu? L'automne... — хотя осень еще была далека, и счастье мое чудным голосом орало поблизости, где-то, должно быть, у кегельбана, за старыми кустами сирени, под которыми свален был кухонный мусор и ходили

Владимир НАБОКОВ

ОЛГА ИГЛА

куры. А по вечерам, на веранде, из красной, как генеральская подкладка, пасти граммофона, вырывалась с трудом сдерживаемая цыганская страсть, или на мотив «Спрятался месяц за тучку» грозный голос изображал Вильгельма: «Дайте перо мне и ручку, хочу ультиматум писать». — а на площадке сада катин отец, расстегнув ворот, выставив вперед ногу в мягком сапоге, целился, как из ружья, в рюхи и бил сильно, но мимо, — и заходящее солнце концом последнего луча перебирало по частоколу сосновых стволов, оставляя на каждом огненную полоску. И когда, наконец, наступала ночь и в доме спали, мы из аллеи смотрели с Катей на темный дом и до ломоты засиживались на холодной, невидимой скамейке, — и все это казалось нам чем-то уже давным-давно прошедшим, — и чертания дома на зеленом небе, и сонное движение листвы, и наши длительные поцелуи.

Красиво, с обилием многоточий, изображая то лето, Вы, конечно, ни на минуту не забываете, — как забывали мы, — что с февраля «страной правило Временное Правительство», и заставляете нас с Катей чутко переживать смуту, т. е. вести (на десятках страниц) политические и мистические разговоры, которых — уверяю Вас — мы не вели никогда. Я, во-первых, постеснялся бы с таким добродетельным пафосом говорить о судьбе России, а во-вторых, мы с Катей были слишком поглощены друг другом, чтобы засматриваться на революцию. Достаточно сказать, что самым ярким моим впечатлением из этой области был совсем пустяк: как-то, на Миллионной, грузовик, набитый революционными весельчаками, неуклюже, но все же метко вильнув в нужную сторону, нарочно раздал пробегавшую кошку, — она осталась лежать в виде совершенно плоского, выглаженного, черного лоскута, только хвост был еще кошачий, — стоял торчком, и кончик, кажется, двигался. Тогда это меня поразило каким-то сокровенным смыслом, но с тех пор мне пришлось видеть, как в мирной испанской деревне автобус расплющил точно таким же манером точно такую же кошку, так что в сокровенных смыслах я разуверился. Вы же не только раздули до неузнаваемости мой поэтический дар, но еще сделали из меня пророка, ибо только пророк мог бы осенью семнадцатого года говорить о «...» или о внутренней эмиграции.

Нет, в ту осень, в ту зиму, мы не о том говорили. Я погибал. С любовью нашей Бог знает что творилось. Вы это объясняете просто: «Ольга начинала понимать, что была скорей чувственная, чем стра-

стная, а Леонид — наоборот. Рискованные ласки, понятно, опьяняли ее, но в глубине оставался всегда нерастаявший кусочек», и так далее, в том же претенциозно-пошлом духе. Что Вы поняли в нашей любви? Я сознательно избегал до сих пор прямо говорить о ней, но теперь, кабы не боязно было заразиться Вашим слогом, я подробнее изобразил бы и веселый ее жар, и ее основную унылость. Да, — было солнце, полный шум листвы, безумное катание на велосипедах по всем излучистым тропинкам парка, — кто скорей домыслится с разных сторон до срединной звезды, где красный песок был сплошь в клубящихся змеевидных следах от наших до каменной твердости надутых шин, — и всякая живая дневная мелочь этого последнего русского лета, надрываясь, кричала нам: вот я — действительность, вот я — настоящее! И пока все это солнечное держалось на поверхности, врожденная печаль нашей любви не шла дальше той преданности небывшему былому, о которой я уже упоминал. Но когда мы с Катей опять оказались в Петербурге, и уже не раз выпадал снег, и уже торцы были покрыты той желтоватой пеленой, смесью снега и навоза, без которой я не мыслю русского города, — изъян обнаружился, и ничего не осталось нам, кроме страдания.

Я вижу ее снова, в котиковой шубе, с большой плоской муфтой, в серых ботинках, отороченных мехом, передвигающуюся на тонких ногах по очень скользкой панели, как на ходулях, — или в темном, закрытом платье, сидящую на синей кушетке, с лицом, пушистым от пудры после долгих слез. Идя к ней по вечерам и возвращаясь за полночь, я узнавал среди каменной морозной, сизой от звезд ночи невозмутимые и неизменные вехи моего пути, — все те же огромные петербургские предметы, одинокие здания легендарных времен, украшавшие теперь пустыню, становившиеся к путнику в пол-оборота, как становится все, что прекрасно: оно не видит вас, оно задумчиво и рассеянно, оно отсутствует. Я говорил сам с собой, — увещевая судьбу, Катю, звезды, колонны безмолвного, огромного отсутствующего собора, — и когда в темноте начиналась перестрелка, я мельком, но не без приятности, думал о том, как подденет меня шальная пуля, как буду умирать, туманно сидя на снегу, в своем нарядном меховом пальто, в котелке набекрень, среди оброненных, едва зримых на снегу, белых книжечек стихов. А не то, всхлиывая и мыча на ходу, я старался убедить себя, что сам разлюбил Катю, припоминал, спешно собирая все это, ее лживость, самонадеянность, пустоту, мушку, маскирующую прыщик, и осо-

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЖЕННЫ

бенно картавый выговор, появлявшийся, когда она без нужды переходила на французский, и неуживимую слабость к титулованным стихам, и злобное, тупое выражение ее глаз, смотревших на меня исподлобья, когда я в сотый раз допрашивал ее, — с кем она провела вчерашний вечер... И как только все это было собрано и взвешено, я с тоской замечал, что моя любовь, нагруженная этим хламом, еще глубже осела и завязала, — и что никаким битюгам с железными жилами ее из трясины не вытянуть. И на другой вечер — пробиваясь сквозь матросский контроль на углах, требовавший документов, которые все равно давали мне пропуск только до порога катиной души, а дальше были бессильны, — я снова приходил глядеть на Катю, которая при первом же моем жалком слове превращалась в большую, твердую куклу, опускавшую выпуклые веки и отвечающую на фарфоровом языке. И когда, наконец, в памятную ночь я потребовал от нее последнего сверхправдивого ответа, Катя просто ничего не сказала, — осталась неподвижно лежать на кушетке, зеркальными глазами отражая огонь свечи, заменявшей в ту ночь электричество, — и я, дослушав тишину до конца, встал и вышел. Спустя три дня, я послал ей со слугой записку, — писал, что покочу с тобой, если хочешь еще один раз ее не увижу, и вот, помню, как восхитительным утром с розовым солнцем и скрипучим снегом, мы встретились на Почтамтской, — я молча поцеловал ей руку, и с четверть часа, не прерывая ни единым словом молчание, мы гуляли взад и вперед, а на углу бульвара стоял и курил, с притворной неприужденностью, весьма корректный на вид господин в каракулевой шапке. Мы с ней молча ходили взад и вперед, и прошел мальчик, таща санки с рваной бахромкой, и загремевшая вдруг водосточная труба извергла осколок льдины, и господин на углу курил, — и затем, на той же как раз точке, где мы встретились, я так же молча поцеловал ей руку, навсегда скользнув обратно в муфту, и ушел — уже по-настоящему. Когда, слезами обливаясь, ее лобзая вновь и вновь, шептал я, с милой расставаясь, прощай, прощай, моя любовь. Прощай, прощай, моя отрада, моя тоска, моя мечта, мы по тропам заглохшим сада уж не пройдемся никогда... Да-да, прощай... Ты все-таки была прекрасна, непроницаемо прекрасна и до слез обаятельна, — несмотря на близорукость души и праздность готовых суждений, и тысячу мелких предательств, — а я, должно быть, со своей заносчивой поззией, тяжелым и туманным строем чувств и задыхающейся, гугнивой речью, был, несмотря на всю мою любовь к тебе, жалок и противен. И нет нужды мне рассказывать тебе, как я потом терзался, как вглядывался в фотографию, где ты, с бликом на губе и светом в волосах, смотришь мимо меня. Катя, отчего ты теперь так напакостила?

Давай поговорим спокойно и откровенно. С печальным пискотом выпущен воздух из резинового толстакса и грубияна, который, туго надутый, паясничал в начале этого письма, — да и ты вовсе не дородная романтистка в гамаке, а все та же Катя — с рассчитанной порывистостью движений и узкими плечами, — миловидная, скромно подкрашенная дама, написавшая из глупого кокетства совершенно бездарный роман. Смотри — ты даже прощания нашего не пощадила! Письмо Леонида, в котором он грозит Ольгу застрелить, и которое она обсуждает со своим будущим мужем; этот будущий муж в роли соглядатая, стоящий на углу, готовый ринуться на помощь, если Леонид выхватит револьвер, который он сжимает в кармане пальто, горячо убеждая Ольгу не уходить и прерывая рыданиями ее разумные речи, — какое это все отвратительное и бессмысленное вранье! А в конце книги ты заставляешь меня попасть красным во время разведки и доблестно погибнуть от пули чернокудрого комиссара. Крепко же я любил тебя, если я все еще вижу тебя такой, какой ты была шестнадцать лет тому назад, и с мучительными усилиями стараюсь выволить наше прошлое из униженного плена, спасти твой образ от пытки и позора твоего же пера! Но не знаю, право, удеется ли мне это. Мое письмо странно смахивает на те послания в стихах, которые ты так и жарила наизусть, — помнишь? «Увидев почерк мой, Вы верно удивитесь...» Однако я удержусь, не кончу призывом «здесь море ждет тебя, широкое, как страсть, и страсть, широкая, как море...» — потому что, во-первых, здесь никакого моря нет, а во-вторых, я вовсе не стремлюсь тебя видеть. Ибо после твоей книги я, Катя, тебя боюсь. Ей-Богу, не стоило так радоваться и мучиться, как мы с тобой радовались и мучились, чтобы свое оплеванное прошлое найти в дамском романе. Послушайся меня — не пиши ты больше! Пускай это будет хотя бы уроком. «Хотя бы» — ибо я имею право желать, чтобы ты замерла от ужаса, поняв содеянное. И еще, — знаешь, что мечтается мне? Может быть, может быть (это очень маленькое и хилое «может быть», но, цепляясь за него, не подписываю письма), может быть, Катя, все-таки, несмотря ни на что, произошло редкое совпадение, и не ты писала эту гниль, и сомнительный, но прелестный образ твой не изуродован. Если так, то прошу Вас извинить меня, коллега Солнцев.

Берлин, 1933 г.

Предисловие и публикация Олега МИХАЙЛОВА.

...Поезд мелькнул светящимися окнами, протяжно свистнул на прощание, и мы остались одни с двумя чемоданами на тускло освещенном полустанке. Редкие фонари, одноэтажные деревянные и кирпичные домишки с наглухо закрытыми ставнями, вдалеке мерцали огоньки многоэтажек... После мерного стука вагонных колес на нас обрушилась тишина.

Начиналась наша самостоятельная жизнь.

Ночевать нам было негде. Сердобольная дежурная общежития предложила разместиться в «красном уголке», где уже обосновалась на навстречу молодая супружеская пара. Наверное, наша растерянность тронула сердце незнакомого лейтенанта, потому что поздно ночью, когда мы вчетвером собрались у длинного заседательского стола, покрытого красным штателем, и прикидывали, как же нам быть, он негромко постучал и, извиняясь, вручил нам ключ от своей комнаты. Сам же с товарищем ушел спать в спортивный зал...

С моим мужем мы когда-то учились в одном классе, сидели за одной партой, списывали друг у друга, подсказывали на уроках. Как я не хотела, чтобы он стал военным!.. Золотая медаль, прекрасные знания по естественным наукам — перед ним были открыты двери всех вузов города, но семейная традиция (в его семье все мужчины были офицерами) перевесила чашу весов.

Когда мой научный руководитель в университете узнал, что я выхожу замуж за курсанта, он долго убеждал меня не делать глупостей. Училась я хорошо, получала повышенную стипендию, разрабатывала перспективную тему, которая могла бы стать основой для диссертации. Но молодости и любви ничем советам старших, карьера и благополучие. Кроме того, в самоотречении я мнила себя княгиней Волконской, отправляющейся в ссылку за мужем...

Городок наш считался одним из лучших. Сюда возили представительные комиссии, улетающие обратно на вертолетах, заполненных до отказа дефицитами из военоторговских складов и скромными дарами здешней природы.

Все было в том благополучном, образцово-показательном гарнизоне: и чистота, которую по утрам наводили солдаты вместо штатных дворников, и пруд, вырытый и вычищенный их же руками, и клумбы, обильно заливаемые водой, тогда как на верхние этажи домов она не доходила, и даже фонтан с каскадами. Не было только самой малости — жилья для офицеров.

Такие же, как и я, молоденькие девочки каждый день осаждали инструктора коммунально-эксплуатационной части, ведавшую расселением, а та невозмутимо разводила руками: «Ждите»...

Но ждали не все. Кто оказался пообразительней и у кого водились деньги, скоро вселились в квартиры. Остальные, не пожелавшие преподнести дорогие подарки и давать взятки или просто не имевшие нужной суммы, еще долго жили в общежитии, перебираясь из комнаты в комнату.

Там, в коммуналке, впервые в жизни я увидела клопов. Соседство с кровососущими насекомыми сочеталось с плачем младенца за стенкой, грохотом топчущих сапог по длинному коридору, воем сирены под утро, срывающей офицеров на учебную тревогу, с голосом певца, доносившимся из чьего-то

старенького магнитофона, или треньканьем расстроенной гитары.

Через год я уже не удивлялась, что кому-то в три часа ночи вдруг понадобилась соль или кусок хлеба, а то и просто захотелось излить душу.

У кого с жильем не было проблем, тому вряд ли понять всю глубину счастья обладания собственным углом. Одна моя знакомая, тоже жена офицера, помытарствовавшая по свету, прожившая на частных квартирах за сумасшедшую плату, как-то призналась мне: «Знаешь, когда получу свою квартиру, буду целовать и гладить ее стены...»

Из общежития мы уезжали едва ли не последними, за день до Нового года. И вместе с новыми соседями сожгли ненужный хлам, коробки и ящики. Мы молча смотрели, как языки пламени лижут сухой картон, выстреливая клопов, и нам казалось, что мы испепеляем в тлеющих головешках наше недавнее прошлое. Верилось, что этот очистительный огонь навсегда унесет в черноту ночи все наши огорчения и невзгоды.

А потом вернулись в свою пустую квартиру, где вместо лампочки безжизненно свисали два оголенных провода, и на расшатанных стульях с казенными номерами, заменившими нам стол, при свечах встретили праздник.

Только три года спустя мы наконец получили ордер на отдельную квартиру.

После работы, наспех поев магазинных котлет, мы шли ремонтировать свое новое жилище. Радовались, как дети, каждому покрашенному окну, оклеенной обоями стенке. А в редких перерывах представляли, как здорово нам здесь будет жить. Никто не разбудит утром стуком каблуков, никто не встретит в дверях и не вручит своего двухмесячного малыша — посидеть. Вечером можно будет посмотреть самим, без соседей, взятый напрокат телевизор.

Не помню, когда у нас в доме появился первый добротный сколоченный ящик, но только потом они стали нашими постоянными спутниками. Деревянные и картонные, большие и маленькие, аккуратно складывались «на всякий случай».

Удивительное это состояние — временность. Трудно уловить, в какой момент оно становится господствующим в твоей судьбе, властно подчиняет тебя своим законам, предопределяет твои желания и поступки.

Я была абсолютно уверена, что перед моим красным дипломом, оптимизмом и энергией не устоять даже самому суровому администратору, и уж работу я себе найду без особых усилий. Не тут-то было! Поначалу все действительно шло чудесно (приятная улыбка, доброжелательный тон), но стоило мне сообщить, что я жена офицера... В первое время было даже любопытно наблюдать резкую перемену, происходившую с моими работодателями. Куда девались их административный восторг, приветливость, сочувствующие интонации! Ответ следовал сразу и в категоричной форме: вакансий нет и в ближайшее время не предвидится.

Я продолжала обивать пороги учреждений, пока инструктор по работе с семьями военнослужащих терпеливо не объяснила мне, что на каждое место в городке существует длинная и безнадёжная очередь. И надо выкручиваться самой, если хочешь работать. Единственное, что она могла предложить мне в тот момент, — место администратора в гостинице.

Ирина
МАЧУЛЬСКАЯ

И все-таки мне повезло. Что-то тронуло сердце пожилого редактора местной газеты, и он принял меня корреспондентом с месячным испытательным сроком, застраховав себя таким образом от дальнейших обязательств.

Четыре километра от редакции до дома в тот день я буквально пролетела. Еще не представляя, как тяжело будет ходить по этой разбитой, раскисшей дороге в распутицу. Резиновые сапоги трех видов — короткие, длинные и на меху — стали самой расхожей обувью. Но в тот день я все равно была счастлива.

Только позже я поняла, на какой риск шел добрый редактор. В поселке не особенно жаловали офицерских жен. Действовало негласное правило: принимать их на работу только в последнюю очередь или в безвыходных ситуациях. Такая традиция, к сожалению, не только приходило местного начальства. Она существует везде. С одной стороны, кадровиков понять можно: зачем им временные люди, а вот с другой... Как быть молодым, полным сил и желания работать женщинам? Куда приложить свои знания, полученные в институтах и университетах, куда, наконец, девать свободное время, которого больше чем достаточно?

Небольшой филиал лампового завода в нашем городке был просто не в состоянии обеспечить всех желающих работ. Предложения намного превышали спрос. Но почему бы в военных городках не построить маленькие цехи, а Министерству обороны не заключить договоры с предпринимателями на выполнение работ на дому?

Сейчас отношение к военным стало сложным. В обществе утвердилось точка зрения, что военные — это дармоеды и бездельники, сидящие на шее у народа и ни за что получающие невданные деньги. Но так ли это?

В армии, как и во всем нашем обществе, существует резкое социальное неравенство, разделение офицеров на «белых» и «черных», паленькиных сынков и безродных ванек, тех, кто служит вдалеке от культурных центров, и тех, кто удобно устроился в больших городках и утопает в мягких креслах. Последний живет действительно неплохо, но по ним нельзя судить обо всей армии.

Мне не раз приходилось слышать неслестные эпитеты в адрес офицеров и их жен. Сколько анекдотов ходит об их беспросветной тупости, ограниченности, жадности, бескультуре! А где, простите, набраться этой самой культуры? Может, в обнесенном колючей проволокой замкнутом пространстве городка, часто удаленном от цивилизации на сотни километров, где единственный источник общения — очереди за продуктами, а из развлечений — только Дом офицеров и пара магазинов? Или в казарме, где офицеры проводят большую часть жизни независимо от того, есть там для них дела или нет?

Муштра, солдафонщина, казенщина, одинаковая форма, одинаковые мысли, поступки, одинаковые заботы выбивают из многих самое «лучшее, доброе, вечное». Кто-то не выдерживает — сливается, другие уходят в себя, становятся угрюмыми, неразговорчивыми, трети из кожи лезут, чтобы быстрее выбиться в чины.

Нет только у офицеров самого элементарного права, которое доступно всем остальным смертным, — права поменять профессию. Уйти из армии «по собственному желанию» без скандала

и «волчьего билета» нереально. В связи с сокращением армии тысячи офицеров подали рапорты об увольнении, но они отклонены. Иначе служить будет некому. Неужели это не настораживает министерских чиновников? Неужели не подталкивает к мысли, что назрела необходимость разрешить увольнение из армии офицерам до установленного срока службы и выплачивать пенсии в зависимости от прослуженного времени?

Стоит ли слишком строго осуждать офицерских жен за то, что им практически в «единственном числе» приходится воспитывать детей, вести хозяйство, управляться по дому? Мне не раз приходилось наблюдать, как заходились плачем малыши при виде серого от усталости и пыли незнакомого «дяди» — их отца...

«Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик»... К офицерским женам эта поговорка прямо-таки в самый раз. Еще в самом начале нашей с мужем службы как-то сорвался со стены кухонный шкафчик с посудой. Растерявшись, я позвонила соседям. Соседа, как обычно, дома не было, а вот соседка — жена майора, узнав, что произошло, молча достала молоток, пробойники и под моим оторопелым взглядом ловко вбила гвозди и повесила шкафчик. Позже и я научилась не хуже мужчин обращаться с молотком, электродрелью, чинить мелкую бытовую технику, вставлять розетки, красить, белить, наклеивать обои, штукатурить, потому что соответствующих бытовых учреждений в городках нет, а ждать мужа — дело безнадежное.

Министерские чиновники ссылаются на то, что недостаточное строительство объектов соцкультбыта — огрехи прошлой застойной политики, но, думаю, их женам не приходится выступать в качестве слесарей, электромонтеров или маляров. А как бы реагировали сотрудники Министерства обороны, если бы их жены были вынуждены рожать в «скорой» на близкой дороге до областного центра, потому что в поселке жен офицеров не принимают, а в городках роддомов нет?

Ну почему в гарнизонах не узаконить прием в госпиталях семей офицеров? Ведь там и оборудование, и обслуживающие гораздо лучше, и не нужно будет всеми правдами и неправдами добиваться, чтобы твоих близких лечили квалифицированные врачи. Зачем создавать два разноведомственных медицинских учреждения, если можно, объединив средства и медперсонал, эффективно лечить в одном?

Каждый офицер, если его еще не затянула армейская трясина, ощущает свою вину перед родными за те условия, в которых им приходится жить. Перед женой, потому что она не может даже просто ощутить себя женщиной. Если «на гражданке» представительницы прекрасного пола красиво одеваются, пользуются услугами ателье, косметических кабинетов, то офицерским женам это практически недоступно. Каждая изоцируется, как может. Хорошо, если умеет шить, а если нет? Представьте себе ощущения, когда, отстояв многочасовую очередь за импортной блузкой, на следующее утро вы встречаете несколько десятков своих «близнецов»? После каждой крупной распродажи товаров городок напоминает большой детский дом, где все одеты одинаково.

Офицер бессилен что-либо изменить не только в своем образе жизни, но

и в образе жизни своих детей. Работая без выходных, приходя домой, когда дети уже спят, и уходя рано утром, когда они еще спят, отцы-офицеры по неделе-две не видят своих чад.

Из-за частых переездов ребята плохо учатся. Привыкнув к кочевой жизни, замкнутому пространству гарнизонов, дети военных уже не могут вырваться из этого заколдованного круга. Они тяжелее адаптируются в больших городах. Их ошарашивают слешка, многолюдность, другие отношения между людьми. Поэтому единственный путь, который представляется девушкам из офицерских семей, — это выйти замуж за военного, а юношам — пойти по стопам родителя, поступить в военное училище, где и конкурс, и требования при приеме ниже, чем в гражданских вузах.

Офицеру, главе семейства, неудобно за то, что он не может обеспечить своих близких даже самыми необходимыми продуктами.

Жители больших городов познакомились с талонной системой сравнительно недавно, когда в стране возникли трудности с сахаром. В городках же она, кажется, существует вечно. С одной только разницей: талоны на мясо, масло, колбасу, сыр часто остаются неиспользованными, потому что названных продуктов бывает так мало, что не хватает даже по тем весьма скромным нормам, что указаны в талонах.

Военторг совместно с политотделом, оказывается, лучше всех знают, сколько кому нужно пар туфель, сапог, босножек, платьев, костюмов и пальто. Вам могут предложить только тот размер, какой есть, а не тот, что вам нужен. Хотите — берите, хотите — нет, но из очереди вас уже вычеркнули. Такая форма распределения порождает благоприятную почву для спекуляции. Получается, что вещи по талонам покупают одни и те же, а потом продают их вам же втридорога.

Может, офицер в состоянии компенсировать материально те неудобства, которые испытывает его семья? Увы, разговоры о рокфеллеровских доходах не имеют оснований. Большие звезды не у всех, в основном военные получают меньше квалифицированных рабочих на заводе. Заработная плата офицеров в нашей стране на 20 — 30 процентов ниже, чем в любой из социалистических стран, не говоря уж о капиталистических. Сержант в США получает больше, чем у нас полковник. А если учесть, что на иждивении у них находятся неработающие жены, дети, а иногда и родители, то 250 — 300 рублей не такая уж большая сумма по нынешним временам и ценам.

Очередной переезд обошелся нам в тысячу рублей. И те подъемные, которые мы получили по прибытии к новому месту службы, далеко не компенсировали расходы.

Так ли уж оправданны частые переезды у военных? Думаю, нет.

Конечно, тем, кто служит на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, не обойтись без переноса места жительства и четкого установлен сроков службы.

Вероятно, у многих мнение о респектабельности военных складывается из наблюдения за их поведением в отпуске. Им и невдомек, что деньги на отдых копят целый год, потому что в городках их просто не на что потратить. И когда вырываются в цивилизацию, конечно, копеек не считаешь. Хочется пойти в театр, на концерт, в кино, встретиться с друзьями.

Средней офицерской семье редко

удается воспользоваться льготной путевкой: как и на «гражданке», это привилегия начальства. Те, кому они положены, кому в самом деле требуется отдых и лечение, покупают путевки на всю семью за полную стоимость в туристических бюро. А это весьма недешево.

Пушкинская старуха из «Золотой рыбки» просто феноменально везуча по сравнению с женами офицеров. Ей хоть на время удалось пожить в хоромах и побыть царицей, а офицерши, лишённые и того и другого, и на старости лет остаются у разбитого корыта.

Иначе как можно оценить их положение, если, добившись чего-то на одном месте, заслужив уважение, авторитет, они на склоне лет практически все начинают с нуля? Отслужив с мужем 20 — 25 лет, они фактически остаются без крыши над головой и без стажа работы.

Допустим, вы решили вернуться в родной город. Но, чтобы получить там квартиру, надо прописаться. Если у вас нет родственников, то срочно приходится искать желающих стать ими за совсем неумеренную плату. Потом вам надо сдать квартиру в городке, распродать или раздарить вещи и, уповав на провидение, ждать два-три года своей очереди на жилье, мыкаясь по чужим углам, опять же не бесплатно. И хотя для военнослужащих, уволенных в запас, существуют различные льготы, предоставлять их не спешат. И это объяснимо. При существующем бесправии исполкома горсовета он не может стать всеисильным волшебником и за одну ночь возвести дворцы для вновь прибывших горожан.

Думаю, в дальнейшем элементы волшебства станут еще большей редкостью, если города перейдут на территориальный хозрасчет. Но почему бы Министерству обороны не разрешить офицерам, срок службы которых истекает, заблаговременно, за год-два стать в очередь на квартиру? Почему бы не поучаствовать в городском строительстве на долевых финансовых началах или наконец не выкупать у местных властей квартиры для своих пенсионеров? Ведь нашло же оно средства для оплаты части стоимости кооперативных квартир военнослужащим, уволенным по сокращению! Такая форма взаимоотношений, наверное, была бы выгодна для всех — и для города, и для армейских пенсионеров, и для Министерства обороны. Сейчас в гарнизонах живет много людей, не имеющих никакого отношения к армии, — разведенные жены с детьми, уволенные в запас военнослужащие, которым, как оказалось, некуда ехать, многие другие, а жилья для офицеров действительной службы не хватает. Министерство обороны строит новые дома, для их содержания и обслуживания привлекаются новые работники, которым тоже где-то надо жить. И так до бесконечности. Все эти попытки решить жилищную проблему в гарнизонах напоминают заполнение водой дырявого корыта. Живительной влаги хватает ненадолго, а потом вновь приходится все начинать сначала...

Сегодняшний мой день (когда у мужа 15 лет выслуги) — это девятиметровая комната в коммунальной квартире, где можно разойтись только боком, это крохотная кухонька, где все горелки заняты именно тогда, когда тебе надо разогреть еду.

У мужа впереди маячат большие звезды, должности, а что впереди у меня?

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ПОЕТЫ

Нина ЧУГУНОВА
Фото Евгения СТЕЦКО

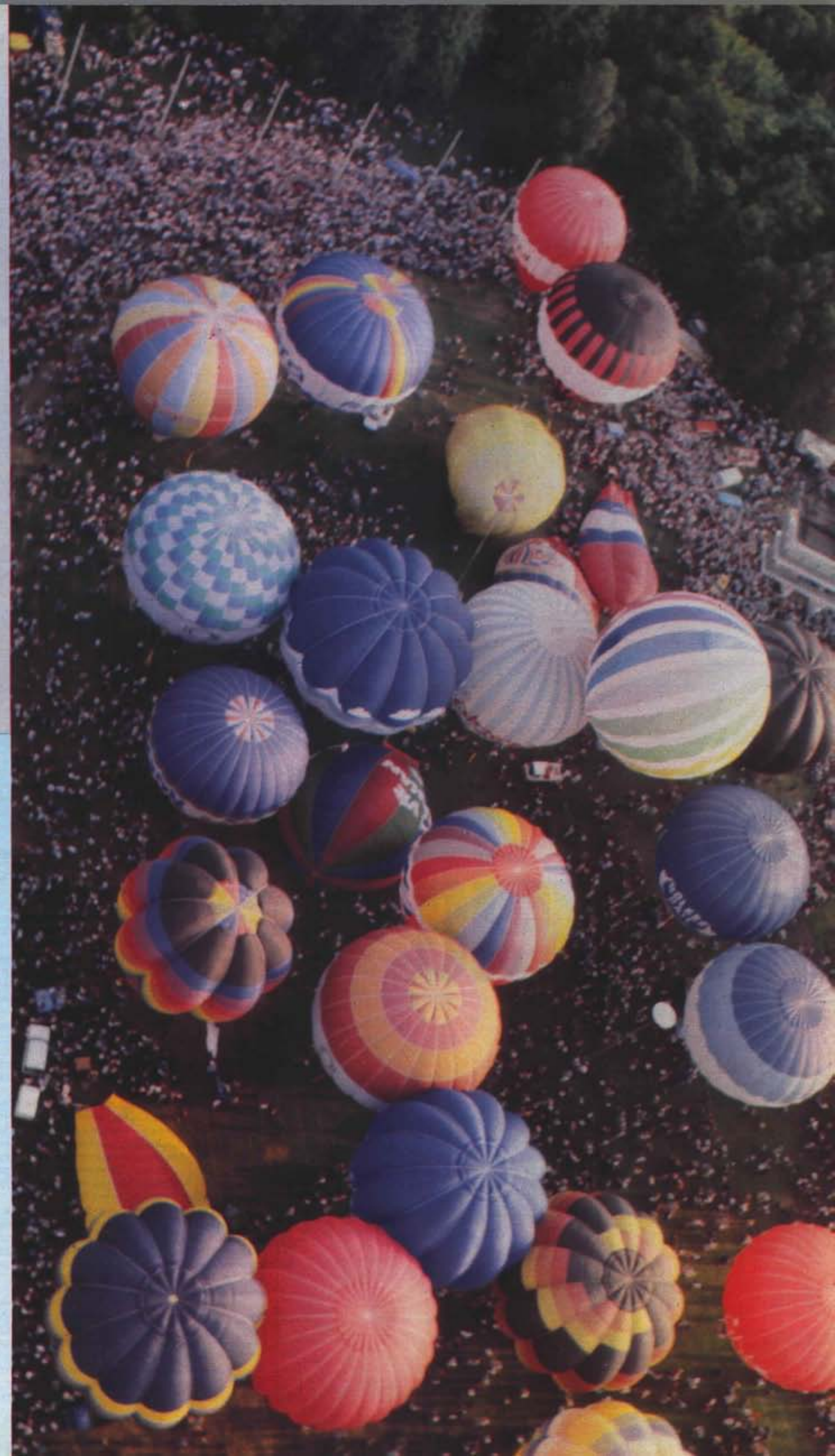

С того момента, как «Смена» рассказала о рождении в СССР нового вида спорта — воздухоплавания на шарах, наполняемых горячим воздухом, а вслед за «Сменой» и другие центральные издания показали, как красиво это, — прошло достаточно времени. И вот — опять есть хорошие новости... На наш взгляд, главная из них — развивающееся сотрудничество с зарубежными спортсменами, спортивными клубами, фирмами. Не только литовская команда увидела свет, побывав в польском городе Лешно на 6-м чемпионате Европы по полетам на шарах, но и к нам стали приезжать отовсюду: венгерские спортсмены летали над Медео, американцы — в Литве... Приезжали поляки, чехи.

Деловое сотрудничество перспективно. Читателю известна история о том, как английский пилот и бизнесмен обращался в различные советские организации с предложением принять от него в качестве подарка воздушный шар спортивного дизайна. Этот спортсмен — глава компании «Камерон баллонз» господин Дон Камерон, все же сумел вручить нам свой дизайнерски выдержанный в традиционно советском духе шар. Однако — к чести его, да и к нашей чести тоже! — на том не остановился.

Произошла знаменательная встреча «Камерон баллонз» и кооператива «Сотрудничество». В результате при содействии ряда организаций, в частности и ЦК ВЛКСМ, образовалось предприятие по производству воздушных шаров.

Напомним: прошлым летом в Литву в порядке обмена с авиаклубом «Малев» были присланы два шара венгерского производства. К тому времени в городе Ионава неустанно ра-

ботал над идеей самодельного шара гений самоделок Леонид Симнишка (его хрупкий шар нынче летом символически открыл международную фиесту в Вильнюсе, о ней речь впереди). Сегодня у нас есть всего пять шаров.

Шар стоит тысячи. Покупать его нужно за валюту. Валюта — редкая птица в физкультурных садах. Вот почему совместное предприятие по производству воздушных шаров разом открыло невиданные возможности перед всеми воздухоплателями страны.

...Представитель фирмы «Гала-Камерон» с советской стороны Игорь Богданов, как выразился секретарь ЦК ЛКСМ Литвы Пятрас Мачулис, «привез в Вильнюс идею» большого, яркого праздника — фиесты, то есть несоревновательных полетов, в которых могли бы участвовать не только литовские спортсмены, но и гости.

Фиеста была задумана как праздник именно в честь создания «Гала-Камерон». Другое дело, что собственно организация фиесты оказалась чрезвычайно сложным и даже громоздким делом, потребовавшим усилий и Литовского общества воздухоплателей, и комсомола Литвы... Наконец, работа совершалась в крайне сжатые сроки. Что ж, настоящей деловитости приходится учиться...

Впрочем, господин Камерон сказал:

— Главное то, что все очень старались.

В сером пушистом пуловере, вежливо улыбающийся, он стоял рядом с летным полем (хотя это была скорее поляна, так что потом все удивлялись, как много шаров и детей уместилось на зеленой поляне парка

Окончание на 19-й стр.

«Я умею дать команду»

Станислав КАЛИНИЧЕВ

И вновь мы были свидетелями того, какие неисчерпаемые возможности заложены в человеке. Демонстрировал это врач — психотерапевт Анатолий Михайлович Кашпировский. Находясь в Киеве, он с помощью телемоста общался с участниками передачи, которые были в это время за тысячу километров от него — в Останкине. Он внушал им различные состояния, его лицо, голос повелевали им с телеэкрана не чувствовать боли — и люди протыкали себе ладони, жгли над открытым огнем пальцы, один даже держал в руке стакан с опущенным в него электрокипятильником. Вода закипала, пузырилась, клокотала, а парень, обхватив пятерней весь стакан, только с удивлением смотрел на свою руку.

И все же главное, на что многие не обратили внимания: люди, к которым Кашпировский обращался с телеэкрана, не впадали в гипнотический сон. Глаза их были открыты, они прекрасно ориентировались среди окружающих предметов, действовали осознанно, с ними можно было нормально разговаривать.

Сам Анатолий Михайлович настойчиво повторяет, что не гипнотизер он, что не затуманивает сознание своих пациентов, а лишь сужает его, концентрирует в нужном направлении.

Не попали в ту передачу, как говорят, «остались за кадром», две пациентки Анатолия Михайловича. Одна находилась с ним в Киеве, а другая в Останкине. Одна, повинуясь его внушению, похудела за пять месяцев на 50 килограммов, а другая — на 54... Так вот, вторая — Валя Матиенко, которая еще гордится и тем, что в короткий срок уменьшила объем своей талии на 70 сантиметров, признавалась:

— Уезжаю из Винницы к себе в Бершадь, а мне в окна электрички нет-нет да и покажутся глаза Анатолия Михайловича.

Передача прошла, но... одна ласточка весны не делает. Кашпировскому надо было доказать (ему и сейчас еще приходится доказывать и доказывать) новизну, необычность, а главное — колоссальные, неосознанные нами возможности его метода.

И тогда же он подумал об одной своей пациентке...

У Л. В. Грабовской — молодой, цветущей женщины на осмотре в Винницком онкодиспансере обнаружили опухоль молочной железы. Предложили операцию. Но больная в ужасном волнении отказалась. Наотрез. У нее такая аллергия на обезболивающие средства, что от наркоза она может умереть еще до начала операции.

Вопрос остался нерешенным, а опухоль росла... Любовь Васильевна пришла к Кашпировскому. Когда-то он уже помогал ей — внушил отсутствие боли при удалении зубов. Теперь она спрашивала, сможет ли он своим талантом заменить наркоз, когда ей будут удалять опухоль.

— Тут не мой талант нужен, — сказал он, — тут нужен твой талант. По моему приказу твой организм сам выделит необходимые обезболивающие вещества. Я только приказ тебе дам.

Это было еще позапрошлой осенью. В Виннице нашлся хирург Н. М. Шевченко, который согласился провести операцию без наркоза. С одним, правда, условием — если разрешит начальство. И оно не разрешило.

А опухоль продолжала расти. Для человека, у которого обнаружили опухоль неизвестного качества, это уже драма. Если же, видя эту драму, одни не могут, а другие не хотят помочь, и так проходит много месяцев, а опухоль увеличивается — это уже трагедия. И высветила она не только рутину, с которой Кашпировский безуспешно боролся в прошлом, но и нечто более серьезное, с чем еще не раз

столкнется.

Дело в том, что наша административная система, в том числе и медицина, болезненно воспринимает новшества. Если человек в руководящем кресле чего-то не сделает, то «на нет и суда нет!» И пусть при этом кто-то умрет, кто-то останется без помощи, пусть миллионы (я не преувеличиваю, читатель поймет это в дальнейшем) не получат того, что они могли получить, — **бездействующему согласно инструкции ничего не грозит!** Если же он что-то разрешит и в этом будет какой-то риск, пусть даже сулящий огромные выгоды для людей, государства, но ни копейки для него лично... А зачем это? Кашпировскому нужен был, признаемся честно, оглушительный успех, чтобы через головы всяческих инстанций завоевать поддержку миллионов. И он предложил Грабовской:

— Согласись, чтобы тебя оперировали прямо под телекамерами?

— Если вы скажете, чтобы мне не было больно, — согласна.

— Я скажу это с экрана телевизора, он будет стоять в операционной, прямо перед твоими глазами.

Оперировали Любу в Киевском онкологическом центре.

...Несколько раз прокручивал я видеокассету, где записана операция. Это впечатляет. Больная, посверкивая живыми глазами, отвечает на вопросы Анатолия Михайловича, который смотрит на нее с экрана, а хирург в это время по команде «три!» решительно рассекает ей грудь. Зияет разрез...

— Люба, открой глаза, посмотри на меня.

Она смотрит, встречается с его озабоченным, таким напряженным взглядом и — невероятно! — желая ободрить его, дружески подмигивает.

А мы видим, как по ее груди стекают струйки крови. Анатолий Михайлович замечает, что крови совсем немного, меньше, чем при операции под наркозом. (Хотя в действительности — столько же.) Больная с ним переговаривается. Проворные руки хирурга вонзают в края разреза иглы, сшивают рану...

— Люба, почему у тебя блестят глаза, ты плачешь?

— Это я от радости, Анатолий Михайлович.

Надо отдать должное мужеству Любови Васильевны Грабовской. Можно удивиться решимости лечь под нож, надеясь лишь на хрупкий канал телевидения... Это счастье, что опухоль оказалась не злокачественной. Но ведь и ее пришлось удалять.

После такой операции больная должна была бы оставаться в больнице дней пять, а то и десять. Но Любовь Васильевна уже на следующий день выписалась, походила по киевским магазинам, накупила сумку продуктов и уехала в Винницу.

В областную психиатрическую больницу имени А. Ющенко я приехал утром, в половине девятого. В одном из корпусов было многолюдно, люди стояли на первом этаже, на лестнице и, конечно, у кабинета. О появлении Кашпировского стало известно сразу. Пробираясь между ожидающими, он громко повторял:

— Кто из нашего города или области — все уходите. Никого не приму. Предупреждаю: из винницких никого не приму. Обращайтесь месяца через два, когда решится вопрос с помещением.

Толпа редеет, но не очень... Он заходит в свой крохотный кабинетик, но и там уже есть люди. Трещит телефон. Медсестра Полина Степановна снимает трубку, спрашивает, кто звонит, по какому поводу...

Кашпировский в это время ведет беседу с пожилым астматиком. Тут же теснятся еще двое, в приоткрытую дверь заглядывают страждущие.

— Давно это у вас?

— Давно, — отвечает мужчина, а сам при каждом вздохе нутужно поднимает плечи. — Потом я лечился, шесть лет был здоров. А в январе, после нервного срыва, все началось сначала.

— Я вас вылечу. Полина Степановна, запишите... — И тут же теряет к нему интерес, переключается на другого больного.

— Что у вас?

— Эпилепсия, — отвечает молодой, крепкий на вид мужчина.

— Эпилепсию не лечу.

— Но я прилетел из Ташкента специально к вам.

— Увы, тут необходимо медикаментозное лечение.

В кабинет с плачем врывается женщина, волоча за руку девочку:

— Она же не выдержит еще одну операцию, если вы не поможете!

...В одиннадцать он вошел в гипнотарий. Это обычная комната в два окна, где с трудом разместились три десятка кресел. Все они, разумеется, заняты. Для меня поставили стул у входа... Анатолий Михайлович прошелся вдоль первого ряда кресел, обводя взглядом каждого.

— Усаживайтесь поудобнее, руки на подлокотнички... — И я впервые увидел, как он улыбнулся.

И вмиг — спокойная, даже мне показалось, домашняя обстановка, атмосфера общности собравшихся тут людей.

— С кого мы начнем? Как себя чувствуете, Игорек?

Мальчишка лет десяти, затерявшийся в просторном кресле, поднял свои большие, печальные глаза и ответил:

— Хорошо себя чувствую, Анатолий Михайлович, спасибо.

— Ты теперь уверен, что больше не будешь заикаться?

— Да вы же сами видите.

— Ну, отдыхай... А вы, Нина Ивановна?

— А что я?

— Как себя чувствуете?

— Та с этим у меня хорошо, — с характерной украинской распевающей произнесла крупная, дородная женщина. — Вот только голова побаливала — не к дождю ли?

Сидящая напротив меня интеллигентная дама свистящим шепотом пояснила:

— Эта Нина Ивановна две недели назад слова не могла выговорить, только горлом булькала.

— Разговорчики... Вы мне мешаете, — сказал Анатолий Михайлович, подошел к моей даме и легонько прикоснулся к ее лбу ладонью. Дама откинулась в кресло и... тут же, как говорят, «вырубилась».

Через несколько минут все как-то странно успокоилось. Вроде бы и не спят, но отрешены от всего. Пожилой астматик, появившийся утром, запрокинул голову и о чем-то размышлял, шевеля губами; молодой мужчина с интересом рассматривал свои руки, а Кашпировский ходил по комнате, разговаривал то с одним, то с другим, касался рукой кого-то, молодую женщину взял за кисть, высоко вскинул ее руку и с силой бросил вниз. Она плетью ударила о подлокотник, но женщина никак на это не реагировала.

Мое внимание привлекла девочка лет четырнадцати, тонкая, как хворостинка. Еще неделю назад ее привезли из Челябинска и... прямо в реанимацию. Она задышалась, теряла сознание. И вот у нее третий сеанс в этом зале. Она глубоко дышит, в узенькой, как у цыпленка, груди что-то похрипывает.

— Как ты себя чувствуешь? — останавливается возле нее Анатолий Михайлович.

— Спасибо, — она вроде только и ждала его вопроса, — уже две ночи хорошо спала.

Обращаясь ко мне, он объясняет, что

все тридцать сейчас отрешены от окружающего. Они все слышат, но их сознание сосредоточено на одном — на том, ради чего попали сюда.

Обычно курс лечения астмы, ануреза, заикания, отдельных неврозов, ожирения составляет несколько сеансов, чаще пять или шесть, лишь в некоторых случаях больше. Отличительная особенность его работы — быстрота, решительность, моментальная реакция.

И вот тут мы подошли к главному, к серьезной проблеме, ради которой все эти телемосты и почти цирковые чудеса. Наберемся терпения и подумаем о том, что только у нас в стране миллионы детей и подростков страдают анурезом, то есть недержанием мочи. Сама болезнь пустячная, но сколько за нею детского горя, деформированной психики, когда ребенок становится объектом насмешек в детском саду, когда он не может поехать в пионерлагерь. А какие варварские методы «лечения» — от посярмления до лишения питья во второй половине дня, что нередко ведет к мочекаменной болезни.

Анатолий Михайлович доказал, что может внушать на расстоянии. Он предлагает отнять на видеопленку несколько сеансов его лечения этой болезни и пустить в эфир. Товарищи, вдумайтесь! Один человек за пять-шесть часов эфирного времени может вылечить сотни тысяч человек! Не травмируя, не вырывая из домашних условий, сберегая государ-

пех. Но вот видеозапись так до сих пор в эфир и не вышла.

Есть большие надежды на то, что окажется весьма действенными видеосеансы лечения ожирения. Упреждая вопросы скептиков, скажу, что Кашпировский рекомендует пациентам и определенную диету. Но дело в том, что после общения с ним пациенты придерживаются диеты без особого труда, им не надо вешать замки на холодильники и страдать от голода.

Как объясняет Анатолий Михайлович механизм своего воздействия на пациента? Вкратце: мы ищем лекарства в растениях, в животных, в минеральном мире. Но человек сложнее ромашки! В нем самом есть все необходимое для лечения, надо лишь активизировать выработку каких-то веществ в его организме. Что такое шок от боли? Это защитная реакция. Причем мгновенная. Организм в ответ на сильное раздражение вырабатывает какие-то морфиноподобные вещества, блокирует боль. А разве мало случаев, когда человек в исключительных случаях перепрыгивает стенки, многометровые канавы, поднимает такие тяжести, к которым в иное время и подступиться бы не посмел. Значит, в каких-то ситуациях организм сам вырабатывает необходимые лекарства для спасения, в данном случае нечто подобное допингу.

Кашпировский говорит:

— В связке «врач — пациент» я не считаю себя главным. Это организм пациента выбрасывает свои резервы...

ству... Я боюсь назвать даже приблизительно сумму эффекта, которую может принести этот врач, получающий 160 рублей в месяц «чистыми»!

Точно такие же сеансы могут быть записаны для лечения астмы (кроме случаев, когда произошли необратимые изменения в тканях). А это еще тысячи инвалидов, которые получают шанс не только перестать быть обузой для родственников и государства, но стать полноценными работниками.

Отснятые сеансы можно было бы размножить на видеокассетах, которыми удобно пользоваться и в медицинских центрах, и в домашних условиях... Если уж пошла о том речь, сообщу «по секрету»: прошлой осенью в Алма-Ате были сняты (вопрос о качестве съемок оставим открытым) такие сеансы лечения. Группа детей, страдающих анурезом, находилась у телевизора, а Кашпировский, сидя в другом помещении перед телекамерой, вел с ними свои «внушительные» беседы. Лечение имело ус-

А я умею дать команду.

...Это было в крохотном кабинетике Кашпировского. Толклись люди, кто-то плакал, кого-то выпрашивала сестра, трещал телефон... И тут как бульдозеры въехали, держась за руки, две полные женщины. Узнав одну из них, Анатолий Михайлович сказал:

— Винницкие — уходите. Не приму.

— Та ей ухо надо оперировать, — не дрогнула та, которую он узнал.

Анатолий Михайлович в одно мгновение сориентировался:

— У нее аллергия на обезболивание? (Женщина согласно кивнула.) А что надо делать?

— Операцию среднего уха. Череп надо вскрывать.

Анатолий Михайлович взял женщину за руку и подвел к стулу.

— Садитесь. Вы в лесу. Посмотрите, сколько цветов... Собирайте.

Полная женщина легко присела на корточки, стала что-то сгребать с пола. Мне показалось, что она намеренно по-

дырывает, желая угодить врачу, чтобы только не выгнал. Кашпировский перехватил мой недоверчивый взгляд, приказал ей подняться, взял руку и загнал в нее иглу... Женщина не реагировала. Усадив ее на стул, сказал:

— Все. Вы уже тут. Да приходите же, приходите сюда!

Женщина еще какое-то время раскачивалась всем корпусом, с трудом принимая окружающее. И все это произошло за несколько секунд, под телефонные звонки, в свете человеческих сетований. Фантастика! Он «берет» человека мгновенно.

— Я вам помогу,— сказал он этой женщине,— вы талантливы как пациентка... Только у меня один вопрос. Слушайте внимательно. Если эту операцию с моей помощью вам предложат сделать не у нас, а за границей, вы согласитесь? Ну, например, в Токио?

Женщина, все еще соображая, где она, наморщила лоб и сказала: — А что? Соглашусь. Лишь бы не остаться глухой.

Он записал ее имя, телефон. И она ушла.

Оказывается, накануне с ним вели переговоры представители японской телекомпании, просили согласия организовать телемост Москва — Токио. Чтобы он, сидя в студии в Москве, демонстрировал свои возможности внушения на людях, которые будут находиться перед телекамерами в Токио. Анатолий Михайлович согласился, но поставил такое условие: показывать так показывать! Не какие-то трюки со спичками и иглками, а провести серьезную операцию без наркоза. Обезболивание он обеспечит по видеоканалу. Оперировать можно и японского гражданина. Знание языка, считает Анатолий Михайлович, не обязательно.

Сейчас японцы обдумывают его контрпредложение, а он и со своей стороны подбирает возможных пациентов. Но вот не так давно в «Известиях» прочитал я отзывы наших официальных корифеев психотерапии и расстроился. Они так легко, с такой снисходительностью низвели всю работу Кашпировского до некоего балаганного сеанса привычного гипнотизера, не видя его! Лишь американец, которому тоже дали слово, сохранил уважительный тон и признал, что в США такое не практикуется. «Голос Америки» заявил, что русские тут оказались первыми, показав возможности XXI века.

Между тем Кашпировский не бездействует. В начале года был организован телемост Киев — Тбилиси. В одной из клиник Грузии врачи провели две сложные полостные операции без наркоза и каких бы то ни было обезболивающих средств. Больные находились в полном сознании. Кашпировский обращался к ним с экрана телевизора, установленного в операционной. Об этом снят фильм, который уже в нынешнем году должен выйти на экран.

Украинская студия телевидения организовала несколько показательных лечебных сеансов Кашпировского. Поначалу они задумывались как опыт лечения недержания мочи у детей, но после первого же выхода в эфир посыпались письма от взрослых, которые смотрели эти передачи и сами поддавались внушению. Они сообщили о значительном улучшении своего физического состояния, а то и об избавлении от некоторых недугов. За короткий срок редакция телевидения получила 51 тысячу писем! Писательница Валерия Врублевская, которая проводила эти передачи, проанализировала более 10 тысяч писем, и почти в каждом, за очень редким исключением, люди рассказывали об осязаемом положительном эффекте.

Пришло время и по Центральному телевидению выступить Кашпировскому. В успехе можно не сомневаться.

В 1985 году английские ученые сообщили потрясающую новость: над антарктической станцией Халли-Бей весеннее содержание озона в атмосфере уменьшилось на 40—50 процентов! Через два года — сенсация: озоновая «дыра» «расползлась» на десятки миллионов квадратных километров и вышла за пределы Антарктиды... Мировая наука в шоке — шутка ли, озоновый слой вышел из-под контроля! Что же случилось в южном полушарии?

У ученых единого мнения нет. Видимо, заключают одни, тут не обошлось без «внедрения на Землю мощных космических аппаратов». Другие «дыру» связывают с кометой Галлея, третьи — с мощным извержением мексиканского вулкана Эль-Чичон или со снижением солнечной активности... А кто-то считает, что, в сущности, ничего страшного не произошло — обычные естественные процессы в стратосфере... И хотя специалисты еще спорят, верх берет гипотеза иная — антропогенная. Ее сторонники убеждены: промышленные выбросы в атмосферу и разрушают неустойчивый озоновый слой. То, что хлорфторуглероды или фреоны незримо, словно ржа, подтачивают биологический щит Земли и он уже не в силах, как прежде, сдерживать губительный ультрафиолет, — увы, неоспоримый факт. Быть или не быть беде — вопрос отнюдь не праздный.

По мнению доктора Питса из Хьюстонского университета, именно из-за утончения озонового слоя люди стали чаще жаловаться на зрение, возросло число катаракт, поражений сетчатки и роговицы, и отныне необходимо проявлять осторожность, защищать глаза очками с коричневыми или красными стеклами, способными нейтрализовать ультрафиолет. Узнаю: в Австралии и Новой Зеландии с ростом заболеваний раком кожи желающих понежиться на пляжах под лучами солнца заметно поубавилось.

Говорю о далекой Австралии, а думаю ведь о своем, о том, какова же степень риска на отечественных курортах и вообще в средних широтах, там, где живу.

— Озоновый слой чахнет и в северном полушарии — за последние 17 лет его общее содержание в атмосфере уменьшилось на 3 процента, — говорит заместитель директора Центральной аэрологической обсерватории кандидат физико-математических наук, один из руководителей советско-американской программы исследования озонового слоя, Вячеслав Хаттатов. — В какой мере опасен увеличивающийся ультрафиолет? В горных районах наблюдается мутация сельскохозяйственных культур — скажем, вырастает редис огромных размеров... Люди, находясь в горах, нередко слепнут: склизываются прорывавшиеся на Землю жесткие ультрафиолетовые лучи. Слепота эта — явление временное, но у людей падает зрительная чувствительность... Однако, пожалуй, самое страшное, что возрастающий ультрафиолет разрушает молекулы ДНК, а это уже генетические изменения...

Не могу не сослаться и на сообщение членкора АН СССР Алексея Яблокова: «...каждый процент уменьшения озонового слоя приводит к увеличению числа заболеваний раком кожи на пять — семь процентов», «подсчеты показывают, что свершившееся уменьшение мощности озонового экрана в европейской

части СССР на 3 процента означает 7—9 тысяч новых смертей от рака в год».

Как же быть? Что предпринять? Ответы я рассчитывал получить на специальной сессии АМН СССР «Здоровье человека и окружающая среда». Но об озоне там если и упоминалось, то вскользь: мол, появилась (!) озоновая проблема. Ни анализа, ни предложений, ни расчетов, ни оценок я так и не услышал. Поговорили уважаемые академики, членкоры и доктора наук, отметились... и дружно разошлись.

В Минздраве СССР меня заверили: связи между понижением озона и ростом онкозаболеваний мы не находим... Хотелось бы верить, но я так и не уяснил для себя, на чем основано это утверждение, коль специальных исследований министерство и его институты не проводили...

В академическом Институте физики атмосферы мне показали весьма примечательную работу американских ученых — они подробно распилили все мыслимые и немыслимые сценарии последствий озоновой драмы. Среди прочих вариантов есть и такой: если фреон будет выбрасываться в атмосферу в нынешних объемах, то за столетие дополнительно к фоновому уровню заболеет раком кожи 155 миллионов американцев, из них три миллиона скончаются; восемнадцать миллионов человек будут страдать катарактой глаз; из-за растущей радиации рыбная промышленность недополучит четверти своей продукции; ожидаются ощутимые потери зерновых... Впрочем, как утверждают специалисты, подобная перспектива не самый худший вариант, последствия могут оказаться куда ощутимее — катастрофическими для всей цивилизации. Под ударом окажется не только человек, но и Мировой океан, климат, животный и растительный мир, экосистемы... И удар этот двойной: при снижении стратосферного озона (помимо радиации) растет и тропосферный озон. Тот, которым мы дышим. И он становится страшным ядом; сильнейший окислитель, он способен «съесть» любой металл. Будь то нефтьвышка, автомобиль или трактор... А о человеке и говорить нечего — погибнет в мгновение ока.

Органы здравоохранения США не раз объявляли «озоновый алерт» (например, в штате Массачусетс) — тревогу, связанную с необычайно высоким содержанием озона в воздушном пространстве. Социальный смысл такой меры здоровыми людьми воспринимается однозначно. А что гарантируется жителям Мурманска, Новосибирска или, скажем, солнечного Крыма? Могут ли они, трудясь и отдыхая, быть уверены: беда врасплох их не застанет?

Дети, облысевшие в Черновцах, отравленные газами в Астраханской области, заставляют всех нас крепко в этом сомневаться...

— К сожалению, озоновая проблема до сих пор решалась в рамках и силами какого-то отдельного министерства или института, — поясняет председатель межведомственной комиссии по выполнению обязательств советской стороны по Венской конвенции и Монреальскому протоколу Владимир Захаров, он же — зампред Госкомгидромета СССР. — Не было централизованного планирования исследований, финан-

сирования, и вообще отсутствовала четкая координация действий в стране. Правда, теперь ситуация выправляется: с апреля принята научно-техническая национальная программа, включающая и научные исследования, и опытно-конструкторские работы. На реализацию новых научных направлений дополнительно выделено 2 миллиона рублей. Всего в наличии около 10 миллионов. Средства явно маловато. В новой пятилетке обещают увеличить эту сумму.

Не так давно в Москве собрались ведущие ученые из 13 стран, обсудили проблему озонового слоя. Со многими мне удалось пообщаться. Они не скрывали, что очень мало знают о том, насколько продвинулась советская наука в области исследований атмосферы и ее аномалий. А первооткрыватель озоновой «дыры», исследователь британской антарктической службы Джозеф Чарльз Фарман, добавил: «Мы приехали в Москву, чтобы убедить вас в серьезности и глобальности озоновой проблемы — пора уже принимать меры. Но некоторые советские ученые все еще колеблются...»

Так нужно нужен очередной Чернобыль, а доколе и «креститься» не станем? Ведь не сегодняшним и даже не вчерашним днем обозначен жесткий круг наших национальных обязательств — в марте 1985 года принята Венская конвенция, а в 1987-м — подписан Монреальский протокол. Эти документы обязывают СССР проводить систематические наблюдения за озоновым слоем, оценивать его воздействие на окружающую среду и человека. Мы не только должны обмениваться необходимыми сведениями, принимать надлежащие законодательные и административные меры, но и разрабатывать, внедрять альтернативные вещества и технологии, последовательно сокращая к 1999 году выпуск ХФУ до пятидесяти процентов...

Нынешняя драма — эхо прошлых лет: сегодня дают о себе знать озорно разрушающие вещества, выброшенные в атмосферу еще в 60-х го-

СЧЕТА ВОКРУГ ОЗОНА

Сергей КАЛЕНИКИН,
специальный корреспондент
«Смены»

как можно скорее, но не позднее 2000 года поэтапно прекратить производство ХФУ...» Речь-то уже идет не о 50-процентном сокращении, а о полной ликвидации ХФУ! И как можно скорее... Кстати, наша страна не только поддержала декларацию, но и выступила с инициативой, призывая все страны отказаться от метилхлороформа. А Минхимпром и его смежники — Минхиммаш СССР, Минрадиопром СССР, Минобщмаш СССР — и другие «мины», в сущности, вне контроля. Мало что может и комиссия Владимира Захарова. Ситуация же (чрезвычайная! — не убоимся этого слова) предполагает надлежащие полномочия и меры.

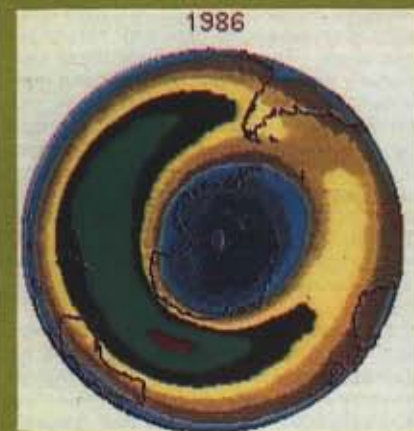
Какие-либо заверения, ведомственный посул — несерьезно, в чем убеждаюсь, вспомнив о ста миллионах рублей, которых якобы вполне достаточно. Британская корпорация «Allied», имея годовой доход 12 миллиардов долларов, на десятилетнюю программу исследований и коммерческое внедрение озонобезопасных веществ выделяет на десять лет 250 миллионов долларов. На научный поиск и производство альтернативных веществ компания Дюпона выкладывает... десятки миллиардов американских долларов! И вряд ли эти миллиарды — шальной жест магната. В Минхимпроме полагают, что очередная лондонская конференция прояснит экономические обоснования озоновой проблемы, дюпоновские миллиарды... Прояснит, слов нет. Но мы и сейчас не ошибемся, сказав, что предприниматели Запада просто так не «сорят» миллиардами.

...Мы вроде бы тоже знаем, что и как делать, а между тем единой целенаправленной программы по озонобезопасным хладагентам нет, какова потребность в них — ведомства не определились, не договорились... Лишь с 1996 (!) года потребители готовы взять на испытание озонобезопасные вещества. А пока что... на свалках валяются миллионы холодильников, кондиционеров и тысячи тонн фреонов улетучиваются в атмосферу... Или это не в счет?

О нашей нерасторопности, неуклюжести, экологическом невежестве можно рассуждать долго. Мы, сознательно разрушая атмосферу, отравляем реки и моря, уничтожаем лес, выводим из строя экосистемы. Наше примитивное хозяйствование опутано бессмысленными инструкциями, распоряжениями. Кто виноват?

Сейчас если и терзаться вопросом, то отнюдь не этим. Что делать, как жить дальше, как вырваться из пут замшелых правил ведомственной «игры», как превратить биосферу в сферу Разума? Вспомним нашего замечательного соотечественника академика Вернадского...

Вот с чем надобно задуматься.

1986

Мудрее всех оказались американцы. Они еще в 1978 году отказались от ХФУ в производстве аэрозолей. Британская химическая промышленность уже строит предприятия по производству озонобезопасных веществ для охлаждающих установок, конструкцию которых не придется менять; во Франции появились холодильники, содержащие фреоны вдвое меньше прежнего; озонобезопасные аэрозоли выпускает фирма «Ореаль»...

А что же происходит в нашей стране, каковы намерения отечественных министерств? За два истекших года мы поднажали на ХФУ и ныне выдаем 123 тысячи тонн в год,

традиционной технологией, действовавшей производственные программы, оговоренные пятилетним планом. Ну, а план, сами понимаете... Правда, разрабатываются альтернативные технологии — к примеру, заменители этанового ряда. Для пенопластов и прочих материалов...

В Минхимпроме узнаю: с прошлого года аэрозоли без фреонов выпускает Брестский завод бытовой химии. Нынче к нему добавят еще три завода, а к 1994 году — все остальные одиннадцать предприятий, использующие хладагенты.

Как выяснилось, озонобезопасная технология экономически выгодна. К тому же деньги, необходимые для перехода на эту технологию, есть, для министерства сто миллионов в общем-то не проблема. Выходит, и мы могли бы отказаться от наращивания озонобезопасных веществ. Ан нет, растягиваем на пятилетки. Такова искривленная логика «экономической экономии», позиция министерских, госплановских и совминовских стратегов. Но желают они того или не желают, «график запрета» производства и потребления озоноразрушающих веществ, оговоренный Монреальским протоколом, может уплотниться. К этому все идет. Хельсинкская декларация от 2 мая 1989 года гласит: «...правительства и Европейские сообщества соглашаются

дах! А за последние 30 лет только развитыми западными странами выброшено более 10 миллионов тонн ХФУ. Японские и другие фирмы до сих пор наращивают производство фреонов... (Некоторые соединения хлора «живут» от 75 до 100 лет!) И если поначалу озонная проблема связывалась лишь с аэрозолями и фреонами, используемыми в качестве хладагентов в бытовых и промышленных холодильниках, то ныне обнаружилось: озоноразрушающих веществ куда больше. Их выделяют пористая подошва обуви, современная мебель, полимерные материалы, бытовые и промышленные кондиционеры, пенопласты... Картинные галереи, библиотеки, музеи, стадионы, вычислительные центры и прочие подобные учреждения оснащаются специальными средствами пожаротушения, которые способны не только погасить пламя, но и разрушить озон.

А мощная индустрия производства всевозможных электронных микросхем, микропроцессорной техники, ЧИПов, разного класса ЭВМ, компьютеров, радиотоваров? Ведь вся эта продукция пока что не может обойтись без тех же хлорфторуглеродов.

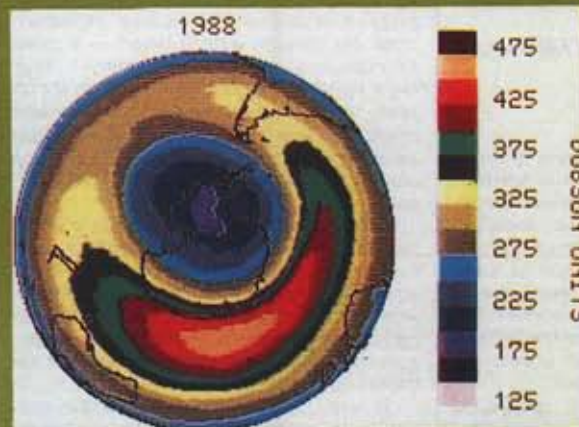
Суммарный мировой объем выпуска озоноразрушающих веществ достиг сегодня 1 300 000 тонн в год!

1987

Но как же Монреальский протокол? Он разве нас не касается? Отчего же, касается. Правда, если государства с рыночной экономикой, подписавшие заключительный акт, уже с 1 января 1991 года обязаны производить ХФУ, не превышая уровня 1986 года, то страны с плановой экономикой, включая СССР, заморозят производство фреонов на уровне 1990 года и начиная с 1993-го вместе с другими начнут их сокращать...

— Дело в том, что, когда принимался Монреальский протокол, рассказывает Владимир Захаров, — мы уже строили новые заводы с тра-

1988

475
425
375
325
275
225
175
125

UNITED STATES

Специальные изображения, полученные со спутников, показывают, как колебалось содержание озона над Антарктидой в 1984—1988 гг. Красный, коричневый, зеленый цвета говорят о высоком уровне озона, а фиолетовый, синий, голубой — о его падении. На нижнем снимке справа — цветовая шкала, показывающая содержание озона (в единицах Добсона).

- «Вы помогли мне найти брата и сестру...»
- Осетрина на прилавке. Радоваться ли покупателю?
- «Предлагаю помощь обездоленным».
- Еще раз об униженных и оскорбленных.

✉

В двадцатом номере за 1988 год мы увидели фотографию ордена Красного Знамени, пробитого осколком. В подписи было сказано, что награда принадлежит секретарю Алуштинского райкома комсомола. Снимок нас очень взволновал; ведь это орден моего мужа и отца моих двоих детей, Джемилева Кадыра Тарпи.

Мой муж добровольно ушел на фронт со своими комсомольцами и до последнего дыхания защищал нашу Родину. Я знала, что он погиб и похоронен в г. Южном. Но все равно не могла удерживать слезы. Ему было всего 28 лет... Проклятый вражеский осколок лишил его жизни. Прошло очень много времени, но мы его никогда не сможем забыть. Он был хорошим мужем и отцом.

Мой внук, Гудков Владик, после армии пошел по стопам деда, недавно его избрали секретарем горкома комсомола.

Спасибо за публикацию, за память.
Семья ДЖЕМИЛЕВЫХ,
Узбекская ССР, г. Янгир

✉

Прочитала очерк Елизаветы Богословской «Милосердие» («Смена» № 9, 1988 г.) и никак не могу успокоиться и понять, как можно так поступать со старыми людьми. Мне самой уже скоро 60 лет, я вырастила троих дочерей, дала им образование, уже имею внучат. Одинокой я себя не чувствую. И как тяжело читать, что человек просит яду или никому не нужный беспомощный инвалид просит зайти хоть раз... Боже, до чего мы дожили!

Хотя я сама уже немолодая, но у меня еще есть силы и здоровье, и я предлагаю свою помощь: могу ухаживать за больным, престарелым человеком, как за самым близким и родным. Если кому нужна моя помощь, пусть напишет.

Мой адрес: 293456, г. Новый Раздол Львовской обл., пр-т Жовтневый, дом 17-а, квартира 28. Студницкая Изольда Арсеньевна.

И. СТУДНИЦКАЯ

✉

Каждый день, идя в магазин, я вижу одну старушку, копающуюся в контейнерах для отходов. На Павелецком вокзале мужчина, нестарый, но изрядно потрепанный, собирает пустые бутылки, красная и робко благодарит за каждую бутылку, протянутую ему кем-то сердобольным. Как больно смотреть на него, еще сохранившего остатки интеллигентности, смущенно и испуганно оглядывающегося по сторонам!..

На Арбате существует традиция: здесь играют музыканты и своими песнями собирают огромное количество зрителей. Это прекрасно! Но недавно

я увидела такое, что заставило меня усомниться, в центре Москвы я нахожусь или в захолустном квартале какого-нибудь «ихнего» городка: человек в невероятно замызганном пальто играл на аккордеоне, а рядом стояла баночка, в которую кое-кто из слушателей бросал деньги. В какое время живем, граждане? У нас же социализм! Нам же еще пять лет назад доказывали, что у нас все есть, что мы самые трудолюбивые, самые богатые и вообще самые-самые.

У нас нет нищих, говорят мне, потому что нет социальных корней этого явления. Корней нет, а явление есть. Неужели люди, просящие милостыню, собирающие на вокзалах бутылки, выискивающие в мусорных контейнерах вещи, — все злостные тунеядцы? Неужели только они одни виноваты в том, что «дошли» до жизни такой? Мы гордимся тем, что наши граждане не спят в картонных коробках, не выстраиваются в очереди за бесплатной тарелкой супа, как в капстранах, но то, что мы иногда видим на улицах столицы, лучше ли? Не пора ли нам задуматься обо всех этих людях, порой не имеющих и крыши над головой, разобраться в их бедах, помочь им? Может, многие из них так опустились потому, что мы, живущие сыто и спокойно, отвернулись от них, сделали вид, что не замечаем тех, кто живет в бедности? Или кроме названия «бомжи» у нас для них ничего не осталось?

Юлия ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
Москва

✉

12 марта у Казанского собора проходил митинг «Демократического союза». Я стал невольным участником этого события. В этот день я находился на работе (работая в городском экскурсионном бюро водителем туристического автобуса). После первой экскурсии мы остановили автобус недалеко от Невского проспекта и пошли пить кофе в кафе «Балканы». Проходя по Невскому, у Казанского увидели скопление народа и подошли из чистого любопытства. Не прошло и пяти минут — я даже не понял, о чем здесь говорят, — людской поток потащил меня куда-то в сторону, затем милиционеры заломили мне руки, бросили в какой-то специальный автобус. Там я был не один, со мной еще человек пять; затем еще вбрасывали.

Вы понимаете мое состояние: я абсолютно ни при чем, у меня автобус стоит и где-то группа туристов ждет... Стал возмущаться, но это было все равно, что биться головой о стену. Появился лейтенант милиции, который меня оттолкнул в угол автобуса, чтобы я не стоял на проходе.

За что такое унижение? Затем кое-как я договорился с этим лейтенантом: оставил ему водительское удостоверение, тогда только он меня отпустил за

путевым листом. Затем, прорвавшись сквозь оцепление, которое уже к тому времени было вокруг собора, я вновь пришел к злосчастному автобусу, но его уже не было, он уехал, увезя мои права в неизвестном направлении. Я все-таки узнал, что он повез задержанных в первое отделение милиции. Вместе с экскурсоводом мы нашли лейтенанта, стали объяснять ему, что у нас работа и нам необходимо ехать. Нас не хотели понимать! Я был в роли хулигана. Даже нашлись «свидетели» из дружинников, которые говорили, что просто так не задерживают... В итоге мне вернули удостоверение, но взамен потребовали от меня и экскурсовода написать расписку, что мы жалоб и претензий не имеем...

За свои 30 лет такого позора и унижения я еще не испытывал.

П. ПОТУПО,
Ленинград

✉

В номере 23-м за прошлый год я прочитала статью Александра Климчука «Четвертый шлях» о «потускневшей жемчужине Подолья». Я коренной каменчанин, сейчас прохожу срочную службу. Очень люблю свой город и горжусь им. Но, поверьте, иногда бывает очень больно, когда показываешь Старый город гостям. На картинках это действительно чудо, но когда проходишь по его улицам, когда сворачиваешь в узенькие переулочки, то и дело натыкаешься на кучи мусора, на ободранные, обшарпанные стены. А Старая крепость! Если хочешь, чтобы осталось хорошее впечатление, посети музей и Кармалюкову башню. Можно еще пройти по балкону вдоль бойниц, а в остальные закоулки лучше не соваться. И это заповедник?

Проблемы города уже давно мучают каменчан. Горком комсомола несколько раз объявлял комсомольские субботники по благоустройству Старого города. И люди шли, шли, чтобы вернуть городу его старинный облик. Но, увы, дальше субботников дело не пошло. Мусор-то убрали, но вот развалы и обезглавленные статуи как стояли, так и стоят.

Несколько лет назад проблема города обсуждалась по республиканскому телевидению. Тогда каменчане услышали о далеко идущих планах специалистов, о развешивании широкого фронта работ по реставрации старой части города. Но, к сожалению, все это осталось лишь на словах. Что же помешало осуществлению планов? Что нужно для того, чтобы от слов перейти наконец к делу, чтобы тех, кто за это отвечает, заставить работать, а не только говорить?

Владимир ПАНЧУК,
19 лет

✉

Прочитали статью «Крыша над головой», посмотрели с подругами фотографии Владимира Богдановского. Осталось только горько усмехнуться: счастливые! У них же телевизор, холодильник, электрические плиты есть, а нам об этом только мечтать приходится...

По распределению направили нас в город Ростов Ярославской области, да-да, в тот самый Ростов Великий — звезду «Золотого кольца». Завидовали девчонки: «В город едете. Здорово! Все будет отлично».

Так как своего жилищного фонда наши организации не имеют, поселили нас в рабочее общежитие. Повсюду холод гуляет: помовшь полы, можно устраивать каток. Туалет один на восемь комнат. Душа нет. Если польет дождь или вдруг оттепель — аврал.

Идешь на кухню — думаешь: не в последний ли раз? Горелка постоянно взрывается — наверное, все в рубашках родились... Пока живы.

А наши руководители только отмахиваются: «Чем вам не жилье?»

...К нам не ходят друзья, так как заместитель директора фабрики заявляет: «Нечего дружить с ребятами, с которыми не расписаны».

И что же, теперь нам здесь жить и работать три года? Выкинуть их из жизни? Нет уж, дорогие наши руководители, не будет этого!

Обидно, что не захочется вспоминать Ростов и дома, в далекой родной Астрахани.

Когда же наконец «Положение о персональном распределении молодых специалистов...», в частности о льготном получении жилья, вступит в силу не на бумаге, а на деле?

Кто нам на это ответит?

Юристы Г. ДУБАЕВА,
С. ОСТРОВИДОВА,
санитарный фельдшер
Е. ФЕДЕРЯЕВА, Ростов
Ярославской области

✉

Обращаюсь к Рою Медведеву по поводу его очерка «Брежнев» («Смена» №№ 7, 8, 1989 г.) А. Игнатев в своей книге «Пятьдесят лет в строю» вспоминает такой случай. Генерал Драгомилов вспомнил лишь на третий день после дня рождения царя, что не поздравил монарха. Чтобы выйти из затруднительного положения, он дал ему такую телеграмму: «Третий день пьем Ваше здоровье». Царь ответил: «Пора бы и кончить». Эти последние слова как раз относятся и к вам, Рой Медведев, пора бы и кончить чернить все прошлое, а повернуть свое перо на сто восемьдесят градусов и писать то, что окрыляло бы веру в партию, в наш строй, в перестройку, в наше будущее. Писать так, чтобы слово звало людей на трудовой подвиг и прежде всего звало нашу молодежь.

Если дойдет этот совет до Вас, значит, Вы станете на правильный путь на финише своей жизни. Этот совет можно отнести и к подобным Вам публицистам и писателям, которые все еще продолжают показывать все прошлое, пережитое в негативном цвете. Пора бы и им выходить на светлую дорогу в жизни.

Василий ШУРИНОВ,
член КПСС с 1941 года,
ветеран войны и труда,
Смоленская область

✉

Несколько раз возвращалась к фотоочерку «Крыша над головой» («Смена» № 3, 1989 г.). Получается — мы в вечном долгу перед молодежью, все мы им что-то недодали...

Мне 60 лет. Похоже, наше поколение вообще выпало из жизни. Начинали с коммуналок и заканчиваем в них. Но не кидаемся в крайности. Не пьем, не курим, не наркоманим и светлыми глазами смотрим в будущее, к чему призываем и нашу молодежь.

Екатерина НАРОЖНАЯ,
Днепропетровск

✉

В Кировской области введен 15-процентный районный коэффициент. Таким образом, если технический служащий получал 70 рублей, то теперь получает 80 рублей 50 копеек. Если инженер получал 250 рублей, то теперь — 285 рублей 70 копеек. А между тем необходимые у нас теплые вещи продаются по одной цене — для обеспеченных и малоимущих.

Я работаю завхозом, и мне приходится выдавать зарплату техперсоналу.

Так вот: раньше технички получали 70 рублей, и подоходный налог с этой суммы не брали. Сейчас их зарплата 80 рублей 50 копеек, и подоходный налог с этой суммы берут. После вычета налога на руках у техслужащих остается 77 рублей. В итоге «улучшения материального благосостояния» техслужащий получил 7 рублей. А килограмм мяса стоит 4—5 рублей, шапка кроличья — 25 рублей, сапоги зимние — 75—100, зимнее пальто — 300—400 рублей и так далее.

Так кому нужен этот обман с повышением благосостояния? Что, опять галочки для трибунных отчетов?

Хотел еще написать о наболевшем — о положении инвалидов, но не буду, так как писал не раз, а получал одни отписки. Если мое письмо для печати не годится — ради бога никуда не отсылайте, потому что снова пойдет море бумаг, отписок, а зачем? Лучше выбросьте в корзину. Если письмо все же будет опубликовано, гонорар передайте в фонд помощи инвалидам.

Александр Сергеевич ГОРОДИЛОВ,
28 лет, инвалид III группы,
Кировская область

Пишет вам Олег Смирнов. Я обратился в редакцию «Смены» с просьбой помочь мне найти брата и сестру, которых я потерял еще в детстве после смерти родителей: мы воспитывались в разных детских домах. Хочу сообщить радостную новость. Наконец-то я нашел и брата, и сестру! Вернее, теперь я знаю адрес сестры. Найти его мне помогли публикация в «Смене» и командование части. Мы послали запросы во многие инстанции, а чуть позже я получил письмо от тети, сестры матери. Она пишет, что моя сестра живет совсем рядом с ней, вышла замуж, у нее уже двое детей. А брат где-то служит — точного адреса пока они не знают, но скоро сообщат. Бабушка моя умерла несколько лет назад. Теперь я собираюсь после армии поехать к родным. Я благодарен вам за участие и заботу, за то, что вы в № 2 «Смены» опубликовали мое письмо: вы помогли мне не только найти сестру и брата, но и познакомиться со многими добрыми людьми.

Еще раз спасибо за все.

Олег СМОРНОВ,
Московская область

Недавно, побывав в книжном магазине и просмотрев очередные планы издательства на 1990 год, я был неприятно поражен. Все как в добрые, старые времена. Во всех планах размахистские приписки: «Заказы на книги повышенного спроса не принимаются». Не абсурд ли это? Выходит, можно заказывать то, что не нужно, а то, что я желаю иметь в своей библиотеке, заказывать не могу?

Почему в области книгоиздательства у нас все поставлено с ног на голову? Почему издательства повышают свою рентабельность с помощью стремительного подъема цен на пользующиеся спросом книги, а не за счет уменьшения выпуска никому не нужных тонн макулатуры, которая годами пылится на прилавках книжных магазинов? Надо большую часть литературы печатать по заказу. Почему интересующую меня книгу я должен ждать три года, чтобы потом купить ее в букинистическом магазине за спекулятивную, «договорную» цену в 20—25 рублей у того, кто достал ее по благу, да еще и не одну? Важным аргументом чиновников является духовность издаваемой сейчас литературы. Дескать, на потребу публике придется печатать книжки, не несущие

высокого духовного потенциала, а книги, проникнутые идейностью и гуманизмом, останутся в тени. Это отговорка. Я уверен, что спросом всегда будет пользоваться книга высокой художественной ценности, настоящая литература. Хотелось бы узнать, будет ли изменено что-либо в системе издательства в ближайшее время. Только не надо печатать всевозможных уверток чиновников Госкомиздата.

И. А. ГИЛУЧ,
25 лет, инженер,
Кемерово

Иные чиновники питают надежду, что ввиду своего привилегированного положения меньше других страдают от экологического кризиса. Отсюда и наплевательское отношение к охране окружающей среды.

Сложилась парадоксальная ситуация: губители природы оставлялись безнаказанными. Но так ли это? Забыли чиновники Минводхоза, Мингазпрома, Госкомгидромета, Госагропрома и других министерств, комитетов русскую половицу: как аукнется, так и откликнется. В статье «Западня» («Смена» № 2 за 1989 год) приведены данные, свидетельствующие о том, что в результате загрязнения Волги в осетровых породах рыб обнаружены многие ядовитые вещества. Общеизвестно, что основными потребителями осетровых деликатесов являются чиновники — простым людям они уже и сниться перестали.

Чиновный васька слушал протесты общественности да вл. А кушал-то он, оказывается, бальчок с пестицидами и икорку с опухолевыми поражениями. Свообразно засуетились по этому поводу Минздрав и Минрыбхоз СССР. Цитирую отрывок из письма Минздрава, приведенного в той же статье: «...использование осетровых пород с расщеплением мышечной ткани по линии специпитания не может быть рекомендовано...»

А рекомендует Минздрав пустить их в свободную продажу. Пусть, мол, и те, кто не имеет доступа к специпитанию, тоже травятся. Среди мер, принятых Минрыбхозом, например, такая: удаление у рыб пораженных участков. Это все равно, что у больного, пораженного гангреной до пупа, отнять левую ногу. Поздно. Сама природа стремится к вырожждению племени чиновников, глумящихся над ней. Показательный пример!

Пока чиновники на своей «шкурке» не почувствуют экологический удар, борьба за сохранение природы принесет мало результатов. Пример тому — практически полное игнорирование бюрократами общественного мнения по экологическим проблемам.

Евгений ЛУНИН,
кандидат химических наук,
Куйбышев

Прочитала статью «Доморощенная омерта» и была просто потрясена. Почему мы узнаем об этом только сейчас? Сколько жизней загублено! Мы живем на Камчатке, у нас очень развит горнолыжный спорт. Двое моих сыновей занимаются им с семи лет. Старший сын — ему тринадцать лет — постоянно ездит на соревнования, на него, как говорят, возлагают надежды. И что вы думаете? Сам тренер был у нас дома и принес ему таблетки, сказав, что это витамины. При этом он подробно объяснил, как их надо принимать, а на мой вопрос о цели ответил, что это для тонуса и делается это с ведома врача физдиспансера. Я по своей наивности поверила, но вскоре приехал из командировки муж и все таблетки выбросил в ведро. Я до сих пор не могу поверить, что врачи могут травить детей. Только после статьи З. Юрьева я поняла, насколько это серьезно.

Сын прочитал вашу статью, а я запретила ему что-либо принимать, кроме обычных витаминов. Но где гарантии, что он не будет принимать стимуляторы тайно, ведь как ни внушай им, а если даже они и не понимают всей опасности, им все равно хочется в этом возрасте быть на высоте любой ценой. Но то, чем занимаются тренеры и врачи, иначе, как преступлением, не назовешь. Надо бить во все колокола и обсуждать этот вопрос на самом высоком уровне.

Прошу вас не упоминать нашу фамилию — сын без спорта себя не мыслит, а если узнают, чья мама раскрыла тайну, его с базы выгонят и на другую не возьмут.

Н. П.,
Петропавловск-Камчатский

Меня, как никого другого, касаются статьи «Ложь на душу населения» («Смена» № 16, 1988 г.) и «Еще раз про ложь...» (№ 7, 1989 г.). Мы с мужем здоровая, красивая молодая пара. Говорят: здоровы родители — здоровы и дети. Оказывается, это не так. У нас родился ребеночек без ушной раковины. Вы не можете себе представить, какой удар я испытала, когда на родовом столе (вместе со счастьем материнства) узнала об этом!.. Сколько бессонных ночей и слез было у нас, пока не убедились в том, что ребенок хорошо слышит и нормально растет и развивается. Сейчас сыночку 1,5 года. Автор статей прав в том, что всем этим «детелям» — А. Касьяненко, Б. Колесникову, Л. Радюкевичу — нет дела до нашего ребенка. Мне 25 лет. Я хотела бы иметь троих детей, а теперь боюсь!

Татьяна ЛЕВЧЕНКО,
Запорожье

В «Смене» № 2 за этот год было напечатано письмо И. Мурдыновой из г. Альметьевска, в котором она рассуждает о проблеме образования инвалидов. А я хотел бы обратить внимание на другую сторону проблемы: как трудно устроиться после окончания вуза по специальности. Сколько у нас в стране инвалидов с высшим образованием сидят без работы! В лучшем случае они вяжут, шьют или клеют что-либо на дому.

Сейчас много пишется о создании обществ инвалидов. Это дело хорошее. Но на общественных началах многочисленные проблемы инвалидов не решить. Нужна помощь государства, и прежде всего — местных властей. Однако ничего подобного нет. Скорее, наоборот, есть масса инструкций, которые «запрещают» инвалидам нормально существовать. Возьмем, к примеру, меня: инвалид I-й группы, учусь на втором курсе института народного хозяйства в Минске. Общественным транспортом пользоваться не могу. И езжу на сессии на такси (что обходится мне в копейку). Но ведь на работу каждый день я не смогу ездить на такси. В выделении автомобиля с ручным управлением мне отказывают. Даже для мотоцикла я не подхожу — согласно инструкции. Обращался в Минсобес — получал отписки. Меня поражает бездельность этого министерства! На них не действуют никакие доводы. Даже то, что я сам сидел за рулем и вел автомобиль, их тоже не интересует. Им нужен не человек, а инструкции, которые они сами же и придумали, чтобы не брать на себя лишнюю ответственность.

Н. ГАЙДУКЕВИЧ,
28 лет, Минск

Окончание. Начало на 12-й стр.

Вингис), и мало кто обращал на него внимание. Но именно благодаря его энтузиазму и авторитету в Вильнюс прибыло более ста (больше всего из Великобритании — тридцать четыре человека в команде!) воздухоплавателей.

Мало кто держал в памяти и такой недавний факт, тем более связывал его с человеком в сером пуловере: незадолго до фиесты в Дни Великобритании в СССР на Ленинских горах Москвы в торжественной обстановке, в присутствии дипломатического корпуса, представителей компании «Камерон баллонз» и «Гала-Камерон» советской стороне был вручен «камероновский» шар роскошной радужной расцветки. На нем крупно сияли буквы: ЦК ВЛКСМ.

...В день полетов мы поднялись в четыре утра. В пять был брифинг для пилотов. В шесть на поле выехали машины, выгрузили корзины, пилоты стали расстилать по траве безвольные и сонные шкуры шаров.

Трава была мокрой от росы. Зрителей собралось мало (то ли дело теплым литовским вечером!). Кто промерз, пил кофе из пластикового стаканчика. Черный улыбающийся шар (тоже Камерона) под рев горелок начал подниматься...

Но первым — и это был сигнал к общему старту — взлетел шар «Пепси», на днях подаренный компанией обществу «Литуйаника» Римаса Мацюлявичюса.

Это спорт для улыбки, для радости. Американцы привезли шар в виде головы дяди Сэма. С розовыми надувными ушами, с острым носом, с улыбочкой. Дон Камерон подарил мне проспект своей фирмы, и я увидела шар-мороженое, и шар-кроссовку, и шар-дом в два этажа с лепными украшениями в стиле барокко, и шар-слон.

Спортивный шар построже, но радости от него не меньше.

Я убеждена, что человек, хоть раз полетавший на шаре, не бросит камень в птицу. Также я все больше убеждаюсь в том, что люди, преданные этому виду спорта (да и, видно, всякому делу, приносящему радость другим), меньше подвержены ссорам, не любят выяснять отношения... Значит, неспроста соруководители «Гала-Камерона» утверждали на пресс-конференции, что воздухоплавание — путь к дружбе, пониманию друг друга. Дон Камерон тогда сказал: «Есть хорошие перспективы для полетов в вашей красивой стране». А Игорь Богданов добавил, что с помощью авиапромышленности, других участников и патронов «Гала-Камерон» в скором будущем «...мы сможем предоставить большое количество шаров для спортивных целей — для дружбы и чистого, светлого неба».

Дни были похожи на цветной мирный взрыв, и в эпицентре была зеленая поляна, люди ходили вольно среди шаров, как в лесу, полном цветов и листьев. Голландцы, полетав, вернулись и сказали смущенно и озбоченно:

— К сожалению, мы пролетали над вашим военным городком.

— Ну и что? Не стреляли в вас?

— Нет, они махали нам руками и улыбались.

Шар тем хорош, что улыбку человека позволяет разглядеть.

Так летаем вместе!

Валерий БАЛАБАНОВ:

"Мой мир"

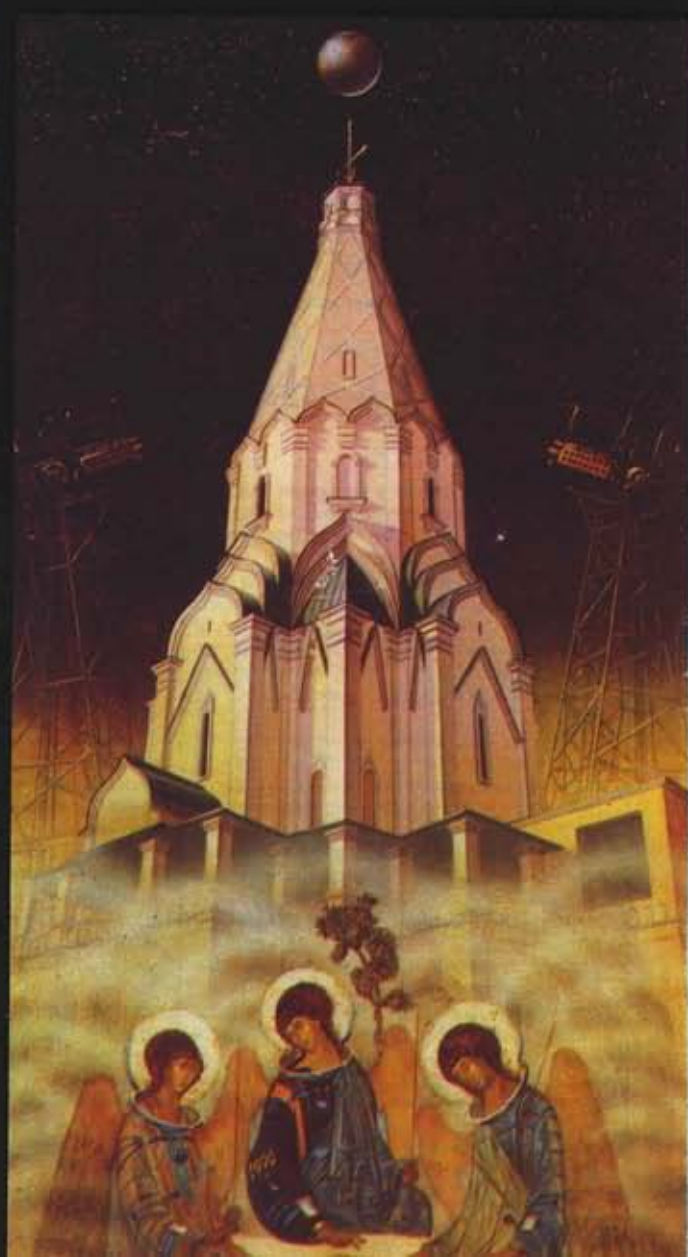
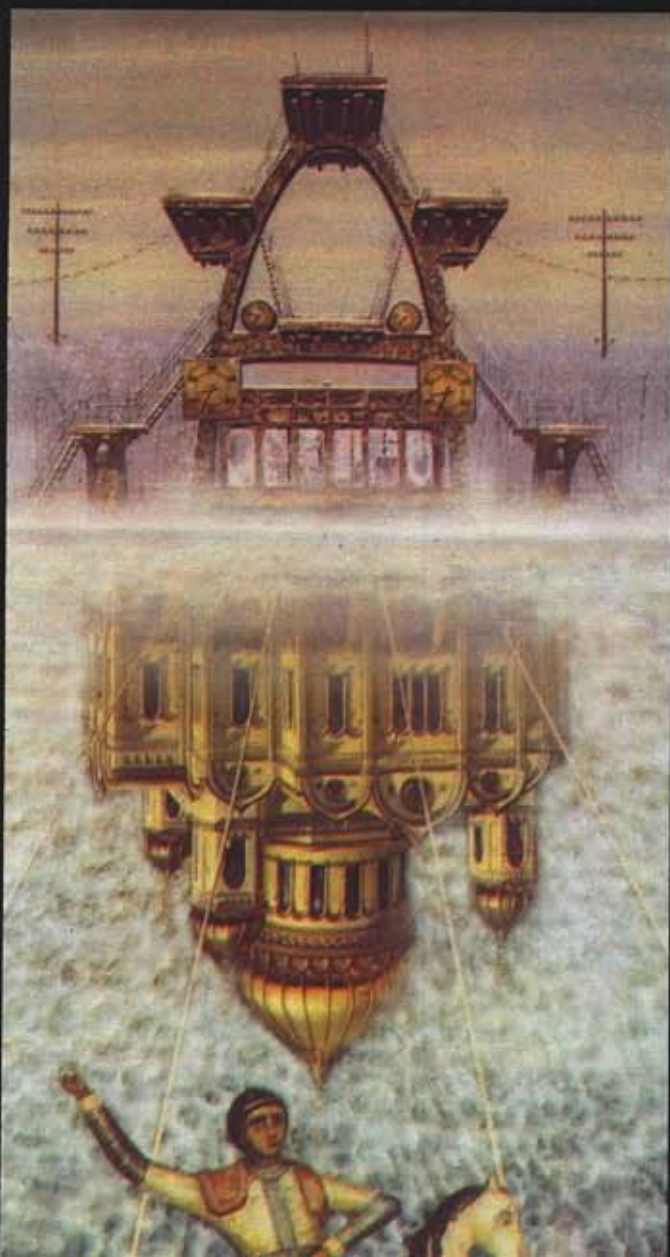
Ф

ормула моего творчества — фантастическая реальность. Она складывается из двух полюсов человеческой жизни: с одной стороны, взгляд ребенка — наивный и чистый, с другой — видение человека, умудренного жизненным опытом. Именно на стыке этих двух полярных взглядов на жизнь, на искусство и складывается художник со своим «театром жизни».

Все мы — участники вселенского «театра жизни». А моя задача очень простая — оформить сцену «театра жизни», создать декорации, ввести в эту среду моих современников, разрушая стереотипы мышления, раздвигая временные исторические рамки, сохраняя при этом предметную (фигуративную) форму выражения — язык, который убедителен и доступен для всех.

Моя дорога жизни, как и у всех, состоит из чередования черных и белых полос, что принято называть «зеброй». И я себя чувствую «зебравром», идущим по этой дороге.

В 1968 году состоялась выставка, посвященная памятникам Отечества. Она стала для меня дебютом.

Каждый человек, семья, народ — это «древо жизни». Разрушая наши исторические корни (Храмы), мы разрушаем органичное единство прошлого, настоящего и будущего. Камни прошлого — это ступени лестницы, ведущей в будущее, говорил Николай Рерих. Прошло время разрушать Храмы, пришло время созидать Храм Отечества. Как не вспомнить тут еще и прочтение Николаем Рерихом трех ипостасей мудрости: первое — жить, второе — жить лучше и третье — быть лучше! Картина «Пловец» была показана в феврале 1986 года на выставке художников России «Памятники Отечества», посвященной 800-летию «Слова о полку Игореве». Пластически связав и одновременно противопоставив тему современную (зимний пейзаж бассейна «Москва» с вышкой для прыжков в воду) и отражение в воде «памяти народной» (тема опрокинутого Храма, которая перечеркнута дорожками для плавания, по центральной плавает «русскими саженками» Георгий По-

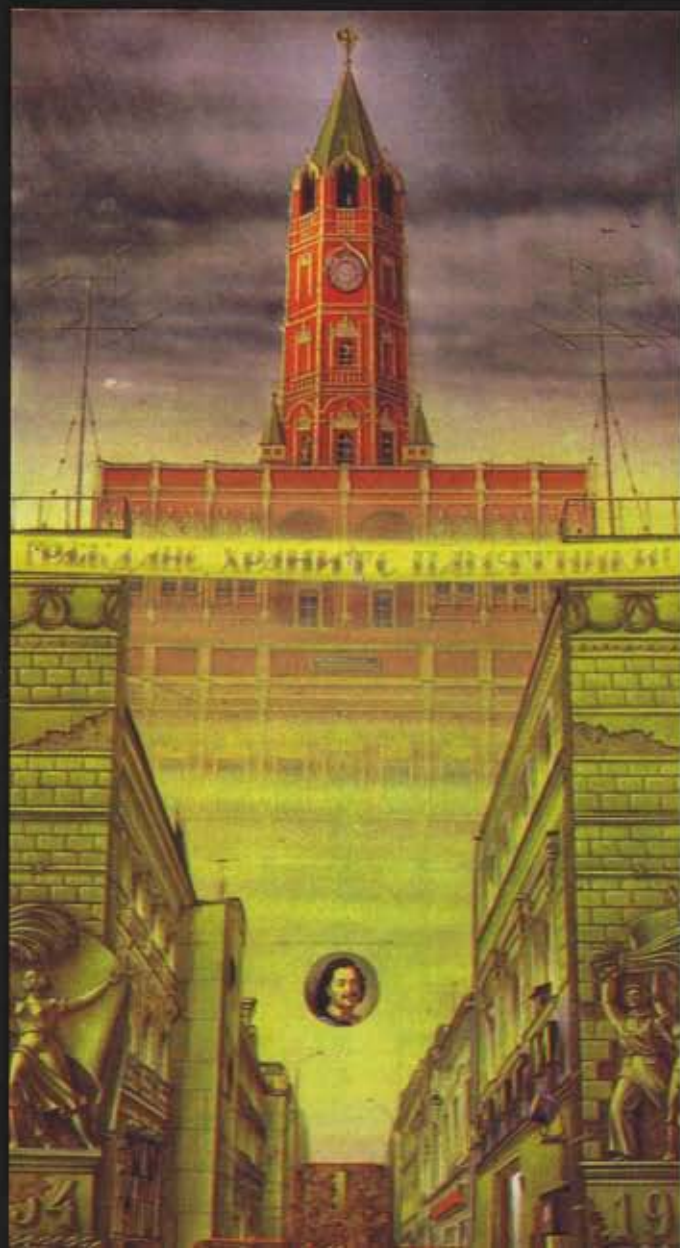
бедоносец), я приглашаю зрителей к размышлению о сохранении нашей культуры, о бережном отношении к народному достоянию.

В то время, когда картина «Пловец» была показана на выставке, на экраны Москвы вышел фильм Т. Абуладзе «Покаяние», а чуть позже молодой ленинградский художник на выставке в Центральном Доме художника представил плакат, где из панорамы Москвы ножом вырезан храм Христа Спасителя, и он, выпадая за пределы плаката, оставляет в этой панораме черную дыру. А сверху текст: «Семь раз примерь, один раз отрежь!»

Конечно, это не случайно. Художники разных возрастов, различными образными средствами рассказывали о Храме: о добре и зле, об этике и нравственности человека, о душе и совести.

Картина «Пловец» в дальнейшем стала левой частью триптиха «Наследие», показанного на выставке «Тысячелетие русской культуры».

атмр жизни

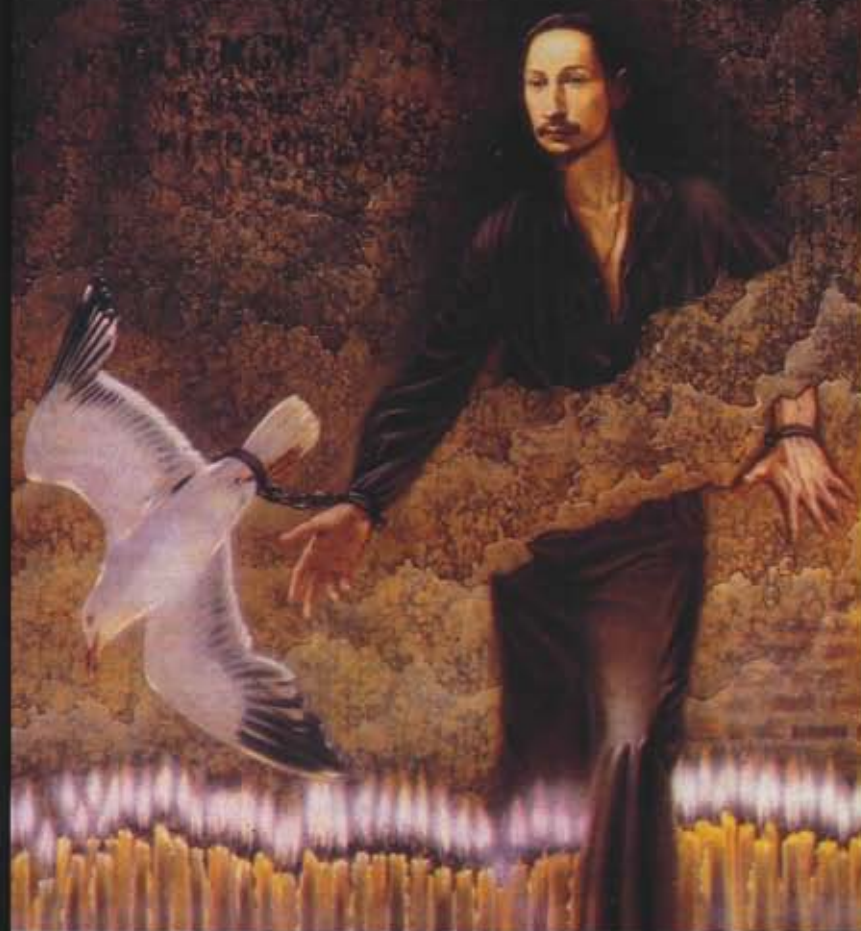
▲ Семейный портрет.

◀ Амуры.

▶ Возвращение Павла Флоренского.

◀ Триптих Наследие:

Пловец, Полет, Прожект.

В 1982 году общественностью был поставлен вопрос о восстановлении в Москве Сухаревой башни, разобранной в 1934 году. И только в 86-м был объявлен конкурс. Состоялось обсуждение десяти проектов. Еще через год жюри и экспертная комиссия подвели итоги конкурса, раздали премии. И... тишина.

Проект, занявший первое место, превратился в прожект (необычный проект). Так и называется правая часть триптиха: «Прожект», где Сухарева башня перечеркнута лозунгом: «Граждане, храните памятники!».

В центральной части возникает фантастический полет «Троицы» Андрея Рублева на космическом корабле (церковь Вознесения в Коломенском) к планете Земля, к людям. Это мирный полет — Веры, Надежды, Любви.

«Быть или не быть»... Теперь это проблема не только отдельной личности. Экологический кризис, угроза ядерной катастрофы придали ей общечеловеческий смысл. Но что бы ни говорили, на мой взгляд, в центре этих проблем стоит человек. И все начинается с души человеческой.

Отсюда и обращение к именам деятелей культуры, науки, писателей и художников, вычеркнутых в свое время из нашей истории.

Картина «Возвращение Павла Флоренского» посвящена выдающемуся русскому мыслителю и ученому. Я много думал о жизни, о судьбе Флоренского, стремился понять его воззрения на мир и человека, постичь цельность его идеала. Однако сострадание этой великой жизни было, наверное, главным моим художническим чувством, и поэтому в верхней части «Возвращения Павла Флоренского» я написал Богоматерь Оранту, с глубокой внутренней скорбью взирающей на страдающего.

Множество горящих свечей внизу символизирует души безвинно уничтоженных «врагов народа», растоптанных птенцов соловецких чаек, разрушенные памятники культуры.

В 1937 году П. А. Флоренский писал в Соловках, что его поймут лет через 50.

А может быть, в вечных поисках истины и духовности сами пришли к нему?..

Этот мир не в другой галактике, он рядом. Но мы знаем о нем меньше, чем о какой-нибудь «черной дыре». Мы понимаем, благодаря каким гравитационным силам она втягивает в свое чрево космические тела. Что же касается улицы, этой вполне земной «черной дыры», тут у нас пока одни лишь предположения.

Считается, к примеру, что конфликтные группировки Казани порождены бандой «Тяп-Ляп», промышлявшей налетами на другие уличные территории и облагавшей данью «подданных». Но в репертуаре алма-атинских «банд» не менее наглые преступные действия. Однако никто не утверждает, что алма-атинские «пацаны» произошли от какой-то взрослой банды (Алма-Ата тоже снискала себе славу города, поделенного подростками на враждующие районы).

Алма-атинский уличный мир погряз в наркомании. Старшеклассники курят анашу открыто, в школьных туалетах. Но я нигде не прочел ни строчки о том, что наркомания занимает такое же место в жизни казанских «мотальщиков», хотя по жестокости уличных «боев» они превосходят алма-атинских сверстников.

Казанские «мотальщики» — в основном ПТУшники. А в Алма-Ате — школьники.

Социологи предполагают, что теневые заправилы казанских «моталок» стремятся завоевать чужие территории, чтобы взимать больше дани. Здесь, мол, кроются причины их агрессивности. Ну, а как быть с воркутинскими «качками»? В деньгах они не нуждаются: родители — шахтеры. «Качкам» ничего не стоит закупить целый купейный вагон и поехать на каникулы в Москву «щупать люберов». Летом география их гастролей простирается до Сочи и других курортных городов. По высокомерности притязаний воркутинским «качкам» вообще нет равных. Чего стоит один только их лозунг: «Воркута — столица СССР!»

Нет, улица не укладывается ни в какие умозрительные схемы. Похоже, ее вообще невозможно разглядеть с высоты зрелого возраста. Так, может, мысленно спустимся, поставим себя на место тех, о ком беремся судить?

Вспомою себя 16-летним. Перед глазами встает почти идиллическая сцена. Летний вечер. Скамейка у подъезда. Дембель Витя Стадник достает из внутреннего кармана пиджака кулек с конфетами-подушечками, бутылку водки и начинает обучать нас, пятерых или шестерых олухов, пить. Глоток — конфетка, глоток — конфетка. Только, чур, не морщиться и, как ни выворачивает наизнанку, в кусты не бежать.

Витя Стадник был самым безбидным из уличных старшаков. Старушки во дворе называли его непутевым женатиком. Сразу после армии он женился, но дома не сиделось, тянуло в родную уличную среду. Вот он и отводил душу, обучая нас пить. Еще он рассказывал про армию, какие качества там требуются, как нужно себя вести с первого дня, чтобы не оказаться среди слабаков. То есть учил не только пить, но и жить.

Другие старшаки района щеголяли золотыми коронками — фиксами, табуировками. Эти внешние приметы выдавали близость старшаков к уголовному миру и вызывали у нас, пацанов, священный трепет.

Сейчас много говорят о связи улицы с «зоной» — воспитательно-трудовыми колониями. Боюсь, в те годы эта связь была куда более тесной. Заключенные строили жилые дома, их водили по городу колоннами, возили на автомашинах. Забор с колючей проволокой стоял рядом с нашим двором. Не обращая внимания на часовых, заключенные просили нас перебросить через «колючку» кирпичного чаю, из которого получался особенно крепкий чифир. Естественно, мы расшибались в доску. В обмен нам перебрасывали самодельные финки с наборными плексигласовыми ручками.

Многих зеков мы знали в лицо и по том встречали на воле. Видели их в компании с нашими старшаками, большинство из которых, как я теперь понимаю, еще не отбывали срок, а только старались выглядеть отсидевшими. Они наверняка должны были обращаться с нами, младшими, примерно так же, как обращались с ними вышедшие из зоны. Но я не припомню случая, чтобы кто-то из старшаков унижал, бил или обирал нас.

Улица собирала прежде всего обиженных — либо родителями, либо учителями, либо теми и другими. И потому было не принято, чтобы на улице обижали еще и свои.

Улица — школа мужского товарищества. Кореш из соседнего подъезда может быть роднее брата. Но улица — это особый мир, где постоянно идет свободная игра мальчишеских сил, столкновение самолюбий, притязаний, борьба за сферы влияния. Эмоции захлестывают подростка, а тормоза работают плохо. Однако улица всегда следила за тем, чтобы соблюдались рамки — пределы того, что может себе позволить один пацан по отношению к другому, свой — по отношению к своим, старший — по отношению к младшему. Всегда одолеваящая улицу жажда самоутверждения уравновешивалась не менее сильной жадой справедливости.

Старшие не могли унижать своих, хотя бы потому, что это подрывало сплоченность группировки. Тут не могла прижиться норма, выгодная одной только уличной верхушке. Как всякая другая саморегулируемая система, улица отторгала все, что могло ее ослабить.

Что же произошло с улицей в последние двадцать лет? Почему сегодня старшак, собирающий пятнадцатирублевую ежемесячную дань с младших, не предстает перед судом других старшаков? Почему членство в уличной компании из добровольного превратилось в принудительное? Почему подросток, который не хочет связываться с компанией, должен платить отступную (до 250 рублей)? Почему отказавшегося платить ожидает постоянное преследование, а то и насилие? Во всяком случае, «зона» не главная причина. Хотя бы потому, что армейская «дедовщина» уж точно пришла не из колоний.

В армию судимых до недавнего времени вообще не брали. Главные причины надо искать в самой жизни, ибо преступному поведению учатся на воле.

Спрашиваю себя: почему Витя Стадник, вместо того чтобы выпивать за наш счет, угощал нас на свои деньги? Не потому, что он был таким уж щедрым. Может, потому, что поллитровка в то время стоила меньше трех рублей?

Мы явно не рассчитали, что улица просто так не откажется от спиртного. И уж совсем не предполагали, что пацанва, не имея средств на подорожавшие напитки, начнет нюхать токсические аэрозоли. Но в токсикоманию ударились только неимущие уличные низы. А верхи нашли простой способ вернуть себе прежнюю покупательскую способность... Молодняк принял налогообложение безропотно, уташая себя тем, что через год-другой он и сам перейдет в старшак и вдосталь насладится привилегиями.

Ведь какая страсть к подаркам и собиранию денег охватила в застойные годы немалую часть нашего учительства! Пример был близким, наглядным и заразительным...

В местах тусовок шел оживленный обмен информацией. Подростки отлично знали, что поборы — особенно в сфере обслуживания, торговли, транспорта — стали повседневной формой поведения многих взрослых. Работающие подростки — а они всегда пользуются на улице наибольшим влиянием — знали об этом не понаслышке.

Подростки часто бывают друг у друга дома. Они более остро переживают имущественное неравенство. Особенно если есть основания подозревать, что чье-то добро нажито нечестно. Понимали они и то, что если кого-то в два счета посадят за мелкое хулиганство, угон мопеда, потому что отец — простой работяга, то другого тут же выпустят, ибо его папа — большая шишка или делец.

Улица отреагировала на социальное неравенство двояко. В одних компаниях сынки и дочки «уважаемых людей» принимались по блату. Не без дальнего прицела: в случае чего можно было прикрываться ими, используя их связи. В других компаниях они подвергались беспощадному уличному ракету: не хочешь с нами водиться — плати два с половиной «стольника». К детям уборщиц, воспитателей детских садов и инженеров такие иски не предъявлялись. Улица знала, с кого можно сорвать верный куш...

За совершение проступков, дискредитирующих звание рядового и начальствующего состава, из органов МВД уволено в 1985 году 16 700 человек. В 1986 году — 12 600. В 1987-м — 10 700.

Если разложить эти цифры по полочкам, то найдется место и прямому вымогательству, которому подвергались задержанные подростки и те, кто приходил за них хлопотать. Кое-где для уличной среды сложился своего рода вымогательский прейскурант. За то, чтобы выпустили после задержания за драку, — бутылка. За получение передачи или свидания в изоляторе временного содержания — бутылка. А если за-

держанные подозревались не в мелком хулиганстве, а в чем-то более серьезном, например, нанесении тяжких телесных повреждений, тут уж, бывало, бутылкой не отделаешься... Кому-то давали срок меньше положенного. Но дальше-то шли расходы, связанные с пребыванием в колонии. Внеочередная передача — минимум бутылка. Внеочередное свидание — минимум четвертак.

Не во всех отделениях милиции и не на всех «зонах» существовал такой прейскурант. Но ему и не надо было существовать везде. Вполне достаточно было просто где-то существовать, чтобы подать уличной верхушке идею взимать с пацанов деньги на покрытие расходов, с которыми сама уличная верхушка уже не могла справиться своими средствами.

Дорожала жизнь — росли и поборы. Особенно много расходов было связано с уличными «боями» группировок. Если пацан попал в больницу, надо было помочь передачами, редкими дорогостоящими лекарствами. Если погиб — поставить приличный памятник, финансировать похороны, отметить «девять дней», «сороковины», годовщину смерти. Не все собранные деньги передавались родителям павшего в уличном «бою», но они были рады и этим: в конфликтных группировках, как правило, состоят пацаны из простых и малообеспеченных семей.

В уличном лексиконе появились словечки «система», «бригада», «команда», опять-таки почерпнутые из словаря взрослых. Где-то во главе «команды» учителей, занимавшихся поборами, стояла «деловая» училка. Где-то — такой же «деловой» сотрудник милиции или колонии. Некоторые «команды» пользовались распределителями и «кормушками» вполне открыто. А мы сейчас пытаемся провести только одну параллель: между уличным «общаком» и существовавшей когда-то «воровской кассой». Улица усваивала много параллелей... И еще не известно, чье воздействие было более тлетворным. «Обычные» преступления оказывают мало воздействия на социальные учреждения или социальную организацию, — читаю в книжке, написанной в начале 60-х годов американским криминологом. — Что же касается преступлений «белых воротничков», то именно они снижают социальную нравственность и создают социальную дезорганизацию. Книжку эту издали на всякий случай мизерным тиражом в четыре тысячи экземпляров...

Улица менялась вместе с действительностью. Благородство и милосердие стали объектом циничных насмешек. Преступное по своей явной или скрытой сути поведение перестало считаться преступным. Люди все меньше чувствовали низость своих поступков. Происходило обобществление ответственности и стыда, людям приходилось изворачиваться, «вертеться», тащить, лгать, скрывать... Взрослый мир деградировал, но по инерции призывал мир детей и подростков к нравственной чистоте.

Общество с разрушавшейся моралью не могло не выращивать в себе зароды-

Виталий ЕРЕМИН

ЧЕРНАЯ ДИРА

шей насилия и агрессии. Одним из симптомов, указывавших на эту болезнь, была возрастающая конфликтность уличных группировок, которая становилась формой общения. Все изоцирнее становились издевательства. Не только над чужими пацанами, но и над своими. Слишком много накапливалось злости, чтобы ее можно было излить только на чужих. Так, может, мы хотя бы сегодня наберемся мужества и признаем, что улица не создает собственных форм жизнедеятельности и моделей поведения, а только перенимает их у взрослых и осуществляет в соответствии с главными особенностями подросткового возраста — максимализмом и безжалостностью?

Не так давно беседовал с подростками и узнал потрясающую вещь. Они, оказывается, разоблачили одного из своих, который был у милиции осведомителем. Вскоре читаю в газете: компания зверски избивала товарища. За то, что «работал на милицию, стучал».

Беседуя с работниками милиции, возмущаюсь: да разве можно вербовать пацана, играть его жизнью! А мне спокойно: не лезьте в нашу специфику, мы обязаны знать, что происходит в наиболее криминальных группах, и потому использование «источников» вполне оправдано...

Когда-то мы сокрушались, как много в школах формальных активистов, не имеющих авторитета у одноклассников. Потом бросились в другую крайность: стали предлагать в актив тех, кто уже утвердил свое влияние. Не вникая, что это влияние держится на наглости, кулаке, обладании престижными вещами, сплоченности кучки «суперменов».

Классная руководительница 8-го «А» алма-атинской школы № 13 хорошо знала об уличных «подвигах» Сергея К., переведенного из другой школы за садистские, хулиганские выходки по отношению к одноклассникам. И все же она «провела» Сергея в старосты, руководствуясь тем, что он, такой красивый, властный, сильный, будет держать класс в руках, заставит ребят выполнять все ее распоряжения. Последствия ставки на «сильную личность» были трагическими. Одна из жертв старосты, Виктор П., не выдержал издевательства и убил своего мучителя.

Той классной руководительнице было хорошо известно о замашках протезе. Другим учителям чаще всего просто некогда рассматривать «второе» лицо своих выдвигенцев.

Учительство прибегало к такому использованию актива постольку, поскольку само было жертвой чьего-то использования. На учителя наваливалось столько ненужной работы, никак не способствующей лучшему воспитанию, что он рад был свалить хотя бы часть этого груза на какой угодно актив, изображать какую угодно бурную деятельность, только бы его не терзали коллеги и проверяющие.

И в прежние времена уличные взаимоотношения строились на примитивном принципе: либо боишься ты, либо боишься тебя. Явление использования вынуждало строить отношения так, чтобы «свои» боялись не только «чужих», но и «своих».

Особенно циничные формы приняла практика использования «актива» в деле перевоспитания. Не желая и не умея переделать правонарушителя путем духовного влияния, работники воспитательно-трудовых колоний, загруженные, подобно учителям, множеством ненужных обязанностей, не придумали ничего лучшего, как «перевоспитывать» своих подопечных, используя оголтелый, на все готовый ради своей корысти «актив».

Вот письмо, полученное мной от 42-летнего мужчины. «Сегодня, спустя 28 лет после происшедшего со мной в стенах Бобровской ВТК, у меня начинают дрожать руки. Я не был в «отрицаловке». Я был членом библиотечной комиссии, а это почти что «актив». Но я не мог выдержать каждодневных «разборок». Каждый вечер наше отделение выстраивалось, и «бугор» надевал перчатки. За нарушения режима

средней тяжести виновный получал по морде или по почкам. Били за плохо пришитую пуговицу, за плохо начищенные сапоги, за дырку в одежде, за курение в неполюбованном месте. За более серьезные нарушения виновника ждало нечто дикое, ужасное, скотское. Это похледе пыток в гестапо. Знаю паренька, которого пропускали через строй «актива», а в руках у каждого «активиста» была табуретка... Назрел бунт. Но все сорвалось. И членом загора была устроена бойня. Из барака вынесли большинство коек для оперативного простора, и началось... Потом хватили за руки, за ноги и били спиной о штакетник на улице, возле отряда. Многих изувечили в полном смысле слова. Целых два дня шло жестокое избиение... Нас было в отделении трое друзей. Но почему-то старшему воспитателю мы не приглянулись, и он запретил нам находиться вместе. Заслушав нас подвергли «телефону». Это когда с силой бьют сразу по обоим ушам, после чего часа два ничего не слышишь. Последствия этого «телефона» испытываю до сих пор».

То, что описано, происходило 28 лет назад! И не только в Бобровской ВТК. А правда открылась только в последние годы. Вот вам еще одна причина — многолетнее сокрытие того, что происходило с подростками всюду: в семьях, в милиции, в колониях.

«В доме часто появлялись какие-то чужие шмотки», — говорит мать алма-атинского «пацана», занимавшегося «прикидкой» — открытым разведением сверстников. В этом признании матери — констатация почти типичного равнодушия родителей к уличному общению детей. Ничто их не настораживало: ни чужие «шмотки» или деньги, ни холодное оружие, ни синяки и легкие ранения. Вот когда пацана дырявили ножом, сажали за грабеж или убийство, начинались причитания: «Ну кто бы мог подумать!..»

Некоторые ответственные милициские работники и сегодня демонстрируют благодушие, в коем пребывали последние десятилетия.

«Когда моего сына «поставили на счетчик», — пишет в редакцию А. С. Исмагулов из Алма-Аты, — я написал письмо первому секретарю Ленинского райкома партии. Но он мне не поверил. Направили меня к начальнику Ленинского РОВД. Тот тоже не поверил... Сын написал прощальное письмо и выпил много лекарств. Но и это сочли просто попыткой самоубийства».

Отец мальчугана, убитого членами алма-атинской «банды», настаивал на проведении показательного судебного процесса. Хотел, чтобы о причине смерти сына было сказано открыто. Но просьба не была удовлетворена. Дело рассматривалось как обычный конфликт.

Особую ответственность несут школьные педагоги. Уж они-то не могли не знать, что туалеты превратились в курильни анаши, что многие «банды» организовались не столько по территориальному, сколько по школьному признаку: в каждой школе своя «банда».

Они, педагоги, точно знали, что на совести члена «банды», сыгравшего в фильме «Алпамыс идет в школу» роль хулигана, не только реальные хулиганские действия, но и убийство...

Завуч 18-й алма-атинской школы Л. Венгерова на свой страх и риск пригласила нарколога, который провел скрытое обследование учащихся. Разрушая структуру школьной «банды», Венгерова добилась поразительных результатов. Но ей не простили ни вынесения сора из избы, ни личного педагогического успеха. Ее стали травить, и она была вынуждена уйти из школы.

Одним подросткам сходили с рук убийства, других отправляли в спецшколы за плохую учебу, уходы с уроков, побеги из дому. А спецшколы — это те же колонии, только для детей до 14 лет, которых закон запрещает помещать в ВТК. Трехметровый забор, круглосуточная охрана, хождение только

строим. И если средний срок отсидки в воспитательно-трудовой колонии — год, то в спецшколах и спецПТУ — до трех лет. А за какие только мелочи не сажали в колонии!..

Залученная на все обороты машина «перевоспитания» в спецшколах, спецПТУ, ВТК с использованием «актива» перемалывала подростков многие годы. Перемалывала десятки, сотни тысяч. Пока не перемолола последние остатки хоть каких-то норм, соблюдавшихся в подростковой среде. Освобождаясь, бывшие «активисты» и бывшие жертвы «активистов», потеряв в колониях последние остатки человеческого, несли «беспредел» в города и поселки.

В середине 70-х годов мой приятель, работавший в областной прокуратуре, поделился новостью: в небольшом районном центре была выявлена группа гомосексуалистов. Как такое могло случиться? Оказалось, вернувшись из «зоны» парни изнасиловали двух пацанов, потом «дали попробовать» другим, а те не посмели отказаться. И «пассивные» и «активные» постепенно «вошли во вкус».

Осуждая Запад за свободный от уголовного преследования добровольный гомосексуализм, мы «разводили» гомосексуализм насильственным, демонстрирующим то, до какого безобразия дошел «беспредел» в подростковой среде.

Работники ИТК в один голос говорят: никогда раньше не было «на зонах» такого количества «опущенных», подвергшихся надругательству в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах, во время этапирования и в самих колониях.

Что делать пацану, который пишет в журнал: «Мне нужно было набрать 100 рублей и заплатить «штраф», иначе меня сделали бы педерастом». И сколько у нас таких пацанов, жертв уличного «беспредела», не смеющих пожаловаться и не рассчитывающих найти защиту ни у кого: ни у родителей, ни у педагогов, ни у милиции?

Раньше улица была чем-то вроде отстойника, куда выпадал в осадок педагогический брак семьи и школы. Потом она превратилась в «свободный мир», куда без выездных виз перебирались тысячи подростков, отвергавших формализм и показушность школьной воспитательной работы. «11 миллионов мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 16 лет не принимают никакого участия в общественной жизни», — писала в 1968 году «Комсомольская правда». Это двадцать лет назад уже было 11 миллионов!

Неудивительно: разрушалась структура ученического коллектива, того главного, что во все времена противостояло улице. Влияние уличной среды — ее морали, субкультуры, норм поведения — не оспаривают сегодня все: ни пионеры, ни комсомол.

Сила, вышедшая из-под контроля, сама становится контролирующей силой. Уличным группировкам уже мало темных закоулков, подъездов, подвалов, чердаков. Они начинают мешать работе профтехучилищ, школ, техникумов. 10—15 процентов ребят, приезжающих на занятия в ПТУ из других районов Казани, не выдерживают притеснений и забирают документы. Возле некоторых казанских школ «пацаны» взимают плату за вход — в основном с младшеклассников. Директора звонят в милицию. Но милиция приедет и уедет, а педагогам оставаться и работать. Немало учителей и директоров учебных заведений уже были биты шпаной.

Когда-то улица играла в казаков-разбойников. Потом — в чапаевцев. Игра в книжного Тимура и его команду и Павлика Морозова пошла уже со скрипом. Еще хуже стало с героями, которых распределяли по разнарядке. Подросткам хотелось элементарного — быть героями собственной жизни. Или уж, во всяком случае, подражать живым кумирам. Но этих кумиров либо преследовали, либо мешали жить в условиях несвободы самопроявления. Какое-то время улица еще поиграла в импортных кумиров, а потом перешла к отечествен-

ным — «героям» следственных изоляторов, пересылок, «зон». Криминологи дружно отмечают: сегодня улица готова начать новую игру в «мафию» и «воров в законе». Недавно в Перовском районе Москвы я видел лозунг, нацарапанный на стене метровыми буквами: «Мафия бессмертна!»

Ну, что ж, по своей структуре, внутренней самоорганизации и оголтелости старшаков улица созрела для новой «игры». Отличительная черта всякой мафии — способность всюду иметь своих людей. Могу уверить: эта способность стала органической частью улицы.

Знаю компанию, где один старшак (невероятной жестокости хулиган, порезавший опасной бритвой не одну жертву) окончил пединститут и работает в ДЮСШ. По первому его слову любой «качок» из борцовской секции выполнит любое, самое грязное поручение. Другой старшак из той же группировки трудится в ОБХСС и даже ездит проверять коллег из южных республик. Третий окончил юрфак и работает в прокуратуре. А сколько тех, кто пристроился в милиции, торговле, сфере бытового обслуживания, в ресторанах и барах, в таксопарках и станциях автосервиса. Те, кто прошел школу уличной жизни, не мог не воспринять уличную жизненную позицию и «философию». Кровь уличного пацана и старшака можно обнаружить и в жилах высокопоставленных администраторов. Уж они-то своего в жизни не упустят. Уж они-то всегда выручат «своих ребят».

Читаю о том, что казанские «матальщики» будто бы оплачивают автобусы, на которых подъезжают к местам уличных «боев». Может, и оплачивают — в ресторанах сводят, только не забудем, что водителями автобусов могут быть те же старшаки, всегда готовые услужить «своим ребятам».

«Работники милиции с завидной энергией добывают компромат на потерпевших, заставляют забирать заявления» — читаю в газете о Казани. А вот и официальное подтверждение: «7,4 тысячи заявлений пострадавших, получивших телесные повреждения, в Казани попросту не рассматривались». Столь массовое сокрытие преступлений «матальщиков» может иметь простое объяснение. У них «все схвачено». И рядовой состав милиции — прежде всего.

Есть очень важная особенность уличных структур. Однажды возникнув, они почти не поддаются естественному самораспаду. Сказывается железный механизм преемственности возрастов, традиций и норм. Те, кого сегодня угнетают, знают, что завтра будут угнетать они.

Способные ставить под контроль любые сферы общественной жизни, мы бессильны сделать это с уличными группами, которые действуют без конспирации. А если начнут конспириваться?

Игра в «мафию» еще не получила широкого распространения. Но давайте на всякий случай учтем, что по соблазнительности она может превзойти игру в казанские «моталки» или алма-атинские «банды».

По некоторым сведениям, в Казани действуют около 70 группировок, охватывающих около трети подростков. Капля в море, если сравнить с Чикаго, где в 1927 году насчитывалось 1113 уличных шайк, игравших в «мафию». Но дело не в давности или географической удаленности примера, а в закономерности того, в какие игры играют уличные подростки. До сих пор мы этой закономерности благополучно избегали. Но сегодня... Рзкет, помнится, тоже считался у нас специфически американской формой организованной преступности...

Может, нам и удастся избежать размаха уличной игры в «мафию». Дай бог. Но все же на всякий случай не будем забывать хорошую болгарскую половицу: если медведь забрался в огород к соседу, жди его у себя.

Окончание в № 15.

ДРЕМЛА И МЫ

Евгений КАРАСЕВ,
служащий, Омск

ТВОЙ ДОМ

Твой дом стоял торцом
К проспекту Мира.
Ты с матерью, с отцом
В двухкомнатной квартире.

О, первые стихи,
Наивные до срока.
Придуманы грехи —
Придуманы под Блока.

Без лишних, помню, слов
Шептала мне:

— Ты — гений...

Под аромат цветов,
Под снегопад сирени.

Редактор первый мой,
И слушатель мой лучший.
Зачем же образ твой
Сгорел звездой падучей?

И как же от меня
Ушла легко и быстро,
Так, словно от огня
Вверх улетают искры.

Как холодно кругом,
И льдом покрыты воды.
И опустел твой дом —
О, годы, годы,
годы...

Кому читать стихи,
Не ведая сомнений.
Придумывать грехи,
И знать ответ:

— Ты — гений...

Николай КАСЬЯНОВ,
студент, Москва

Роняйте тихие слова,
Наивностью лучась надежды,
Надевши белые одежды,
Роняйте тихие слова...

Роняйте слезы в тишине
О том, что было или будет,
Поймут и люди, не осудят
В сентиментальной глубине.

Наивно-детски мир любя,
Вы попытайтесь возвратиться
К полету легкому, как птица,
Роняйте музыку в себя...

Роняйте детские мечты
В великодушии прекрасном,
Роняйте в даль улыбку ясно
Среди хлопот и суеты.

Роняйте мудрую печаль
Спокойно, тихо, без издевки,
Ведь мы бежим без остановки,
И ничего уже не жаль...

Андрей МИХАЙЛОВ,
журналист, Алма-Ата

АРМЕНИЯ, ВЕЧЕР

Парящий контур Арарата
Завис в лазоревой дали,
Стада

в клубящейся пыли
Долин, наполненных агатом.

Незримый медный перезвон,
Летающий эхом из ущелий,
И зов невидимой свирели
Переплелись в неясный стон.

А на скрещении дорог,
Где в очаге не гаснет пламя,
Над неостывшими камнями

Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборок их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем, дорогие друзья.

Мерцает вечный огонек.

Горчит полынью аромат
Далеких звезд,

струится грустью
С небес на землю через устье —
В ночи парящий Арарат.

Геннадий ЕВДОКИМОВ,

старший лейтенант милиции,
29 лет,
Ленинград

СТУКАЧ

Теперь он часто ходит по врачам,
Поскольку жизнь почти что на
излете.

И Библию читает по ночам
В тяжелом красноватом переплете.
Горчат окурки, и глаза болят,
Но он читает ту главу, в которой
Луною залит Гефсиманский сад,
Где ждет Исус развязки страшной,
скорой.

На месте том, где проступает след,
Средь влажных трав чуть видный
след идущих,
Он еле слышно шепчет: «Бога нет», —
И убирает книгу под подушку.
Но память по ночному, наобум
Куда-то рвется, как из клетки птица.
И, как обычно, вновь идут на ум
Расписки, псевдонимы, суммы,
лица...

Он засыпает. В комнате тепло.
Дрожит паркет в каком-то странном
блеске,
И льется сквозь оконное стекло
На серые ладони свет библейский.

Алексей ГУДОВИЧ,

фельдшер, с. Мещерское
Московской обл.

ПОРТРЕТ ЛЮБИМОЙ

Писать
и профиль, и анфас.
Писать
без лжи и без прикрас.
Писать,
чтоб музыка звучала.
Писать,
чтоб и душа кричала.
Писать —
и муки все стерпеть.
Писать,
чтоб кисти истереть.
Писать,
чтоб на краю могилы
Сказать:
«Как все прекрасно было!»

Алексей ЕЛЬКИН,

кочегар, г. Зуевка Кировской обл.

Я хочу, чтобы внукам моим
повезло,

чтоб застали
деревья и травы,
чтобы правнук
держал научился весло,
а потом уж ракетною править.
Пусть летает в какие угодно
миры,

только дай ему бог возвратиться
на холмы, что, как ныне,
цветами пестры,
и напиток воды
из криницы.

Вячеслав ШЛЯХОВ,

инженер, Сургут

Я лез напрапалую...
И за то,
что был, наверное,
не в меру прыток,
не раз я слышал:
— Вряд ли выйдет толк
из этих необузданных попыток.

Ну, что тогда я в жизни
понимал?

Мой мир был узок,
как глазок у двери!
Но я его с восторгом
принимал
и всем подряд кумирам
свято верил.

Мне говорили:
— Ну, куда ты прешь?
И не такие тут ломали шею!
И до сих пор
я ощущаю дрожь
от проповедей этих фарисеев.

Мне говорили:
— Парень, помолчи!
Забейся в свой, судьбой
забытый, угол...
...Но слово одинаково звучит
и под Москвой,
и за Полярным кругом!

Алексей РЕЗНИЧЕНКО,

служащий, Рига

Седеет мрак... И вот уже восток
Зажег окно подслеповатой башни,
И навсегда уходит день вчерашний.
Но не проходит горечи комков...

Природою придумана не зря
Неповторимость суточного круга,
Но не вернуть потерянного Друга...
И оттого не радуется заря.

И ничего уже не изменить.
И никуда от этого не деться.
И пусть еще отстукивает сердце —
Оборвана души живая нить.

Татьяна ГРИГОРЬЕВА,
врач-биохимик, Улан-Удэ

Давайте расставим

все точки над «i».
Скажите же нам, кто — враги,
кто — свои.
Из наших учебников, праздных
и пошлых,
Сложилась преступная каша
о прошлом,
Кусками, слоями с изюмом

сомнения,
А самое главное — с недовложением.
Срывайте бинты, вы имеете право,
Не может зажить загрязненная рана.

Петр КУЛАГИН,

пенсионер, ветеран Великой Отече-
ственной войны, Чебоксары

СЛЕЗА

Эх! Жаль, — не видели потомки,
Как я, калеченный войной,
Домой вернулся утром звонким
В кудрях с солдатской сединой.

Уже по улице знакомой
Солдатским шагом мял траву,
И вдруг —
Как громом пораженный,
Я ясно понял:

Я живу!
Живу! Живу! Неслось из далей,
С молчащей синей высоты,
И словно свечи зажигались,
Каштанов белые цветы.
А сердце так во мне звенело,
Так било радостный набат,
Что, непонятный, очумелый,
Я встречных обнимал подряд.

За мной бежали пацанята.
Я их кружил над головой
И, отскочив, кричал: — Ребята,
Смотрите, правда, я живой!
И —
Мама у калитки...
Встала
Под тополюю листвою...

Потом рванулась, подбежала
И шепчет: — Сын, живой, живой...
Обнявши горячо и быстро,
Все шепчет что-то мне еще...
Слеза
Горячая, как искра,
Сквозь гимнастерку
Жгла плечо...

Александр МИЛАНОВ,

журналист, Мурманск

Грохотало за лесом,
за пожней,
С каждым днем приближалась
гроза,
Вдаль глядели старухи
тревожно,

Вытирая сухие глаза.
Седовласые молча стояли
У облезлых плетней старики.
Души бывших рубак восставали:
Да куда же вы, хлопцы, сынки?!
Отступление. Год сорок первый,
Первый год небывалой войны.
Жили все неизбывною верой —
Обойдется... Ведь мы же
сильны.

Накатилась несметная сила —
Неудержно ползла на восток.
Беларусь, Украину, Россию
Ископытил поганый сапог.
Было страшно под немцем
остаться:

На родимой земле, а в плену.
Назовут это все оккупацией.
А кому ее ставить в вину?..

"Избори пунти еѐ..."

Джон УИНДЕМ

(научно-фантастическая повесть)

Не было ничего, кроме меня самой. Все остальное было пустотой — без времени, без пространства, без света, без тьмы, и в этой пустоте была я. Впрочем, это «Я» не имело никакой формы — у меня не было ни чувств, ни памяти, лишь осознание себя. Хотела бы я знать: это «Я»... (я — такая) и есть душа? Мне казалось, я хотела это знать всегда, и буду хотеть этого вечно...

Каким-то образом безвременье закончилось. Я стала понимать, что раньше что-то было. Закончилось и отсутствие пространства: я куда-то двигалась.

Что-то двигало меня то в одну, то в другую сторону. Я не понимала, как могу это чувствовать, — снаружи не было ничего, никакой точки отсчета, по которой можно было хоть как-то определить направление движения. — Я просто знала, что какие-то силы дергают меня то туда, то сюда, как бы вступая в противоборство друг с другом. Казалось, одна сила овладевает мной, чтобы ослабить, расшатать и дать возможность другой, противоположной, силе войти в меня в свою очередь. Так продолжалось некоторое время, пока мое осознание себя самой не стало четче и я не стала размышлять, какие силы борются во мне, может быть, добро и зло или... жизнь и смерть...

Меня продолжало толкать в разные стороны, причем амплитуда колебаний сокращалась до тех пор, пока меня не стало буквально перебрасывать то туда, то сюда. Неожиданно и резко борьба эта кончилась. Возникло ощущение движения, все быстрее и быстрее... наконец, стремительный полет в пустоте, и падение...

— Все в порядке, — сказал чей-то голос, — только пришла в сознание чуть позже положенного. Нужно пометить это в ее карте. Какой номер? О, у нее это всего лишь в четвертый раз... Да-да, конечно, отметьте. Все остальное в норме. Она в сознании!

Голос был женский, с каким-то легким и незнакомым акцентом. Я открыла глаза, увидела то приближающийся, то отдаляющийся от меня потолок и вновь закрыла их. Другой голос, с таким же странноватым акцентом, произнес:

— Выпейте это.
Чья-то рука приподняла мне голову, и в губы ткнулась чашка с жидкостью. Я чуть приподнялась, выпи-

ла содержимое и, закрыв глаза, вновь откинулась на спину. Через некоторое время я ощутила прилив сил. Несколько минут я лежала, глядя в потолок и размышляя: где я могу находиться? Мне не доводилось видеть потолок такого цвета — кремово-розового. Внезапно я осознала, что дело вовсе не в необычности потолка (точнее, его цвета), а в необычности и неузнаваемости всего — я ничего не помнила. Я понятия не имела, кто я, где я и как могла здесь оказаться... В приступе панического ужаса я попыталась приподняться и сестра, но чья-то рука помешала мне, и вновь у моих губ оказалась чашка с жидкостью.

— Вы в полном порядке, — услышала я женский голос. — Лежите спокойно. Расслабьтесь.

Я хотела спросить ее о чем-то... о чем-то важном, но вдруг ощутила жуткую слабость, трудно было даже пошевелить языком. Первая волна страха улеглась, оставив лишь апатию. «Что могло со мной случиться? — вяло соображала я. — Может быть, несчастный случай? Может, так чувствуют себя в сильном шоке?» Я не могла найти никакого объяснения, но меня это перестало занимать: ведь кто-то за мной смотрит, кто-то заботится обо мне... и еще эта слабость... с вопросами можно было подождать.

Наверное, я задремала. Не знаю, сколько прошло времени, но когда я вновь открыла глаза, мне явно стало лучше. Ужаса не было, осталось лишь удивление, — и некоторое время я лежала, не двигаясь. С приливом сил ко мне вернулось любопытство — захотелось узнать, где я, и я тихонько повернула голову на подушке.

В нескольких метрах от себя я увидела сложное приспособление на колесах, нечто среднее между кроватью и троллейбусом, и на нем — спящую с открытым ртом женщину громадных размеров. Поначалу мне

даже показалось, что женщина эта находится в чем-то, что придает ей такую огромную форму, но, приглядевшись, поняла: это была она сама. Я отвела от нее взгляд и увидела еще два «тролляка». На каждом покоилась такая же громадная фигура.

Я стала пристальнее вглядываться в ту, что была ближе всех ко мне, и, к своему удивлению, обнаружила, что она выглядела очень молодой: двадцать два, ну от силы двадцать три, не больше. Она была довольно симпатичная — свежий румянец, коротко остриженные золотистые кудряшки, ее можно было бы назвать красивенькой, если бы...

Прошло минут десять, и возле меня послышался звук быстрых деловитых шагов.

— Как вы себя чувствуете? — раздался чей-то голос.

Я повернула голову, и на какой-то момент мне показалось, что передо мной ребенок. Вглядевшись в черты лица под белой шапочкой, я поняла, что это лицо женщины, никак не моложе тридцати лет. Не дожидаясь ответа, она протянула руку к кровати и нащупала мой пульс. По-видимому, он был в норме, она удовлетворенно кивнула и сказала:

— Теперь все будет в порядке, Мама.

Я тупо смотрела на нее и не знала, как реагировать. — Машина уже ждет вас, — самым естественным тоном добавила она, — как, по-вашему, вы сумеете дойти?

— Какая машина? Зачем? — машинально выговорила я.

— Чтобы отвезти вас домой, — ответила она с заученной профессиональной кротостью. — Ну, давайте потихоньку подниматься. — И с этими словами откинула одеяло.

Я машинально взглянула на свое тело, и у меня пресеклось дыхание... Я подняла руку... огромный, толстенный валик белой плоти, в ужасе уставилась на нее, открыла рот и, уже теряя сознание, услышала свой режущий, пронзительный крик...

Открыв глаза, я увидела рядом с собой женщину (обыкновенных, нормальных размеров) в белом халате. На шее у нее висел стетоскоп. Она смотрела на меня с недоумением и растерянностью. Маленькая женщина в белой шапочке стояла рядом с ней и торопливо говорила: «Доктор, она вдруг закричала... так неожиданно... и потеряла сознание».

— Что это? Что со мной? Я не знаю, я совсем не такая... Не могу быть такой... Не могу, не могу, не могу... Я говорила и не могла остановиться, хотя слышала свои тоскливые завывания как будто со сторон.

Та, которую называли доктором, по-прежнему выглядела недоуменно-растерянной.

— Что все это значит? — спросила она, видимо, не в первый раз.

— Понятия не имею, доктор, — опять быстро проговорила маленькая. — Это было так неожиданно, как будто ей вдруг стало больно... Но я не знаю, почему...

— М-да... С ней все в порядке, она уже выписана и не может оставаться здесь — нам сейчас понадобится ее место, — сказала доктор. — Я, пожалуй, дам ей успокаивающего.

— Но что случилось?! Кто я?.. Это какой-то кошмар!.. Я знаю, что я не такая!.. П-пожалуйста, р-ради б-бога, скажите мне!.. — заикаясь и всхлипывая, умоляла я ее.

— Все в порядке, Мама! — Докторша участливо склонилась надо мной и тихонько дотронулась рукой до плеча. — Вам не о чем беспокоиться. Постарайтесь не волноваться. Скоро вы будете дома.

К постели торопливо подошла еще одна ассистентка в белой шапочке, ростом не выше первой, и протянула докторше шприц.

— Нет! — вырвалось у меня. — Я хочу знать, где я! Кто я?! Кто вы? Что со мной случилось?! — Я попыталась выбить шприц у нее из рук, но обе маленькие

ассистентки навалились на мою руку и держали ее, пока докторша не нашла иголку вену.

Это действительно было успокоительное, и очень сильное — я не лишилась сознания, не **выключилась**, а как-то **отстранилась**... Забавное ощущение: как будто я была рядом и спокойно наблюдала за собой со стороны, не утратив при этом способности здраво рассуждать...

Совершенно очевидно, что у меня потеря памяти — амнезия. Вероятно, я потеряла память после какого-то шока — так бывает. Очевидно также, что я утратила лишь часть памяти — часть, касающуюся лично меня: кто я, кем работаю, где живу, словом, все, что касается меня самой. В остальном же... Я не забыла... Не разучилась говорить, не разучилась думать, и, кажется, сам механизм мышления не нарушен. Это с одной стороны. С другой... я была совершенно уверена, что со мной происходит что-то не то. Я знала, что никогда раньше не видела того места, где сейчас находилась. Я знала, что было нечто **неправильное**... что-то страшное в присутствии двух **маленьких** ассистенток. И совершенно точно **знала**, что громадное тело, лежащее здесь, было **не мое**. Я не могла вспомнить, какое лицо я должна увидеть в зеркале, не помнила, была я молодой или старой, блондинкой или брюнеткой, но у меня не было и тени сомнения в том, что я не могла быть такой **громадной**... Да, но ведь тут лежало еще несколько таких же громадных женщин, стало быть, это не болезнь — иначе меня не отсылали бы «домой»...

Я все еще продолжала обдумывать сложившуюся ситуацию, как вдруг двери помещения распахнулись, и меня осторожно покатали по пологой лестнице. Внизу нас ожидала машина наподобие кареты «Скорой помощи» с распахнутыми дверцами, за которыми виднелась выкрашенная в кремово-розовый цвет койка. Я механически отметила, что все происходящее напоминает самую обычную в данных условиях процедуру. Восемь миниатюрных ассистенток перетащили меня с «тролика» на койку в «Скорой». Две из них задержались — поправили на мне одеяло и положили еще одну подушку под голову. Когда двери за ними захлопнулись, машина тронулась с места.

С этого момента во мне стало расти и крепнуть чувство определенной уверенности и способности контролировать ситуацию. По всей вероятности, думала я, со мной все же произошел несчастный случай, и на самом деле я еще не пришла в себя. Наверное, через какое-то время после... после какой-то катастрофы я... мне лишь начало казаться, что я пришла в сознание, но реально я была лишь в состоянии, близком к сознанию, своего рода сне, галлюцинации, и рано или поздно обязательно проснусь в каких-то нормальных условиях, может быть, и незнакомых, непривычных для меня, но укладывающихся в нормальные человеческие представления.

Я удивилась, как такая простая и разумная мысль не пришла мне в голову раньше, и в конце концов решила, что в панический ужас меня вергла отчетливая реалистичность каждой детали в окружающей меня фантазмагии. Как это было глупо с моей стороны (несмотря на всю детальную реалистичность происходящего) и вправду поверить, что я стала каким-то каким-то Гулливером среди лилипутов! Когда я проснусь, над этим будет интересно поразмыслить.

Правда, меня не переставала поражать **детальная** реалистичность, полное отсутствие зыбкости, туманности в восприятии, которая обычно бывает во сне. Все вокруг было... очень ясным, отчетливым, **реальным**. Мои собственные ощущения тоже были очень реальны... например, недавний укол... Все было очень достоверно, и эта достоверность заставляла меня внимательно присматриваться ко всему, фиксировать каждую мелочь.

Внутри «Скорая» была выкрашена в такой же розовый цвет, как и снаружи, только потолок отливала голубизной, и по нему там и сям были разбросаны серебряные звездочки. На передней стенке было несколько шкафчиков с одинаковыми ручками. Моя койка помещалась слева, с другой стороны были два миниатюрных креслица из какого-то полупрозрачного, розоватого материала. Обе стенки представляли собой длинные, широкие окошки с розовыми сетчатыми занавесками. Из обоих окон была хорошо видна местность, по которой мы ехали.

По обеим сторонам дороги, в некотором отдалении от нее, рядами высились одинаковые строения — блоки. Каждый блок был яров пятидесяти длиной, высотой в три этажа и заканчивался низкотавой черепичной крышей. Блоки были абсолютно одинаковые по конструкции, но разные по цвету. Местность вокруг была почти безлюдна, лишь изредка мелькал женский силуэт — фигура в рабочем комбинезоне, косящая траву по бокам дороги или склонившаяся над цветочной клумбой.

Ярдах в двухстах от дороги стояли более высокие большие блоки, над некоторыми из них высились... что-то вроде заводских труб. Может, это и впрямь были заводы или фабрики, а может, мне только так показалось.

Дорога, по которой мы ехали, все время петляла, встречного транспорта почти не было, лишь изредка

проезжали грузовики, большей частью довольно тяжелые. Все они были выкрашены в один цвет и отличались друг от друга лишь разными пятнадцатичными комбинациями из цифр и букв. По виду вполне обычные грузовики, какие можно увидеть где угодно.

Так, петляя, мы ехали минут двадцать, пока на одном из поворотов не наткнулись на ремонт дороги. Машина притормозила, и рабочие сошли на обочину, давая нам возможность проехать. Это были женщины или девушки, одетые в рабочие штаны, фуфайки без рукавов и грубые башмаки. Волосы у всех были коротко острижены, некоторые были в кепках. Все, как на подбор, были высокие, с загорелыми, пышущими здоровьем лицами, с широкими плечами и мужскими мускулистыми руками. Поначалу они смотрели лишь на машину, осторожно ползущую по ухабам и рытвинам, но когда мы поравнялись с ними, они стали заглядывать в окна. При виде меня все широко заулыбались и, как по команде, подняли правые руки в каком-то ритуальном салюте. Их лица были так откровенно приветливы и доброжелательны, что я невольно улыбнулась в ответ. Они шли по ходу машины, соблюдая определенную дистанцию, и продолжали смотреть на меня как-то выжидающе: улыбки на их лицах стали сменяться удивлением. Они переговаривались между собой, но слов я, конечно, не слышала: некоторые опять вскинули руки в ритуальном жесте. По их разочарованным лицам я поняла, что от меня ожидали чего-то большего, чем просто ответная улыбка. Мне пришло в голову вскинуть руку в точно таком же «салюте» — это сразу подействовало, лица прояснились, но удивление на некоторых осталось. Наконец, машина выехала на ровную дорогу, набрала скорость, и удивленные, чем-то озабоченные лица рабочих скрылись из виду. Что-то они должны были символизировать в моем сне, с чем-то ассоциироваться... Но символы эти казались мне странными, необычными, не укладывающимися в... Хотела бы я знать, что именно в моем подсознании вызвало это видение — команда дружелюбно настроенных амазонок, встречающих меня каким-то... военно-морским салютом вместо обычных кивков и приветствий? Пока я раздумывала над этим, мы миновали последнюю вереницу блочных строений и выехали на открытую местность.

Передо мной простирались зеленые пастбища, аккуратные, местами зеленеющие, пашни, живые изгороди, над которыми вился какой-то зеленоватый туман, деревья и кустарники с молодыми побегами. Яркое весеннее солнце освещало эту местность, возделанную и распланированную с такой аккуратностью, какая могла быть, как мне казалось, лишь на картинке, только изредка мелькавшие среди полей силуэты коров нарушали строгий геометрический узор. Небольшие домики точно вписывались в «узор»: одинаковые по внешнему виду, на одинаковом расстоянии друг от друга, с одинаковыми огородами по одну сторону и садиками — по другую. Что-то кукольное было во всем этом — кукольное и излишне **упорядоченное**. Дома с аккуратными изгородями, цветы на клумбах, деревца, кустарники — все было одинаковым... Интересно, что может означать такое очевидное подсознательное стремление к аккуратности и **порядку**?

Из окна я увидела, как открытый грузовик, следовавший впереди нас, круто свернул на узкую дорогу с красивыми живыми изгородями по обеим сторонам, ведущую к аккуратной ферме. Возле фермы толпилось с полдюжины молодых женщин с какими-то инструментами в руках. Одна из них обернулась, что-то сказала своим подругам, и все усталились на нас, подняв руки в том же «салюте», как и те, на дороге. «Нелогично...» мелькнула у меня мысль, — амазонки, как символ превосходства... власти, и весь этот ландшафт, олицетворяющий пассивную, аккуратную упорядоченность, подчиненность... Не вяжется друг с другом...

Мы миновали ферму и поехали дальше. Так прошло примерно три четверти часа, а пейзаж за окном оставался неизменным и, казалось, простирался вплоть до самого горизонта, где виднелись очертания низких гор, подернутых голубоватой дымкой. С периодической аккуратностью возникали в окне небольшие домики — фермы, иногда мелькали группы людей, работающих в поле, реже встречались одинокие фигуры, снующие вокруг домиков, возящиеся с тракторами, но и те, и другие были слишком далеко, чтобы разглядеть их как следует.

Слева от дороги начался длинный ряд деревьев — сначала я подумала, что это обыкновенный лес, но потом заметила, что деревья посажены стеной, верхушки у всех одинаково подрезаны — так что этот ряд походил больше на искусственный забор, конец которого (или начало) начинался метрах в десяти от дороги. Мы свернули налево и остановились перед высокими воротами, выкрашенными розовой краской.

Откуда и почему взялось это обилие розового, я не могла понять. Розовый цвет всегда казался мне пошловатым. Цвет плоти? Символ пылкой страсти? Вряд ли, тогда был бы ярко-красный... Я не представляла себе **розовую** страсть...

Мы медленно ехали вперед, и нас окружало нечто среднее между городским садом и макетом муниципального жилищного строительства. По обеим сторо-

нам дороги простирались широкие зеленые газоны с цветочными клумбами. Среди газонов произвольно, без всякого плана стояли трехэтажные блоки. Несколько амазонок в темно-красных фуфайках и штанах возились с клумбой прямо у дороги, и нам пришлось переждать, пока они не оттащат свою тележку с тюльпанами и не дадут проехать. Они отсалютовали мне знакомым жестом и проводили улыбками. Я отвела от них глаза, и... на секунду мне показалось, будто со зрением у меня что-то случилось: мы миновали один блок, другой, а третий... Он был белый в отличие от всех остальных (розовых), но дело не в этом — он был раза в три **меньше**...

Я растерянно поморгала ресницами, но блок оставался по-прежнему маленьким. Чуть поодаль, с трудом переставляя ноги, шла по газону громадных размеров женщина в розовой хламиде. Вокруг нее вертелись три маленькие женщины в белых комбинезонах, казавшиеся рядом с ней детьми... нет, даже не детьми, а крохотными куколками. Глядя на эту картину, я растерялась: расшифровать **такую** комбинацию «символов» мне было просто не под силу.

Машина резко свернула вправо, и мы остановились перед крыльцом одного из розовых блоков, разделенным вдоль перилами: справа шли обычные ступеньки, а слева — раза в три меньше и чаще.

Три автомобильных гудка возвестили о нашем приезде. Секунд через десять полдюжины маленьких женщин сбежали с крыльца, и я услышала чей-то голос:

— С приездом, Мама Орчиз! Вот вы и дома!

Моя койка плавно соскользнула вниз, и они осторожно поставили ее на землю. Молодая женщина, на комбинезоне которой был нарисован розовый крест, заботливо склонилась надо мной.

— Как вы думаете, Мама, сумеете сами дойти?

— Дойти? — машинально переспросила я. — Конечно, могу. — И с этими словами я села на койке, поддерживаемая как минимум четырьмя парами рук.

Мое уверенное «конечно», кажется, не оправдало себя — я поняла это, когда меня с трудом поставили на ноги. Даже с помощью всех карлиц это было, мягко говоря, не просто — я едва отдышалась и окинула взглядом свою громадную массу, прикрытую розовой хламидой. У меня мелькнула мысль о том, что позже, когда я проснусь и буду анализировать свои впечатления, мне придется смириться с дикой **безвкусицей** всех этих символов, что бы они там ни означали. Я попробовала осторожно шагнуть вперед, со стороны это выглядело, наверное, не очень-то эстетично. Маленькие женщины суежились и хлопотали вокруг меня, как взбурдаженные несущие — ни одна не доставала мне даже до локтя. Впрочем, самым трудным был первый шаг, дальше дело пошло лучше, и я под облегченные и радостные возгласы моей «команды» с трудом одолела ступеньки крыльца. Наверху мне дали немного отдышаться, а потом мы вошли в прямой как стрела коридор, свернули налево, и там впервые за все это время я столкнулась с зеркалом.

Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы остаться спокойной хотя бы внешне. Увидев свое отражение, я в течение нескольких секунд боролась с подступающей к горлу истерикой, это была жуткая **пародия** на женщину: слоновидные женские формы, выглядящие еще более громадными из-за свободной, хламидообразного розового одеяния, прикрывающего... К счастью, хламида прикрывала все, кроме головы и рук. Но и этих частей тела было вполне достаточно, чтобы вызвать ужас: руки, голова и, наконец, лицо были чистенькими, ухоженными, даже милыми, но принадлежали явно **девочке**. Эта «девочка» выглядела вполне симпатичной, но ей никак нельзя было дать больше двадцати. Мягкие, выщипанные волосы, аккуратно уложенные в короткую прическу, розовый цвет лица, красные, но без намека на помаду, изысканные губы. Голубовато-зелеными глазами из-под слегка изогнутых бровей она внимательно смотрела на меня, на суежущихся рядом карлиц и...

Я пошевелила губами — и она сделала то же самое, я приподняла руку — она повторила мой жест... Мой панический ужас сменился жалостью и чувством сострадания к бедняжке: мне было жалко ее до слез, потекших по моим щекам. У нее тоже по лицу текли слезы.

Одна из маленьких женщин схватила меня за руку. — Мама Орчиз! — тревожно воскликнула она. — Что с вами, родная?

Я не могла выговорить ни слова, да и что я могла ей сказать? Я ощутила на своем теле прикосновение маленьких ладоней — ласковые, успокоительные похлопывания, медленно тронулась с места и двинулась к распахнутой двери, сопровождаемая тревожно-ласковыми причитаниями карлиц.

Мы вошли в помещение, показавшееся мне одновременно и будuarом, и больничной палатой. Будuarом — из-за того, что все вокруг — ковер на полу, кресла, подушки, абажур, занавески на окнах — было розовым. Больничной палатой — из-за шести стоящих двумя рядами коек, одна из которых пустовала.

Комната была очень просторной: возле каждой койки стояли стул и столик, а в середине был большой стол, украшенный вазочками с цветами, и несколько

низких удобных кресел. Откуда-то слышалась легкая сентиментальная музыка. На пяти койках лежали такие же **громадины**, как я; две карлицы поспешили откинуть розовое покрывало с шестой — незанятой.

Обитательницы пяти коек повернули лица в мою сторону.

— Привет, Орчиз! — дружелюбно поздоровалась одна и нахмурилась, заметив следы слез на моем лице. — Что случилось? Тебе было плохо?

Я взглянула на ее милостивое личико, темно-каштановые волосы, разметавшиеся по подушке. На вид ей было не больше двадцати трех. Все... все остальное скрывал розовый сатин покрывала. Я не могла сейчас выговорить ни слова — лишь изо всех сил постаралась улыбнуться ей в ответ.

Мы приблизились к незанятой койке, и после множества приготовлений я была водружена на нее. «Путешествие» от машины к постели здорово вымотало меня — я была почти без сил. Две карлицы расправили на мне покрывало, а третья достала носовой платок и осторожно вытерла слезы на моем лице.

— Все хорошо, дорогая. — тихонько и ласково проговорила она, — все хорошо, вы дома. Когда чуть-чуть отдохнете, все пройдет. Попробуйте сейчас немного поспать.

— А что это с ней? — послышался чей-то резковатый голос с одной из коек. — Чего она так разнюнилась?

Маленькая женщина с носовым платком быстро обернулась на голос.

— Ни к чему этот тон, Мама Хэйзел! — быстро сказала она. — Все в порядке, у Мама Орчиз четверо прелестных малюток! Ведь правда, дорогая? — обратилась она ко мне. — Просто сейчас она немного устала с дороги. Только и всего.

Вокруг меня по-прежнему суетились карлицы. Одна из них подала мне стакан с какой-то жидкостью — по виду обыкновенная вода, и я машинально выпила. Во рту остался едкий странноватый привкус, но он быстро прошел. Еще немного суеты, и моя «команда» оставила меня наедине с пятью обитательницами палаты.

Затянувшаяся неловкая пауза была прервана девушкой, которая первая со мной поздоровалась.

— Куда посылали тебя на отдых, Орчиз? — спросила она.

— Отдых? — машинально повторила я за ней. Все, включая спрашивавшую, уставились на меня с изумлением.

— Я не понимаю, о чем вы... — сказала я. Они продолжали глазеть на меня с вялым удивлением.

— Вряд ли ей дали как следует отдохнуть, — заметила одна. — Я никак не могу забыть свой последний отпуск. Меня отправили к морю и даже выдали небольшой автомобиль, так что я вдоволь покатаюсь по побережью. Нас было всего шесть Мам, включая и меня, и все к нам чудесно относились. А ты? Ты ездила на море или в горы?

Я понимала, что за этими вопросами последуют другие, и постаралась собраться с мыслями. Наконец, я нашла, как мне показалось, самый простой выход из своего дурацкого положения.

— Я не помню, — сказала я, — я... ничегошеньки не помню и... Кажется, я вообще потеряла память...

Мое заявление было встречено не очень доброжелательно.

— Ах, вот как? — довольно едко отреагировала та, которую карлица с крестом на груди называла Хэйзел. — Я сразу подумала, что тут что-то неладно. И ты, конечно, не можешь вспомнить, Первого ли класса были у тебя младенцы в этот раз?

— Не будь дурочкой, Хэйзел, — тут же вмешалась другая. — Конечно же, Первого, иначе Орчиз не была бы здесь — ее перевели бы к Матерям Второго разряда и отправили в Уайтаич... Когда это с тобой случилось, Орчиз? — участливо обратилась она ко мне.

— Я... Я не знаю, — пробормотала я, — я... ничего не помню, что было раньше... до сегодняшнего утра в больнице. Все... все куда-то ушло...

— В больнице? — насмешливо переспросила Хэйзел.

— Она, наверное, имеет в виду Центр, — сказала другая. — Но, Орчиз!.. Ты хочешь сказать, что... не помнишь даже нас?

— Не помню, — подтвердила я. — Мне очень жаль, но... я действительно ничего не помню до сегодняшнего утра в боль... в Центре.

— Это странно, — с недоброй усмешкой высказалась Хэйзел. — А они знают об этом?

— Наверняка знают, — ответила ей другая. — Я думаю, они не считают, что память может иметь какое-то отношение к классу детей. Да и почему она должна иметь к этому отношение? Послушай, Орчиз...

— Дайте ей отдохнуть! — вмешалась третья. — Мне кажется, она неважно себя чувствует после Центра, да еще эта дорога. Не обращай на них внимания, Орчиз, родная. Постарайся заснуть, а когда проснешься, я уверена, все будет в порядке.

Я с благодарностью последовала ее совету. В сложившейся ситуации я все равно ничего не могла придум-

ать, так как здорово устала. Я пробормотала «спасибо» и откинулась на подушки, демонстративно закрыв глаза. К моему удивлению, — никогда не слышала, что во время галлюцинации можно уснуть, — я заснула...

В момент пробуждения я было надеялась, что мой странный кошмар кончился. К сожалению, ничего не изменилось: кто-то легонько тряс меня за плечо, и первое, что я увидела, — это лицо главной карлицы, вровень с моим.

— Ну, как дела? — обычным бодрым голосом медсестры спросила она. — Мы послали, Мама Орчиз, и нам, конечно же, стало лучше?

За ее спиной показались еще две маленькие женщины, подкатившие небольшой закуской столик к моей постели. Они поставили его так, чтобы мне было удобно дотянуться до него... В жизни я не видела такого количества еды для одного человека. Я хотела запретов, но сразу сообразила, что в этом есть определенная логика — количество еды было вполне пропорционально обилию моей плоти, представляющейся сейчас вроде здорового облизающего рта. Сознание мое как бы раздвоилось, какая-то часть его «отстранилась», а все остальное торопливо проглотило две или три рыбины, большого цыпленка, несколько кусков мяса, груды овощей, блюдо фруктов, залитых кремом, и литра два с половиной молока — и все это без малейших усилий. Изредка поглядывая по сторонам во время еды, я видела, что остальные Мама точно так же обходились с содержимым своих столиков. Я ловила на себе их любопытные взгляды, но сейчас они были слишком заняты поглощением пищи, чтобы продолжать расспросы. Я стала думать, как бы избавиться от их вопросов; если бы здесь была какая-нибудь книга или журнал, я могла бы сделать вид, что поглощена чтением. Это, правда, не очень вежливо по отношению к ним, но... Когда маленькие ассистентки вернулись, я попросила одну из них принести мне что-нибудь почитать. Эта простая в общем-то просьба произвела крайне неожиданный эффект: две ассистентки, катящие столик, уронили его на пол; та, что была ближе ко мне, на секунду застыла, как в столбняке, с изумленным лицом, потом взгляд ее стал подозрительным и, наконец, жалостливо-участливым.

— Не совсем еще пришли в себя, дорогая? — спросила она.

— Да нет, — пробормотала я, — я... я пришла в себя.

— Может, вам лучше попробовать опять заснуть?

— Не хочу больше спать, — возразила я, — а хочу что-нибудь почитать.

— Боюсь, вы сильно утомились, Мама. — Она неуверенно дотронулась рукой до моего плеча. — Ну ничего... Я думаю, это скоро пройдет.

— Не понимаю, — с возрастающим раздражением начала я. — Если мне захотелось немного почитать...

— Ну-ну, дорогая, — она выдавила из себя заученную профессиональную улыбку, — не стоит нервничать. Вам нужно немного отдохнуть. Вы просто устали, иначе... Где, скажите на милость, вы слышали о читающей маме?

Поправив на мне покрывало, она вышла из палаты и оставила меня наедине с пятью ее обитательницами, уставившимися на меня в немом изумлении. С койки Хэйзел послышалось насмешливое хихиканье, а потом несколько минут в палате стояла полная тишина...

Затянувшуюся паузу прервала Хэйзел.

— Почитай! — насмешливо фыркнула она. — А написать что-нибудь ты не хочешь?

— Почему бы и нет? — сорвалось у меня с языка.

Вновь наступило молчание. Они с улыбкой переглянулись.

— Да что в самом деле тут странного? — раздраженно обратилась я ко всем сразу. — Я обязательно должна была разучиться читать? Или писать?..

— Орчиз, дорогая... неуверенно и мягко начала одна из них, — тебе не кажется, что надо бы... посоветоваться с врачом, а? Просто посоветоваться?..

— Не кажется, — ответила я довольно резко. — Со мной все в порядке. Я просто хочу почитать... Я ведь не сказала ничего особенного, просто попросила принести какую-нибудь книгу... А вы все смотрите на меня так, словно я сошла с ума. Но почему?

После неловкой паузы та, что была настроена ко мне дружелюбнее остальных, почти в точности повторила слова маленькой ассистентки:

— Орчиз, дорогая, постарайся взять себя в руки: зачем маме — читать? Или писать? Разве от этого она станет рожать лучших детей?

— Но ведь, кроме детей, есть и другие вещи в жизни, — ответила я.

Молния, внезапно разорвавшаяся в комнате, не произвела бы большего эффекта. Никто из них не мог произнести ни слова, даже Хэйзел онемела от изумления.

— Да что же это, господи! — не выдержала я. — Что это за бред!.. Орчиз... Мама Орчиз... Что за галиматья!.. Где я?! В сумасшедшем доме?..

Я дала волю своей злости, дважды повторила, что никакая я не Мама, а потом, к своему стыду, разревелась.

Они смотрели на меня с жалостью и участием. Лишь

Хэйзел, победно оглядев всех, сказала:

— Говорила я, что с ней что-то неладно? Она просто рехнулась, вот и все!

Та, которая с самого начала вела себя дружелюбно, мягко обратилась ко мне:

— Послушай, Орчиз, подумай сама, кем еще ты можешь быть, если не Мамой? Ты самая настоящая Мама, Первого класса Мама, уже трижды рожавшая. У тебя двенадцать зарегистрированных малюток Первого разряда. Уж, во всяком случае, этого ты не могла забыть!

Странно, но ее слова опять вызвали у меня слезы — я почувствовала, как что-то пытается проявиться в зияющей пустоте моего сознания. Я не понимала, что это, но оно явно заставляло меня сейчас страдать.

— Господи!.. — простонала я. — Это же жестоко!.. Почему это не прекращается? Почему оно не уйдет и не оставит меня в покое?.. Тут какое-то... какое-то издевательство, какая-то страшная насмешка... Только я не понимаю, что со мной случилось? Я же не сумасшедшая... Нет... Ну, помогите же мне кто-нибудь!..

Я изо всех сил зажмурилась, страстно желая, чтобы вся эта кошмарная галлюцинация кончилась. Но ничего не изменилось. Когда я резко распахнула глаза, все они по-прежнему глазели на меня в тупом изумлении на своих молоденьких мордашках, торчащих из розового сатина.

— Что бы там ни было, я отсюда выберусь! — произнесла я вслух и напряглась.

Мне потребовались все мои силы, чтобы просто сесть на постели. Не обращая внимания на глазающих Мам, я попыталась спустить ноги с кровати. Господи, какое кошмарное видение... сон... Я услышала свой собственный голос: «Помоги же мне, родной... Дональд, милый, пожалуйста, помоги мне!» И неожиданно с произнесенным вслух словом «Дональд» в голове у меня произошел «щелчок», и мозг как бы осел внутри. Неожиданно я поняла, в чем именно заключалась жестокость этого кошмара. Я поглядела на своих соседок по палате — они по-прежнему глазели на меня в немом изумлении, близком к ужасу. Я оставила ничемные попытки подняться и, откинувшись на подушки, сказала:

— Больше вы не сможете дурачить меня. Теперь я хотя бы знаю, кто я.

— Но, Мама Орчиз... — начала одна.

— Хватит! — резко прервала я ее. Острая жалость к себе сменялась горечью и обидой. — Никакая я не мать. Мне просто не повезло! У меня... был муж... очень недолго, и я... я хотела, чтобы у меня были дети от него — хотела, и только!..

Последовала пауза, довольно странная пауза. Я ждала каких-то перешептываний, реплик, но, казалось, меня просто не услышали или... не поняли. Наконец та, что лежала на соседней койке, решилась:

— Что такое муж? — спросила она мягко, с легким недоумением.

Я пристально вгляделась в лицо каждой: ни на одном не было намека на насмешку, не было ничего, кроме удивленного, детского недоумения. Я была на грани истерики, но каким-то образом мне удалось взять себя в руки. «Раз эта чертова галлюцинация не уходит, — подумала я, — что ж, будем играть в эту игру дальше и посмотрим, чем она кончится». С самым серьезным видом я принялась объяснять им, подбирая простые слова и понятия:

— Муж — это тот мужчина, которого женщина выбирает себе...

Судя по их лицам, они ничего не поняли, но не прерывали меня, пока я сама не остановилась. Моя соседка по койке спросила крайне озадаченным, но по-прежнему мягким и участливым тоном:

— Что такое «мужчина»?

После окончания моей «речи» воцарилось гробовое молчание. Но меня сейчас занимало другое...

Теперь я знала, что меня зовут Джейн. Еще раньше меня звали Джейн Саммерс, потом, выйдя замуж за Дональда, я стала Джейн Уотерлей. Мне было... мне было двадцать четыре, когда мы поженились, и... двадцать пять, когда Дональд погиб, через шесть месяцев после нашей свадьбы. Все. На этом все кончалось. Мне казалось, это было вчера, но ничего больше я не помнила...

До этого момента память вернулась ко мне полностью: родители, друзья, дом, школа, практика, работа в Рэйчестерской больнице... Я вспомнила, как впервые увидела Дональда, когда его привезли к нам со сломанной ногой, и все, что у нас было дальше...

Я вспомнила, какое лицо должна была увидеть, глядя на себя в зеркало. — более удлиненное, покрытое легким загаром, рот — меньше, волосы — слегка выщипаны, глаза — карие, широко посаженные, взгляд — тоскливый... Теперь я знала, как должна была выглядеть вся — чуть вытянутая, длинноногая, с маленькой грудью... Хорошее, нормальное тело, просто нормальное, обычное, которое я принимала, как должное, пока Дональд своей любовью не заставил гордиться им...

Я взглянула на кольхающую массу, закрытую розовым сатином, и меня захлестнула волна жуткого отчаяния: если б только сейчас со мной оказался

Дональд, он любил бы меня, ласкал, утешал и, главное, сказал бы, что я не такая, что все это только кошмарный сон... И в то же время одна мысль о том, что Дональд может увидеть меня такую, привела в ужас. Потом я вспомнила, что Дональд уже никогда не увидит меня никакой, и слезы вновь потекли из глаз.

Пятеро соседок продолжали молча лежать и смотреть на меня широко раскрытыми глазами. Так прошло примерно полчаса, а потом дверь отворилась, и в палате появилась целая команда маленьких женщин в белом. Я заметила, что Хэйзел сначала хотела что-то сказать «командирше», но потом, видимо, передумала. К каждой койке подошли по две карлицы, синхронно откинули покрывала, засучили рукава своих комбинезонов и принялись за массаж.

Поначалу это было даже приятно: действовало успокаивающе и расслабляло. Но чем дальше, тем меньше мне это нравилось, пока наконец не стало просто больно.

— Хватит! — резко сказала я.

Карлица остановилась, как-то безлико улыбнулась и продолжила.

— Я сказала, хватит! — повторила я громче и оттолкнула ее.

Мы встретились взглядами: в ее глазах были обида и укор, хотя на губах по-прежнему профессиональная улыбка. Она застыла в нерешительности и глянула на свою напарницу.

— И вы тоже! — добавила я. — Достаточно.

Вторая карлица даже не повернула головы, продолжая работать руками. Первая, поколебавшись секунду, подошла ко мне и... вновь принялась за дело. Я приподнялась и толкнула ее сильнее. Наверное, в этой руке, похожей на окорок, было гораздо больше силы, чем я думала: от моего толчка она отлетела на середину комнаты и упала.

Все в палате на мгновение застыли, но пауза была короткой: карлицы вновь принялись за работу. Я оттолкнула и вторую массажистку, проведя сквозь зубы:

— Держись от меня подальше!

Они остановились, глядя друг на друга непонимающими, тоскливыми и испуганными глазами. К нам приблизилась «командирша» — с розовым крестом на груди.

— Что случилось, Мама Орчиз? — спросила она.

Я сказала, что мне больно. Лицо ее выражало удивление.

— Все верно. Так и должно быть. Это нужно.

— Может, и так, но мне это не нужно, — твердо ответила я, — и больше они со мной этого делать не будут.

— Орчиз свихнулась! — раздался голос Хэйзел. — Она тут рассказывала нам отвратительные гадости!.. Она явно помешанная!

Маленькая женщина посмотрела на нее, а потом на всех остальных: кто-то утвердительно кивнул, другие отводили глаза, но на всех лицах было какое-то отвращение. Тогда она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.

— Вы, двое, ступайте с докладом, — обратилась она к маленьким массажисткам, и, когда те, плача, вышли из комнаты, вновь окинула меня долгим и внимательным взглядом.

Через несколько минут все остальные массажистки закончили работу и ушли, нас опять было шестеро. Молчание прервала Хэйзел.

— Поганая выходка, — бросила она. — Мальки делают то, что им положено, и только.

— Может, им это и положено, но мне это не нравится, — сказала я.

— И поэтому бедняжек теперь должны избить. Но я думаю, тут опять сработает «потеря памяти» — ты ведь просто забыла, что Обслугу, если она расстроит чем-то Маму, бьют? — с едкой иронией осведомилась Хэйзел.

— Бьют?... — с трудом выговорила я.

— Бьют! — передразнивая мой сдавленный голос, ответила она. — Но ведь тебе-то все равно, что с ними делают. Уж не знаю, что с тобой случилось, но как бы там ни было... Я тебя всегда недолюбливала, Орчиз, хотя остальные считали, что я не права. Ну, уж теперь-то мы все убедились!..

Никто не возразил, и я поняла, что все в душе согласны с ней. Это было тяжелое чувство, но, к счастью, меня отвлекли от него распахнувшиеся двери.

В палату вошла старшая ассистентка с шестью карлицами, но на этот раз с ними была властная красивая женщина лет тридцати, при виде которой я испытала невольное облегчение: она не была ни амазонкой, ни карлицей, ни громадиной — на фоне остальных, правда, она выглядела чересчур высокой, но на самом деле — нормальная молодая женщина с приятными чертами лица, коротко остриженными каштановыми волосами, в черной юбке, видневшейся из-под белого халата. Старшей ассистентке приходилось почти бежать, чтобы поспевать за женщиной, — она забавно семенила рядом, бормоча: «Только что из Центра, Доктор».

Женщина остановилась возле моей койки, карлицы сгрудились за ее спиной, неодобрительно поглядывая на меня. Она всунула мне в рот термометр и пощупала пульс. Потом деловито осведомилась:

— Головная боль? Боли? Если есть, где?

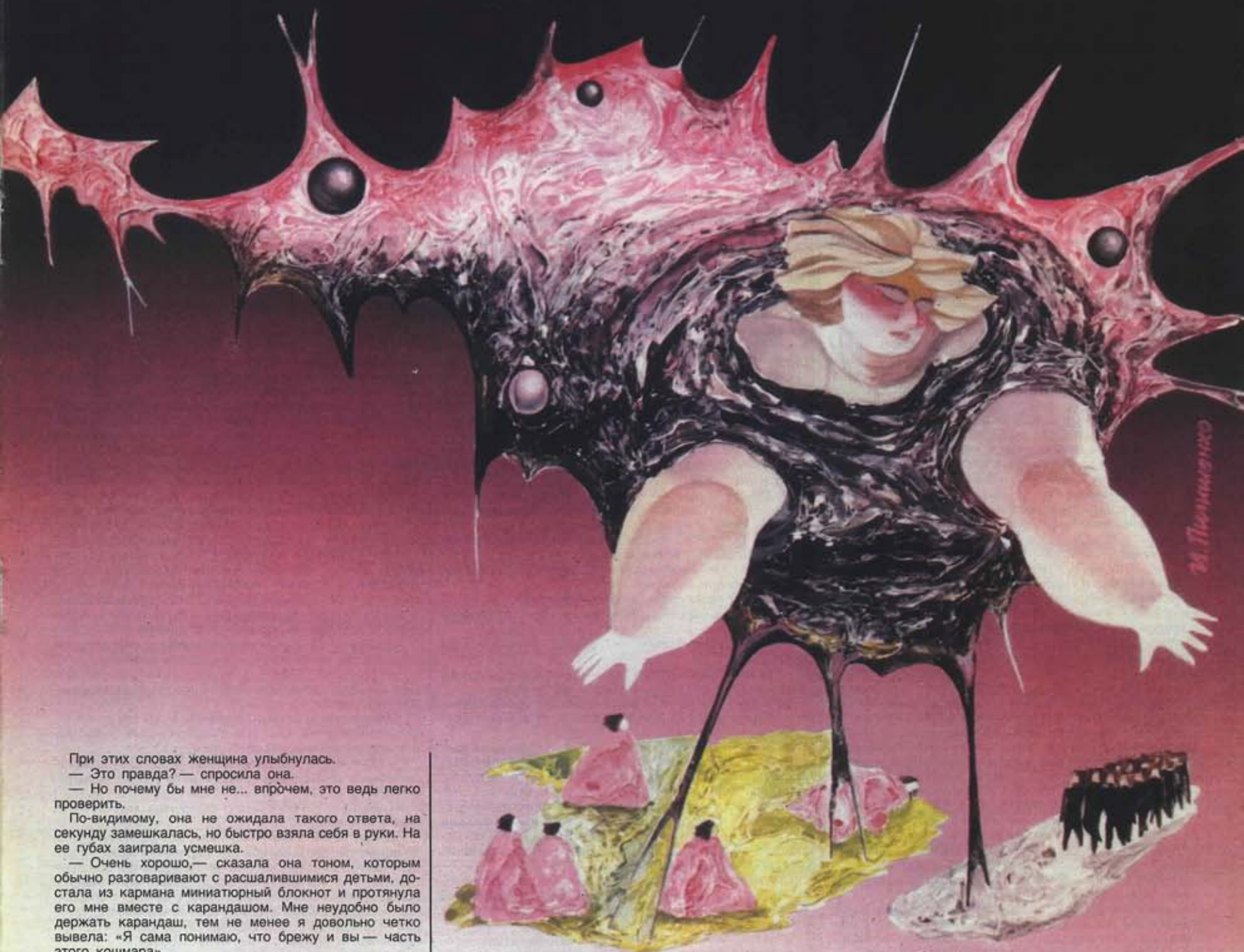
Она внимательно оглядела меня. Я тоже не сводила с нее глаз.

— Тогда почему... — начала было она.

— Она свихнулась! — раздался голос Хэйзел. — Она говорит, что потеряла память и не знает нас.

— Она говорила об ужасных, отвратительных вещах! — добавила ее соседка.

— У нее бред! — опять послышался голос Хэйзел. — Она думает, что умеет читать и писать.

Игорь Пилищенко

При этих словах женщина улыбнулась.
 — Это правда? — спросила она.
 — Но почему бы мне не... впрдчем, это ведь легко проверить.
 По-видимому, она не ожидала такого ответа, на секунду замешкалась, но быстро взяла себя в руки. На ее губах заиграла усмешка.
 — Очень хорошо, — сказала она тоном, которым обычно разговаривают с расшалившимися детьми, достала из кармана миниатюрный блокнот и протянула его мне вместе с карандашом. Мне неудобно было держать карандаш, тем не менее я довольно четко вывела: «Я сама понимаю, что брежу и вы — часть этого кошмара».
 Хэйзел хихикнула, когда я возвратила блокнот и карандаш женщине-врачу. Та взглянула мельком на него и...
 Челюсть у нее, конечно, не отвисла, но усмешка мгновенно сползла с губ. Она посмотрела на меня пристально, очень пристально, а все остальные, видя выражение ее лица, затихли, как будто я показала здесь какой-то сверхъестественный фокус. Врач повернулась к Хэйзел:
 — О чем она вам говорила? Какие «отвратительные» вещи?
 — Ужасные вещи! — не сразу ответила Хэйзел. — Она говорила о... людях, как о животных. Что они... Ну, что они двуполые. Это было отвратительно!..
 Врач секунду колебалась, потом повернулась к старшей ассистентке:
 — Отвезите ее в смотровую.
 Когда она вышла, «карлицы» засуетились вокруг меня, подкатили к постели низенький «троллик», помогли мне перевернуться на него и вывезли из палаты.
 Я оказалась в маленькой комнате с розовыми обоями. Напротив меня сидела врач с блокнотом и карандашом в руках. Выражение ее лица было мрачно-сосредоточенным.
 — Итак, — проговорила она, — кто рассказал вам всю эту чушь о двуполых людях? Мне нужно знать ее имя. Где вы проводили отпуск после Клиники?
 — Не знаю, — ответила я. — Эта галлюцинация, или

бред, или... словом, этот кошмар начался в том месте, которое вы называете Центром.
 Она покраснела от гнева, но сдержалась и спокойно произнесла:
 — Послушайте, Орчиз, вы были в полном порядке, когда вас шесть месяцев назад увозили отсюда в Клинику, где вы родили детей, как положено. Но... В этот период кто-то налил вам голову всей этой галиматией и... научил вас читать и писать. Теперь вы мне скажете, кто это сделал. Причем хочу предупредить, что со мной номера с «потерей памяти» не пройдут.
 — Ох, ради бога, пошевелите же своими мозгами! — устало выговорила я.
 — Я могу выяснить в Клинике, куда они вас посылали. И могу выяснить в Доме Отдыха, кто были ваши соседи, но я не хочу попусту терять время. Поэтому я прошу вас сказать мне это. Вы скажете это сами, Орчиз, мы не хотим прибегать к другим мерам, — веско закончила она.
 — Вы не там ищете. — Я покачала головой. — Галлюцинация началась в Центре. Как это произошло и что было с Орчиз до того, я не могу вам сказать просто потому, что не помню.
 Она была явно чем-то озадачена, поразмышляла секунду, потом нахмурилась.
 — Какая галлюцинация?
 — Как какая? Все это... и вы в том числе. — Я обве-

ла рукой все, что меня окружало, — это громадное тело, эти малютки... вообще все. Очевидно, все это спроецировало мое подсознание, и теперь меня это очень тревожит, потому что... потому что это никак не похоже на результат подавления желаний...
 Она смотрела на меня широко открытыми от изумления глазами.
 — Кто, черт возьми, говорил вам о подсознании, подавлении желаний и вообще?..
 — Не понимаю, почему в... пусть галлюцинации, но почему я обязательно должна быть невежественной тупицей? — возразила я.
 — Но Мама не может ничего знать о таких вещах! Ей это не нужно!
 — Послушайте! — Теперь мне пришлось набраться терпения. — Ведь я уже сказала вам и говорила тем несчастным в палате: никакая я не Мама. Я самая обыкновенная МБ, и мне просто не повезло, со мной что-то случилось... какой-то кошмарный сон...
 — Эм бэ? — недоуменно переспросила она.
 — Ну, да. Бакалавр медицинских наук. Я занимаюсь медициной, — пояснила я.
 Она не отрывала от меня своих изумленно вытаращенных глаз.
 — Вы утверждаете, что вы врач?
 — Ну... у меня нет своей практики, но... да, конечно, — ответила я.

Рисунки Игоря ПИЛИШЕНКО

От ее прежней уверенности почти не осталось следа.

— Но... это же абсурд, — в каком-то странном замешательстве пробормотала она, — вам с самого начала было предназначено стать Мамой! И вы можете быть только Мамой... Достаточно на вас посмотреть!..

— Да, — вздохнула я, — достаточно посмотреть... Так смотрите же!.. Посмотрите как следует!..

После этого возникла недолгая пауза.

— Знаете, — прервала я молчание, — мне кажется, вряд ли мы что-нибудь выясним, если будем говорить друг другу лишь «чушь» и «абсурд». Может, будет разумнее, если вы объясните мне, куда я попала и кто я, по-вашему. Это может как-то всколыхнуть мою память.

— Лучше будет, если сначала вы расскажете мне, что вы уже помните, и поподробнее, — парировала она после секундного колебания. — Это поможет мне понять, что вас удивляет и кажется кошмаром.

— Хорошо, — подумав, согласилась я и начала как можно подробнее, стараясь ничего не упустить, рассказывать ей всю биографию вплоть до того страшного дня, когда самолет Дональда потерпел аварию...

Было ужасно глупо, с моей стороны, ползая на эту удочку. Конечно, она с самого начала не собиралась отвечать ни на один из моих вопросов. Выслушав мой рассказ, она молча вышла из комнаты, оставив меня, задыхающуюся от бессильной ярости.

Я дождалась, пока в коридоре стало очень тихо. Музыка умолкла. Одна из маленьких ассистенток зашла на секунду, как ни в чем не бывало, с любезной и безликой улыбкой осведомилась, не нужно ли мне чего-нибудь, и тут же исчезла. Я выждала еще примерно полчаса, а потом собралась с силами и попыталась встать. Это далось мне с колоссальным трудом. Наконец мне удалось принять вертикальное положение, я медленно подошла к двери, чуть-чуть приоткрыла ее и прислушалась. Из коридора не раздавалось ни звука.

Я решила выйти и осмотреться. Все двери в палаты были закрыты. Прикладывая поочередно ухо к каждой двери, я слышала за ними мерное тяжелое дыхание и больше никаких звуков. Коридор несколько раз сворачивал в разные стороны, я медленно одолела его и очутилась перед парадной дверью, немного постояла в нерешительности, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, потом распахнула ее и вышла наружу.

— Мама! — раздался сзади острый, режущий слух окрик. — Что вы тут делаете?

Я обернулась и увидела одну из «карлиц» в странно-ватом мерцавшем белом комбинезоне. Она была одна. Не отвечая, я начала осторожно спускаться вниз. Мне с трудом удавалось двигаться и с еще большим трудом удерживать подступающую к горлу ярость на это тяжелое, нелепое тело, никак не желающее отпустить меня.

— Вернитесь. Сейчас же вернитесь, — четко произнесла ассистентка, подошла ближе и уцепилась за мою розовую хламиду. — Мама, вы должны сейчас же вернуться. Вы здесь простудитесь. — Она потянула меня за хламиду, я с силой наклонилась, услышала звук рвущейся материи, обернулась и потеряла равновесие. Последнее, что я увидела, ряд не пройденных мною ступенек, очутившихся прямо перед глазами...

Я открыла глаза, и чей-то голос рядом произнес: — Ну вот, теперь лучше. Но поступили вы очень дурно, Мама Орчиз. Счастье, что все так обошлось. Подумать только, сделать такую глупость. Мне, честное слово, стыдно за вас. Просто стыдно.

Голова у меня раскалывалась, но, что было гораздо хуже, весь этот кошмар продолжался. У меня не было никакого настроения выслушивать укоризненные сентенции, и я послала ее к чертовой матери. Она с изумлением вытаращилась на меня, потом лицо ее застыло в маске оскорбленного достоинства. Она налепила полосу пластыря мне на лоб и, поджав губы, вышла вон.

Если трезво рассудить, она была права. В самом деле, глупо было пытаться делать хоть что-то, находясь в этой чудовищной гряде плоти. От чувства своей беспомощности и жуткой жалости к себе я снова чуть не разревелась. Господи... как мне не хватало моего чудного, маленького тела, которое так верно служило мне и делало все, что я захочу. Я вспомнила, как Дональд показал однажды из окна гибкое молодое дерево и «познакомил» меня с ним, как с моей сестрой-близняшкой. А всего день-два назад...

Тут я неожиданно для себя сделала открытие, которое заставило меня инстинктивно напрячься и попытаться встать. В моей памяти больше не было никаких пробелов — я все вспомнила... В голове у меня загудело от напряжения, я откинулась на подушки, постаралась расслабиться и вспомнила все по порядку, начиная с того момента, когда из вены у меня выдернули иглу и кто-то протер место укола спиртом...

Но что же было потом? Я ожидала чего-то вроде сна, галлюцинации... Но не этой четко сфокусированной реальности... Господи!.. Что же они со мной сделали?..

Когда я открыла глаза, за окном стоял ясный солнечный день, а возле постели была целая команда «карлиц», с помощью которых мне предстояло проде-

лать весь утренний туалет.

Они деловито засучили рукава и приступили к привычной для них процедуре. Я терпеливо вынесла все от начала до конца, радуясь, что головной боли как не бывало.

Пока ассистентки возились со мной, раздался властный стук в дверь, и две фигуры в черных униформах с серебряными пуговицами без приглашения вошли в палату.

При виде их ассистентки с приглушенными вскриками, в которых явно слышался страх, дружно ринулись в дальний угол палаты. Вошедшие приветствовали меня вскинутыми в «салюте» правыми руками. Одна из них спросила:

— Вы Орчиз... Мама Орчиз?

— Так меня здесь называют, — ответила я.

Она поколебалась секунду, а потом, скорее просительным, чем приказным тоном, сказала:

— У меня есть предписание на ваш арест, Мама. Пожалуйста, следуйте за нами.

Из угла, где сгрудилась ассистентка, послышался возбужденный гомон. Женщине в униформе было достаточно одного взгляда, чтобы «карлицы» мгновенно затихли.

— Оденьте ее и приготовьте к поездке, — бросила она.

«Карлицы» стали потихоньку двигаться к моей постели, робко, заискивающе улыбаясь амазонкам. Строго, но без всякой злобы, одна из амазонок приказала:

— Быстрее. Пошевеливайтесь.

Они «пошевелились». Меня наспех засунули в розовую хламиду, и в этот момент вошла врач. Она увидела амазонок и нахмурилась.

— Что все это значит? Что вы тут делаете? — строго спросила она.

Старшая из амазонок почтительно доложила ей о «предписании» и «аресте».

— Арест?! — изумленно переспросила врач. — Вы хотите арестовать Маму?! В жизни не слыхала о таком идиотизме... По какому обвинению?

— Она обвиняется в Реакционизме, — как-то зауценно, механически ответила амазонка.

Врач вытаращилась на нее в немом изумлении.

— Мама-Реакционистка? — с трудом выговорила она. — Что... И ничего умнее вы там придумать не могли?! Живо убирайтесь отсюда! Обе!

— Но, Доктор, у нас есть предписание, — протестующе проговорили обе амазонки.

— Чушь. Не было такого прецедента. Вы когда-нибудь слышали об аресте Мамы?

— Нет, — последовал синхронный ответ.

— И будьте уверены, не услышите. Все. Вы свободны.

Женщины в униформах неуверенно потоптались на месте.

— Если бы Вы, Доктор, дали нам письменное подтверждение, что отказываетесь выдать Маму...

Когда они обе ушли, вполне удовлетворенные клочком бумаги, врач окинула «карлиц» мрачным взглядом:

— А вы не можете не болтать... — процедила она сквозь зубы. — Что на уме, то и на языке. Запомните, если что-то в этом роде повторится, я буду знать, что тому причина! — Она повернулась ко мне. — А вы, Мама Орчиз, будьте так любезны не говорить ничего, кроме «да» и «нет», когда рядом спуют эти маленькие бестии. Я скоро вернусь, мы хотим задать вам несколько вопросов. — добавила она и вышла, оставив за собой гнетущее молчание.

Она вернулась, и не одна. Четверо женщин, сопровождавших ее, выглядели вполне нормальными. Они расселись вокруг меня, словно перед экспонатом на выставке.

— Итак, Мама Орчиз, — сказала «моя» врач, — совершенно очевидно, что с вами произошло нечто необычное. Естественно, все мы хотим знать, что именно, и, если это возможно, выяснить причину. Вам не стоит утруждать себя мыслями об утреннем инциденте с полицией — с их стороны было вообще нелепо являться сюда. То, о чем мы хотим вас спросить, м-мм, обычное научное исследование — не более. Мы просто хотим выяснить, что произошло.

— Вы не можете хотеть этого больше, чем я сама, — ответила я, окинув взглядом все помещение.

«Моя» врач косо взглянула на остальных, словно желая сказать: «Теперь-то-вы-мне-поверили?» Те смотрели на меня в немом изумлении.

— Мы, пожалуй, начнем с нескольких вопросов, — прервала она молчание.

— Прежде я хотела бы кое-что добавить к тому, что рассказала вам прошлой ночью. Память вернулась ко мне полностью, — сказала я.

— Может быть, от того, что вы упали? — предположила она. — Кстати, что вы хотели сделать?

Я пропустила вопрос мимо ушей и продолжала:

— Думаю, мне стоит восполнить этот пробел... Это может помочь в какой-то степени... во всяком случае...

— Ну, хорошо. Вы говорили мне, что были, э-э-э, замужем, и что ваш... м-мм, муж вскоре погиб, — она переглянулась с остальными, сидевшими с лицами, полностью лишенными какого бы то ни было выражения. — что было после, вы вчера не помнили.

— Да, — подтвердила я, — он был летчик-испытатель.

Это случилось через шесть месяцев после нашей свадьбы, всего за месяц до истечения срока его контракта с фирмой... Несколько недель после этого я жила у своей тетки. Я... Не очень хорошо помню это время в подробностях — мне было... не до того. Но я очень хорошо помню, что в один прекрасный день я проснулась и поняла, что дальше так жить нельзя, что я должна чем-то заняться, должна работать, чтобы хоть немного отвлекаться... Доктор Хейлер — он заведовал Райчестерской больницей, где я работала до замужества, — сказал, что будет рад, если я вернусь к ним. И я вернулась... Работала очень много, чтобы меньше времени оставалось для воспоминаний... Это было месяцев восемь назад. Доктор Хейлер завел речь об одном препарате, который удалось синтезировать его другу, и я предложила испытать препарат. По его словам, препарат мог оказаться нужным и полезным... Мне очень хотелось принести хоть какую-то пользу с тех пор, как... И вот мне представился случай. Все равно, рано или поздно, кто-то должен был испытывать его. Словом, я подумала, что могу испытать его на себе — меня не очень волновали последствия...

— Что это был за препарат? — прервала меня врач.

— Он назывался «чюднжиадин», вы что-нибудь слышали о нем?

Она отрицательно качнула головой.

— Это наркотик, — объяснила я. — В натуральном виде его можно было получить из листьев дерева, растущего где-то на юге Венесуэлы. Случайно на него наткнулось племя индейцев. Несколько человек сидели в круг и жевали листья. Потом они впали в наркотический транс, который продолжался три-четыре дня. Во время транса они были совершенно беспомощны, поэтому за ними следили, как за младенцами. Так делалось всегда, потому что индейцы... По их преданиям, чюднжиадин освобождает дух от оков плоти, дает ему возможность свободно парить в пространстве и времени, и обязанность присматривающего за телом заключается в том, чтобы не дать другому блуждающему духу завладеть телом, пока его настоящий хозяин отсутствует. Когда бывший в трансе приходил в себя, он обычно рассказывал о своих «потусторонних» путешествиях и «чудесах», которые ему довелось увидеть. «Потустороннее» существование запомнилось во всех подробностях и было довольно... напряженным, насыщенным... Друг доктора Хейлера пробовал препарат на лабораторных животных, варьировал дозы, и, вероятно, препарат оказывал какое-то действие на нервную систему, но какое? Вызывал ли он наслаждение, боль, страх или, наоборот, отсутствие всего этого? Это мог рассказать только человек, и для этого я решила испытать его на себе.

Я умолкла. Взглянула на их серьезные, озадаченные лица, потом на свою тушу в розовой хламиде.

— Оказалось, препарат создает странную комбинацию абсурда, гротескной символики и детализированной реальности...

Сидящие передо мной женщины были искренни и... по-своему честны. Они пришли сюда, чтобы выяснить причину аномалии... если сумеют.

— Понимаю, — проговорила «моя» врач. — Вы можете назвать нам точное время и дату этого... эксперимента?

Я назвала, и после этого было еще много, очень много вопросов.

Больше всего в этом «научном исследовании» меня раздражало почти полное игнорирование моих вопросов. Хотя, чем дальше, тем менее уверенно они себя чувствовали, на все мои вопросы или не отвечали вовсе, или — вскользя, уклончиво, с какой-то небрежной досадой. Лишь когда мне принесли столик с едой, они оставили меня в покое. Мне стало ужасно грустно, и я впала в какое-то тоскливое забытие...

Разбудили меня суetyащиеся вокруг койки «карлицы», водрузили на «троллик» и выкатили из палаты, а потом из блока. Там нас ожидала розовая «скорая», точь-в-точь такая, на которой меня сюда привезли. Когда «троллик» вместе со мной закатили в машину, трое «карлиц» забрались туда, уселись на привинченные к полу стулья и тут же принялись о чем-то оживленно болтать вполголоса. Они так и проболтали всю дорогу, не обращая на меня никакого внимания.

Мы миновали большое скопление блочных строений, а мили через две въехали в парк через разукрашенные ворота. С одной стороны, он почти ничем не отличался от уже знакомой мне местности: те же аккуратные газоны, цветочные клумбы... Но здания здесь были другие, не блоки, а маленькие домики, различающиеся по своему строению. Место это вызвало странную реакцию у сопровождающих меня «карлиц» — они разом притихли и стали оглядываться вокруг в каком-то благоговейном страхе.

Шофер притормозил и, видимо, спросил у амазонок, везути ли тележку с известью, куда ехать дальше. Она ответила ему и улыбнулась мне через окошко. Мы немного попетляли между домиками и, наконец, остановились перед небольшим двухэтажным коттеджем.

Окончание следует.

Перевел с английского
Феликс САНДОВ.

31-я шахматная олимпиада

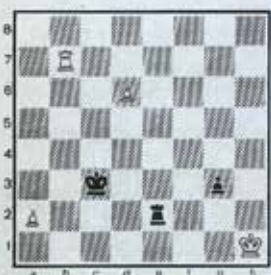
Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ОДИННАДЦАТЫЙ ТУР

Белые: Кре2, Ф6, Се5 (3)
Черные: Кре4, п.е7 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Крh1, Лb7, пп.а2, d6 (4)
Черные: Крс3, Ле2, п.г3 (3)
Выигрыш (3 балла)

III

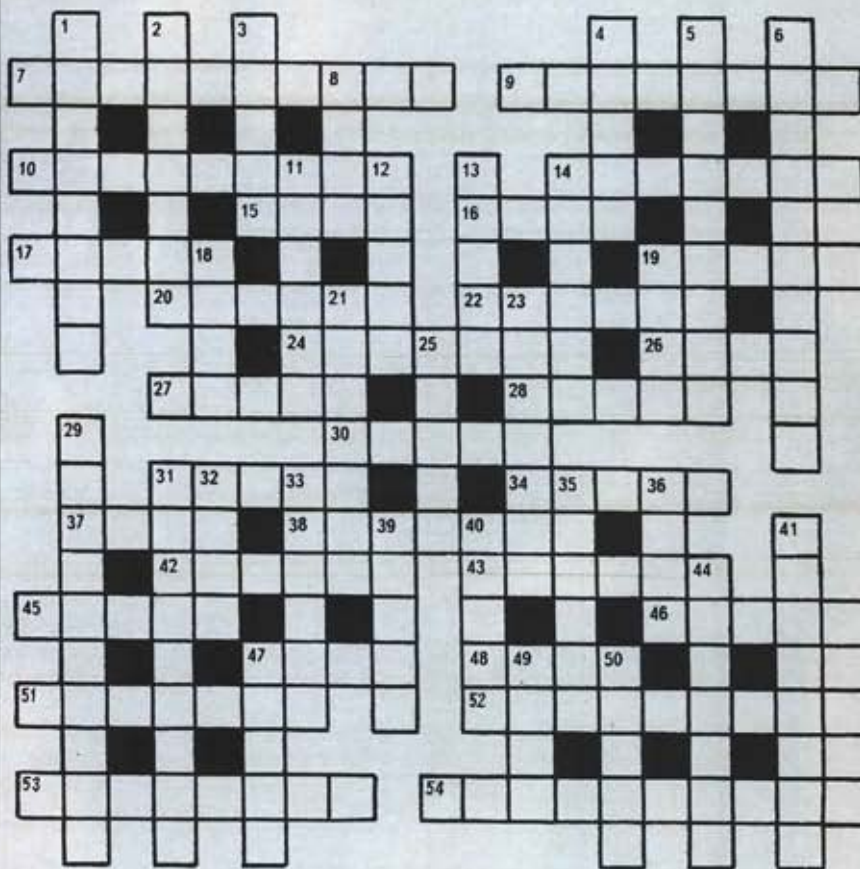
Белые: Крb3, Лd7, Сg4 (3)
Черные: Крh1, Сg5, Кf8, п.d6 (4)
Выигрыш (5 баллов)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. XI тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 октября.

Решения этюдов (задания II и III) просим присылать на отдельных открытках.

КРОССВОРД

Составил М. Васильев. Москва

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Итальянский историк и политик, автор теории «хорошо примененных жестокостей».
9. Русская поэтесса. Ее формула одежды: «Что не красиво на ветру, есть уродливо».
10. «Несун гнусен» (литературный жанр).
14. Самый «музыкальный» из ударных инструментов.
15. Таежная кошка, в 1939 году впервые проникшая на Камчатку.
16. Сердце мужчины во власти женских чар (состояние).
17. Советский дирижер.
19. Портный грузчик.
20. Трувер — стихи на французском языке, ... — на латинском.
22. Одно из русских названий запрятыванья, укрыванья.
24. Сердце атомохода.
26. Гора на острове Калимантан.
27. Игра, где надо попасть мячом в 72 лунки.
28. Гибрид сказки или новеллы с поговоркой или поговоркой.
30. Пристань на Воткинском «море».
31. Певчая птица. С го-

дами ее оперение становится красивее и ярче.
34. Русская писательница, сестра знаменитой в свое время поэтессы Мирры Лохвицкой.
37. И не ... бы мне туда, да уж больно просили (русская поговорка).
38. Советский актер, автор инсценировки «Фомы Гордеева» М. Горького.
42. Кустарник, из бутонов которого делают домашние шипучие напитки.
43. Старинный способ настраивать струнные инструменты и люти. 45. Награда.
46. Игра с обручем.
47. Вид спорта, признанный в Англии законным в 1901 году.
48. Русский врач-гуманист.
51. Пристань на озере Балхаш.
52. Аркадий Гайдар по отношению к родному городу.
53. Н. Введенский, Г. Гельмгольц или И. Павлов по принадлежности к науке.
54. «Свобода мысли и свобода веры» (В. Вернадский).

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Растение, символ стойкости в повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат».
2. Гоголевский герой, женой которого, по выражению Андрея Белого, была шкатулка.
3. Камень правильной формы для кладки стен.
4. Столица государства, где творил Конфуций.
5. Провинция Испании, где родился Сальвадор Дали.
6. Процесс разрушительный и создающий одновременно.
8. Азиатская страна, три четверти населения которой — народы тайской группы.
11. Представитель средневекового сословия с положительными отличительными свойствами: честь, набожность и способность любить.
12. Река в Бирме.
13. Жуткое существо, как оно описано в романе В. Гюго «Труженики моря».
14. Баллада А. Бюргера, переведенная В. Жуковским.
18. Французский музыкант, известный автор и исполнитель песен.
19. Родоначальник «метафизической

школы» в английской поэзии.
21. Апатитный «хвост» из алюминия и цемента.
23. Орган, каким бабочка или пчела пьет нектар.
25. Красная жидкость из плазмы и форменных элементов.
29. Торпеда под инициативу.
31. Птичье пение.
32. Гурман по-русски.
33. Группа колосьев, полоска, пропущенная комбайном.
35. Очень трудный для обработки драгоценный камень.
36. Серьезное дело на лживой, лицемерной основе.
39. Предмет, которым в совершенстве владеет ковбой.
40. Зажим для графитового стержня в карандаше.
41. Французский художник-романтик.
44. Руководящий орган факультета.
47. Одна из частей в «Картинках с выставки» М. Мусоргского.
49. Растение, на несколько дней «запирающее» в бутоне мух.
50. Зверек, упоминаемый в песне Р. Кудашевой «В лесу родилась елочка...».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

1. ...авизо. 4. Сфакс. 8. Саксаул. 13. Рокко. 14. Юбилей. 15. Синим. 16. Волчок. 18. Олекма. 19. Мачта. 20. «Школа». 26. Властитель... 27. Уговор... 29. Немо. 30. Плавост. 31. Рост. 34. Ендова. 35. Простодфила. 39. Ответ. 40. Жених. 44. Ямайцы. 46. Докука. 47. Иорданс. 48. Ковбой. 49. Курорт. 50. Разлука. 51. Инвар. 52. Чилим.*

По вертикали:

2. Вакула. 3. Закром. 5. Фабула. 6. Килька. 7. Грива. 9. Аристоктель. 10. Слон. 11. Улитка. 12. Айран. 17. Карта. 18. Ольга. 21. Швинген. 22. Гаммада (хаммада). 23. Слесарь. 24. Автожир. 25. Третьяк (трижды). 28. Подсвечник. 32. «Цветы». 33. Болид. 36. Пенюра. 37. Лямка. 38. Дарвин. 39. Оцеола. 41. Ходули. 42. Бузони. 43. Данте. 45. Эдил.

Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1492) ИЮЛЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНИУШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Юрий АФОНИН
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 05.06.89.
Подписано к печати 16.06.89.
А 01043. Формат 70 × 108^{1/8}.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 787.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

"МАСТЕРЫ"

Так случилось, что «металл» появился на нашей сцене одновременно с первыми изменениями в жизни страны. Наверное, это не более чем просто совпадение... Но появление нового, «бунтарского» направления в рок-музыке именно в этот период во многом предопределило его судьбу. «Металл» был просто обречен на успех у самой молодой прослойки рок-любителей, и прежде всего в силу своей «революционной» энергичности, боевитости, жесткости, резонирующей с потоком перемен.

Но как только полностью «открылись шлюзы», волны горячего «хэви» значительно успокоились. Осталось всего три-четыре группы «в жанре». И среди них «Мастер». Отпочковавшись от небезызвестной группы «Ария» в январе 1987 года, четверо музыкантов создали свою группу. Было решено, что музыка но-

воиспеченного «Мастера» будет достаточно «тяжелой», но очень экспрессивной, с нестандартной для традиционного «хэви» гармонией.

Действительно, музыку «Мастера» можно узнать довольно легко: странное гитарное соло, неожиданные переходы от одной темы к другой, высочайший темп и тут же «лирические отступления» — все это выделяет песни «Мастера» из общего «грома металла». И здесь дело не только в беглости пальцев гитаристов Андрея Большакова (руководитель группы) и Сергея Попова, но и в их чувстве меры и такта в общении с музыкальным материалом. С четкостью отбойного молотка работает ритм-секция — Игорь Молчанов (ударные) и Александр Грановский (бас-гитара), и над всем этим музыкальным полотном льется очень сильный, очень узнаваемый (что для «хэви» немаловажно) голос

Михаила Серышева, который сменил вокалиста из первого состава «Мастера» Александра Арзамаскова. В качестве музыкальных красок (но не более) используется звучание клавишных инструментов, которыми «командует» Кирилл Покровский.

В текстах своих песен «Мастер» старается уйти от проблем сиюминутных, от модной нынче «разоблачительки». Музыкантам интересны вечные вопросы: дружба, стремление к счастью, миру, взаимопониманию. Не чужда «металлистам» из «Мастера» и любовная лирика — лишь бы все в песнях было честно и на хорошем профессиональном уровне.

Сейчас идет запись нового диска, который в отличие от первого — ретроспективного сборника — будет носить концептуальный характер.

Этим летом после полугодичного перерыва группа выйдет на сцену

с новой программой. На мой взгляд, она значительно выигрывает у предыдущей по разнообразию музыкального материала, по серьезности отношения к своему делу. Новая музыка «Мастера» не поддается классификации — это конгломерат из элементов «трэша» и «спид-металла», замешенный на традиционной «хард-роковой» основе. Может быть, с первого раза композиции покажутся неискушенному слушателю несколько странными, холодными, но вслушайтесь еще раз — и вы поймете, сколько в них заложено и реализовано музыкальных идей. Новые песни «Мастера» — плод коллективного творчества всей группы. И что особенно важно — они заставляют поклонников «хэви» думать.

Евгений ФЕДОРОВ
Фото Евгения МАТВЕЕВА